

3634
KH

Фон.

КУНЦОВО

и

древній сѣтунскій станъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

№ 303.

СОЧИНЕНІЕ

И. Забѣлина.

Изданіе К. Солдатенкова.

Минин

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРИБЛИЖЕНСКІХЪ К., Д. ШИЛОВОЙ,
1873.

КУНЦОВО

и

древній сътунскій станъ.

ИСТОГНЧКСКІЯ ВОСИОМИНЛІЯ.

сомами

И. Забілима.

ИЛДПШО К. Солдѣтѣшні.

МОСКВА.

Тіуорѣ 1*11 гддѣва ■

* пгмістмсміь д. шяюмі.

1873.

* Москва съ своими окрестными селеніями и дачами раскинута въ такой прекрасной мѣстности, что по справедливости почитается однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Европы. Коренные москвичи, конечно, этого не замѣчаютъ: они уже достаточно приглядѣлись къ родной красотѣ своего роднаго города; но свѣжій глазъ путешественника и особенно художника находятъ эту красоту не только въ общихъ панорамахъ столицы, съ любой стороны, но и въ каждомъ уличномъ закоулку, который лишь бы открыто смотрѣлъ на Кремль или на одну изъ тѣхъ же панорамъ. Красота мѣстоположенія становится еще больше привлекательною отъ своеобразія и многочисленности старинныхъ, особенно церковныхъ, построекъ Москвы, которыя придають ей такой оригинальный, просторный, ни съ чѣмъ несравнимый типъ стараго русскаго города, 4то всѣ другіе старые города Великой Руси относительно своей*красоты и пространства очень справедливо именовали себя только уголками Москвы. „Нашъ городокъ — Москвы уголокъ!“^a говорилось и въ Ярославлѣ, и въ Твери, и повсюду, гдѣ приходило на мысль опредѣлить типическія черты красивой мѣстности и красиваго построенія стариннаго города. Народъ же свое удивленіе передъ старою Матушкою-Москвою выразилъ особымъ и очень сильнымъ присловьемъ: „Кто въ Москвѣ не бывалъ—красоты не видалъ!“ Поговорка эта, выразившаяся въ послѣдствіи и литературно, стихомъ: „Чтб

Матушки Москвы и краше, и милѣй!“ сложилась, конечно, въ то еще время, когда Москва на самомъ дѣлѣ была единствен- нымъ па Руси городомъ, достойнымъ удивленія. Это было задолго до построенія приморскаго красавца Петербурга, и въ ту эпоху, когда старѣйшій и первый на Руси, днѣпровскій красавецъ, Кіевъ, совсѣмъ было удалился отъ русскихъ со- зерцаній въ чужую землю. Въ этотъ-то промежутокъ времени, между рожденіемъ Петербурга и удаленіемъ отъ Руси Кіева, выросла Москва и явилась не только истинною русскою силою, но и настоящею русскою красотою, какой прежде по всей Русской Землѣ не было видано. Что Московская красота носить въ себѣ черты восточныя и мало походить на западный обликъ, то въ этомъ развѣ есть что либо унизительное, что либо недостойное челоуѣчества и челоуѣчности. Раз- вѣ Востокъ неизмѣнно долженъ обозначать только Скиѣа, Гунна, Татарина и всякаго степнаго варвара, съ именемъ кото- раго такъ любятъ смѣшивать на Западѣ и Русское имя. Живя на востокѣ, имѣя постоянное дѣло съ Востокомъ, Москва Физически не могла выростить себя совсѣмъ по - западному образцу, съ которымъ въ дабавокъ не сошлась характеромъ но Вѣрѣ и по нѣкоторымъ политическимъ начал&мъ. Но за то она неутомимо шла не собственно къ западнымъ, а вообще къ европейскимъ цѣлямъ развитія и успѣла присвоить своему родному Востоку именно европейскія силы народнаго совер- шенствованія. Къ тому же при внимательномъ и ближайшемъ разсмотрѣніи, восточный обликъ Москвы окажется вовсе не восточнымъ, а въ полной мѣрѣ русскимъ, въ полной мѣрѣ са- мобытнымъ созданіемъ русской народности. Если народъ от- мѣтилъ свой взглядъ на Москву такимъ выразительнымъ при- словьемъ, то онъ номышлялъ здѣсь не объ одной внѣшней кра- сотѣ города, а столько же и о самобытномъ' русскомъ харак- терѣ этой красоты. Высшую красоту старинный русскій народъ созерцалъ въ Божіемъ храмѣ, а въ Москвѣ было столько церквей, что трудно было ихъ и перечестъ—сорокъ соро- ковъ! Кромѣ красоты мѣстоположенія, пестрая, кудрявая, своеобразная архитектура этихъ Церквей, золотыя маковки, золо-

тын главы, стройны* колокольни, царскіе и боярскіе высокіе хоромы, терема и вышки съ самыми разнообразными и замысловатыми кровлями, которыя возвышались шатрами, бочками, скирдами, епанчами и т. п.; затѣмъ круговыя каменныя и деревянныя стѣны съ башнями и воротами, красотѣ и отдѣлкѣ которыхъ удивлялись даже иноземцы; длинные ряды деревянныхъ уличныхъ построекъ, по большей части деревенскихъ же вырѣзныхъ избъ, утопавшихъ въ зелени садовъ и огородовъ, раздѣленныхъ по мѣстамъ полянками и вспольями,—все это, пестрое, веселое, зключающее въ себѣ столько согласія съ лѣсною природою страны, представляло въ сущности только общій типъ красоты каждаго русскаго города, соединяло въ себѣ общія русскія черты не только городскія, но и сельскія, деревенскія, и потому восхищало русское чувство прелестью роднаго облика всей Русской Земли, по преимуществу Земли деревенской.

Впрочемъ и западные иноземцы, послы и посланники, подъѣзжавшіе къ Москвѣ въ XVI и XVII ст. большею частію отъ Смоленска, по Можайской дорогѣ, именно отъ мѣстности Купцова, приходили въ неописанный восторгъ, когда съ Поклонной Горы открывалась имъ въ самомъ дѣлѣ восхитительная панорама и самаго города и окружающихъ красивыхъ мѣстъ, расположенныхъ между Воробьевыми Горами, направо, и Тремя Горами, на лѣво, съ обширнымъ лугомъ или цѣлымъ полемъ Ходынки, съ безконечными лѣсами по сторонамъ, уходящими и теперь далеко за горизонтъ. Они говорили, что видъ на Москву издали, т. е. именно съ этого пункта, по обширности и великолѣпію города, есть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія удавалось имъ когда либо видѣть. Благочестивые изъ нѣмцевъ прямо сравнивали Москву съ Іерусалимомъ, разумея въ этомъ имени всё прекрасное и великолѣпное, чѣмъ только городъ можетъ отличаться по своей красотѣ. Первыя легенды о построеніи или о началѣ Москвы тѣже называли ее Іерусалимомъ. Но нѣмцы прибавляли, что внутри Москва была похожа на Виѳлеемъ и тѣмъ подавали намекъ, что въ сущности это былъ городъ деревенскій, бѣдный, во многомъ изъ

своего устройства напоминавшей конюшню или скотный дворъ. Какъ бы ни было, но красотою своего мѣсторасположенія Москва приводила въ восхищеніе европейскихъ путешественниковъ, которые на своемъ пути конечно видали много хорошаго и могли оцѣнить прекрасную мѣстность Москвы по достоинству. Ихъ же словами можно было выразить ту же народную поговорку, что кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Однако сама Москва повидимому вовсе не помышляла о своей природной красотѣ. Она вообще думала, что въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего особеннаго, о чемъ бы можно было толковать, и потому не оставила намъ никакихъ литературныхъ памятниковъ, гдѣ бы выражались и изображались мысли и чувствованія старинныхъ москвичей относительно тѣхъ красотъ природы, посреди которыхъ они жили и которыхъ вовсе не замѣчали.

Говорятъ, что у старой Москвы дѣйствительно не было никакой чувствительности къ красотамъ своей природы. Покрайней мѣрѣ въ этомъ были крѣпко убѣждены всѣ первыя чувствительныя сердца, впервые заговорившія въ Москвѣ о природѣ, утверждая, что и самаго слова природа съ такимъ понятиемъ у старинныхъ русскихъ людей не существовало. Но если не существовало слова и понятія, то стало быть въ старинномъ русскомъ образованіи и развитіи не существовало цѣлой области высокихъ поэтическихъ созерцаній и наслажденій своею жизнію.

Этому, на первый разъ, пожалуй, можно повѣрить, если кто знаетъ, какъ мало радости испытывали старинные русскіе люди, созидая наше теперешнее относительное благополучіе; въ какой тяжелой исторической работѣ, въ какомъ государственномъ и общественномъ, нравственномъ и умственномъ гнетѣ она переживали свой скорбный, трудовой вѣкъ. Можно сообразить, что этимъ людямъ было -не до Восхищеній и не до удивеній передъ красотами природы. Они тѣже самыя прекрасныя окрестности Москвы, вмѣсто восхищенія ими, принуждены были вскапывать для своихъ могилъ, защищая ихъ шагъ за шагомъ отъ враговъ; принуждены были поливать ихъ своею

благодатною кровью въ отчаянныхъ битвахъ съ Крымскимъ Ханомъ или съ гордымъ Ляхомъ, нашествія которыхъ или ихъ угрозы нападеній продолжались чуть не до времени Петра. И мы, къ сожалѣнію, очень крѣпко забываемъ, что въ то время не существовало еще самага простаго, но самага важнаго для всякихъ чувствованій обстоятельства, которымъ вполне пользуемся теперь, именно не существовало безопасности отъ внезапнаго нашествия врага. Можно очень вѣрно сказать, что допетровская Москва стояла еще, какъ и древній Кіевъ, на границѣ кочевыхъ степей и безпрестанно отбивалась отъ степныхъ варваровъ. О какихъ красотахъ природы можно было думать въ это время? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что старинные русскіе люди въ самомъ дѣлѣ не были чувствительны къ природѣ, въ самомъ дѣлѣ были уже совсѣмъ одичалыми безчувственными варварами, какъ отчасти старались показать наши первыя чувствительныя сердца, заговорившія литературно о своихъ чувствахъ. Это вопросъ настолько любопытный въ исторіи нашего общественнаго развитія, что необходимо по крайней мѣрѣ затронуть его, собравши на первый разъ нѣсколько свидѣтельствъ и указаній по этому предмету.

Извѣстно, что какъ бы человекъ не былъ дикъ, какъ бы не былъ онъ обиженъ природою, онъ все-таки чувствуетъ, что она ему не только мать, но и цѣлый безпредѣльный міръ поэзіи, гдѣ всякому пониманію, даже и самому низменному по своему развитію, бываетъ свѣтло и радостно, бываетъ однимъ словомъ хорошо. Здѣсь намъ невольно приходитъ на память давно знакомый поэтическій образъ отброшеннаго людьми, и одичалаго Лёвки въ Запискахъ доктора Крупова. Докторъ психіатръ не многими чертами, но очень глубоко и полно выразилъ именно такое отношеніе простаго, не утонченнаго развитіемъ пониманія и чувства къ красотамъ матери-природы. Однажды докторъ предложилъ юродивому Лёвкѣ идти въ лѣсъ. Лёвка съ радостію отвѣчалъ: „Пойдемъ! пойдемъ далеко, хорошо будетъ, очень хорошо!“ Послѣ долгаго пути, Лёвка вывелъ доктора на открытое высокое мѣсто надъ рѣкою съ обширнымъ и прелестнѣйшимъ сельскимъ видомъ, какими такъ

богата область Великой Руси. Одичалое дитя природы—Лёвка могъ выговорить только одно: „Здѣсь хорошо, здѣсь хорошо!*—Чтоже хорошо? спросилъ докторъ, испытывая, что скажетъ идиотъ, и получилъ отвѣтъ: „Лёвка не знаетъ,—такъ хорошо!“ т. е. безъ мудрости, просто хорошо. Въ этомъ одномъ словѣ по большей части выражаются восхищенія природою и у людей съ утонченнымъ вкусомъ и образованіемъ, по той причинѣ, что непосредственное, сильное и глубокое чувство очень рѣдко и вообще не скоро находятъ слова для своего выраженія.

Такимъ образомъ о природномъ человѣку чувствѣ природы намъ говорить нечего: оно само есть лучшая, возвышеннейшая природа въ человѣкѣ. Очевидно, что люди, не находившіе такого чувства у русскихъ стараго вѣка, смѣшивали понятія и, говоря о чувствѣ природы, разумѣли здѣсь одну-лишь сентиментальность, въ добавокъ одну лишь слезливую и отчасти жеманную чувствительность, съ которою вовсе не былъ знакомъ нашъ старый вѣкъ, но которая, явившись уже въ ближайшую къ намъ эпоху, разумѣется имѣетъ также свое важное значеніе въ русскомъ развитіи.

Надо сказать, что нашъ старый допетровскій вѣкъ по своему эстетическому и нравственному развитію весь цѣликомъ принадлежалъ еще той первобытной эпохѣ, когда человѣкъ жаль съ природою за одно, вовсе не отдѣлялъ себя отъ природы, т. е. вовсе не разсуждалъ о ней со стороны своихъ впечатлѣній, вовсе не допытывался, какъ она хороша, почему, отчего хороша, и всякое свое созерцаніе ея красотъ выражалъ, какъ Лёвка, однимъ словомъ: хорошо—такъ, просто—хорошо! Разсужденія и размышленія о чувствѣ природы или о своей чувствительности къ природѣ обыкновенно возникаютъ въ то время, когда человѣкъ уходитъ въ самого себя, углубляется въ дремучіе лѣса собственнаго чувства и собственной мысли. Тамъ, естественно, глазъ-на-глазъ онъ встрѣчается съ своими впечатлѣніями и восхищается ими даже больше, чѣмъ самою природою. Въ этомъ самоуглубленіи чувства и лежитъ основаніе такъ называемаго „Сентиментальнаго“^a отношенія къ природѣ. Въ немъ чувство проникается мыслию и природа

становится для человека свѣтлымъ и очаровательнымъ зеркаломъ, въ которомъ сентиментальность всего больше любить созерцать самое себя, т. е. всего больше любить мыслить природу, размышлять, бесѣдовать съ природою, сознавать ее. Ясно, что такое утонченіе въ развитіи чувства бываетъ уже плодомъ цивилизаціи, плодомъ жизни, умудренной наукою, усовершенствованной искусствомъ, вообще жизни, руководимой исключительно сознательными силами развитія. Нашъ старый вѣкъ такими богатствами еще не обладалъ и потому жилъ какъ сама природа, въ круглой непосредственности и безыскусственности и любилъ природу безъ рпзужденій и безъ размышленій, какъ могутъ любить только дѣти. Наивное дѣтство и было основою его эстетическаго и нравственнаго развитія.

Конечно этотъ возрастъ народной жизни соединяется всегда, въ условіяхъ быта политическаго и общественна[™], съ прями[™] варварствомъ; но относительно чувства природы, относительно поэтическихъ созерцаній «онъ варваромъ не бываетъ и всегда остается лишь наивнымъ дитею природы, кото* рую ему нечего отыскивать въ рощахъ и лугахъ или на берегу ручейковъ и рѣчекъ: онъ, какъ дитя, постоянно находится у ней же на рукахъ, въ ея материнскихъ объятіяхъ.

Сентиментальное исканіе природы совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ народнаго развитія, когда дитя сходитъ сърукъ природы, становится на ноги и самъ начинаетъ ходить безъ ея руководства, т. е. когда онъ вырастаетъи начинаетъ смыслить, когда начинается періодъ жизни сознательной. Это, какъ мыза-мѣтили, происходитъ отъ распространенія въ пародной жизни цивилизующихъ началъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ литературѣ, въ смыслѣ художественна[™] словеснаго творчества, въ смыслѣ искусства. Вотъ почему и исторія чувствительныхъ, сентиментальных!, сердець, впервые появившихся въ московскихъ окрестностяхъ, начинается не слиш-комъ далеко отъ нашего времени.

Нельзя отрицать, какъ увидимъ, что таковыя сердца появлялись и въ старое время, но они появлялись одиночно и небыли выразителями общаго седтиментальнаго цастройства жизни.

Первый, кто съ особеннымъ талантомъ, увлекательно и поэтически заговорилъ не только о красотахъ московской природы, но и объ Русской Исторіи, былъ Карамзинъ, а первое произведеніе, которое до крайности и разнежило и[^]умягчило московскія грубыя сердца, была повѣсть: Бѣдная Лиза (1792 г.). Известно, какое свежее и сильное-впечатлѣніе эта Лиза произвела на тогдашнюю Москву. Это была первая весенняя пѣснь соловья, первые сладкіе звуки о прекрасномъ въ природѣ, о прекрасномъ въ природе человека, о прекрасномъ въ природе всякой мѣстности. Повѣсть прямо и начиналась сентиментальнымъ вступленіемъ, въ нѣкоторомъ родѣ интродукціею или увертюрою, именно о красотахъ московской природы.

„Можетъ быть, писалъ авторъ, никто изъ живущихъ въ Москве, не знаетъ такъ хорошо окрестностей сего города, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ поле, никто более моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цели—куда глаза глядятъ—р.о лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лето нахожу новыя пріятныя места, или въ старыхъ новыя красоты*.

Описавъ за тѣмъ красивую местность Симонова монастыря, авторъ заключаетъ: „Часто прихожу на сіе место и почти всегда встречаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вместе съ Природою!Но всего чаще привлекаетъ меня къ стенамъ монастыря воспоминаніе о плачевной еудьбе Лизы, бедной Лизы. Ахъ! я люблю те предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нежной скорби!*

Въ этой интродукціи заключилась какъ бы программа для новыхъ чувствованій, какія должны были испытывать Москвичи, обзревая свои окрестности. Съ той поры чувствительныя и мечтательныя души, или справедливее сказать все друзья природы, для которыхъ не были чужды поэтическія созерцанія, направили свои прогулки къ Симонову монастырю, где вдали зеленела заветная рощица надъ завѣтнымъ же небольшимъ прудомъ, въ которомъ утонула несчастная Лиза. Не только москвичи, но даже и пріезжіе изъ городовъ, кто

былъ близокъ литературнымъ интересамъ, тоже хаживали, даже зимою, взглянуть на чувствительный Лизинъ прудъ. Извѣстный Тѣтворъ баллады „Громваль“^а, по происхожденію казанецъ, купеческій сыгаъ, Каменевъ, о которомъ Пушкинъ сказалъ, что онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма и сталъ романтикомъ, прѣхавъ однажды зиіюю (1799 г.) въ Москву, такъ описываетъ свое путешествіе къ этой завѣтной мѣстности: „Третьяго дня день былъ ясный. Вздумалось мнѣ. воспользоваться пріятною погодой и побывать въ томъ монастырѣ, въ окрестностяхъ коего жила нѣкогда Бѣдная Лиза. Въ три часа за-полдни прѣхаль якъ нему. Монастырь построенъ на горѣ; видъ хорошъ и окрестности расположены точно такъ, какъ г. Карамзинъ описываетъ. Съ правой стороны, верстахъ въ двухъ разстоянія видна почти вся Москва... Съ полуденной стороны, подъ самыми стѣнами, растеть густой кустарникъ, а саженьяхъ въ 80-ти рошица. Видно, что та самая, близъ коей Лиза жила съ матерью; только очень, очень, не густа, и наперечетъ не болѣе пятидесяти деревьевъ, безъ порядка разсѣянныхъ“^а. Вымысль поэта сталъ дѣйствительностью; нѣжныя сердца чертили на деревьяхъ вензель Лизы или собственные вензеля съ отмѣтками даже числа и года, когда совершали сюда чувствительное путешествіе; вырѣзывали чувствительные стишки тогдашнихъ поэтовъ, вообще старались чѣмъ либо увѣковѣчить память своего сердца. До того времени безымянный прудъ получилъ имя: Лизинъ прудъ, которое вырѣзывается и до сихъ поръ на плакахъ Москвы. И этотъ прудокъ, такимъ образомъ, поступилъ въ число достопримѣчательностей города, не менѣе важныхъ для его исторіи, какъ и другіе памятники, ибо въ этомъ имени выразился, и не московскій только, но общерусскій поворотъ литературнаго развитія на новую дорогу. Съ того времени москвичи „научились любоваться красотами Натуры“⁴. Загородныя мѣста освѣтились иозтическимъ чувствомъ и стали привлекать къ себѣ, какъ новый источникъ удовольствія, какого наши предки быть можетъ никогда и не испытывали. Съ того времени живоисццыа окрестности Москвы огласились

вздохами и ахами, оросились слезами тихой поэтической грусти; пѣвцы-стихотворцы запели романсы и песенки о рощахъ в лугахъ,- повѣствователи рассказывали все о той же Бедной Лизе на все лады. Явилась даже „Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ“ (1804 г.). Самъ Жуковский посвятилъ свою чувствительность и романтику „Марьиной Роще“ (повесть, 1809 г.).

Само собою разумеется, что увлеченіе, произведенное Бедною Лизою, вызвавшее въ литературе многочисленныя подражанія, не замедлило вскоре и само превратиться въ приторную пошлость, которую точно также не замедлила осмеять здравая сатира. Передразнивая въ точности чувствительныхъ повествователей, эта сатира нарисовала безвыходное положеніе новаго автора, который не знаетъ, где пріютить героевъ-любовниковъ своей новой повести, где найти место для действий своей чувствительности, ибо куда не забредеть меланхоликъ безъ плана и цели, вездѣ воспоминанія, вездѣ наслажденіе для памяти сердца! „Напрасно молодые авторы будутъ искать около Москвы какого нибудь местечка для поселенія героевъ-любовниковъ, старушекъ, пустынниковъ.... Все уже занято!... Воробьевы горы—заняты; окрестности Симонова—заняты; Марьиная роща—занята! Лизы, Тани, Кати, Маши, со всѣми семействами и знакомцами, отмежевали себѣ поля, горы, лѣса, долины, и уже некуда водить читателей...“ Наконецъ авторъ находитъ место для поселенія своихъ любовниковъ: это Лужники, *) что за Девичьемъ монастыремъ. „Безподобно!... Прелестно!...“ восклицаетъ онъ. „Я заставлю гулять по Лужникамъ всю чувствительную публику московской столицы ... Моя повесть будетъ такъ интересна, такъ трогательна, что Лужники сделаются сходбищемъ всѣхъ меланхоликовъ обоихъ половъ; не останется кругомъ ни одной березы, ни одного дуба, ни одной сосны, на которыхъ бы не были вырезаны стишки...“

Конечно, было очень много смешнаго въ подобныхъ изліяніяхъ чувствительности, которая съ разсудочной и остроум-

*) Остроумный вамакъ о лувѣ, хотя сіево лувнвн озвачаетъ иѣстность луговую,

ной точки зрѣнія всегда оказывается довольно глуповатою. Но въ этомъ сентиментальномъ настроивѣ литературныхъ вкусовъ все таки слышался хотя и слабый отголосокъ обще- европейскихъ гуманныхъ стремленій: чувствительность къ красотамъ природы вызывала чувствительность къ человѣку. Въ туманныхъ образахъ сентиментальности все таки виднѣлся, хотя тоже въ большомъ еще туманѣ, идеаль, которому имя было—человѣчность, и который вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тѣхъ же повѣстяхъ очень ясно заявлялъ свои требованія о правахъ человѣка на свободу и независимость чувства. Для русскаго общества это былъ первый привѣтливый голосъ, звучавшій объ освобожденіи человѣческихъ чувствъ изъ крѣпостной зависимости многообразныхъ бытовыхъ порядковъ, нажитыхъ вліяніемъ и развитіемъ стараго Домостроя, Всѣ эти Бѣдныя Лизы въ одномъ смыслѣ выговаривали одно слово, очень наглядно изображенное тою же сентиментальною поэзіею въ слѣдующихъ стихахъ:

Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?
Какой законъ святѣ
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?
Какая власть силкнѣ Любви и
красоты.

Очень понятно, что русское общество, воспитанное въ кру- тыхъ запретахъ стараго благочестія или въ сухихъ и черст- выхъ сказаніяхъ семинарской схоластики, при появленіи та- кой проповѣди, почувствовало для своихъ впечатлѣній какъ бы свободу и радости весенняго возрожденія жизни...

Оно съ небывалою жадностью стало читать повѣсти, романы, поэмы, стихи, и съ этого только времени научилось чувствовать и понимать художественной красоты литературныхъ произведеній, научилось вообще черпать въ литературѣ новыя и изящныя наслажденія, какихъ не испытывало прежде. Это было великое завоеваніе цивилизаціи для перевоспитанія об- щественныхъ нравовъ и вкусовъ. Здѣсь же заключается и историческій смыслъ сентиментальнаго направленія въ нашей

литературѣ. Но сдѣлавъ свое дѣло, водворивъ нѣжное и мягкое въ черствой и грубой средѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ поставило себя исключительною цѣлью для литературныхъ вкусовъ, что, конечно, было ошибкою и за что оно должно было вскорѣ превратиться, какъ упомянуто, въ приторную пошлость. Очень также понятно, что московскую исторію пробужденія въобществѣ чувства природы или любви къ природѣ Карамзинъ началъ съ своего же времени, не оставляя ничего па долю нашихъ предкамъ даже первой половины восемнадцатаго, не говоря уже о допетровскихъ вѣкахъ. Въ „Запискахъ стараго московскаго жителя“¹ (Вѣстникъ Европы 1803 г.) онъ говоритъ объ этомъ по случаю чувствительной покупки букета ландышей.

Однажды авторъ, оставшись весною въ Москвѣ безъ общества, скучалъ и не зналъ, чѣмъ отвлечь себя отъ скуки. „Отъ скуки всего лучше писать, размышлялъ онъ. Но о чемъ?“ Критики современныхъ нравовъ или современныхъ порядковъ онъ опасался, не желая прослыть злымъ сатирикомъ или попасть въ число брюзгливыхъ стариковъ, которые все новое осуждаютъ. „Нѣтъ, рѣшилъ онъ, брошу на бумагу замѣчанія самыя невинныя и служащія неоспоримымъ доказательствомъ того, что все идетъ къ лучшему на свѣтѣ, покрайней мѣрѣ у насъ на Руси... Но въ такомъ случаѣ должно подумать...“ Въ эту минуту онъ слышитъ у своего окна женскій голосъ: „Господинь! Господинь! Не надобно ли вамъ цвѣтовъ... Смотрю, продолжаетъ авторъ, и вижу сельскую невинность, которая, остановившись передъ окномъ моего низенькаго домика, по-казываетъ мнѣ букетъ свѣжихъ ландышей. Встаю съ кресель, какъ молодой человѣкъ, даю деньги, беру цвѣты, нюхаю ихъ и снова ищу въ головѣ мыслей.... Но чего лучше? Этотъ букетъ можетъ быть темою.... Безъ сомнѣнія!.... Задумываюсь на минуту и восклицаю: Слава нынѣшнему просвѣщенію и великимъ успѣхамъ его въ Москвѣ бѣлокаменной!“

„Такъ, на моей памяти образовалась въ нашей столицѣ новая отрасль торговли: на моей памяти стали продавать здѣсь ландыши. Бстѣли докажутъ мнѣ, что въ шестидесятихъ годахъ хотя одинъ сельскій букетъ былъ купленъ на московской ули-

цѣ, то соглашаюсь бросить перо свое въ первый огонь, который разведу осенью въ моемъ каминѣ.... Изъ чего мы, философы, заключаемъ, что московскіе жители просветились: ибо лю- боль къ сельскимъ цвѣтамъ есть любовь къ натуре; а любовь къ натуре предполагаетъ вкусъ нежный, утонченный искус- ствомъ. Какъ первые приемы философіи склоняютъ людей къ вольнодумству, а дальнейшее употребленіе сего драгоценна- го элексира снова обращаетъ ихъ къ верепредковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человека отъ природы, а даль- нейшіе, снова приводятъ его къ ней. Старинные русскіе бояре не заглядывали въ деревню, не имели заго- родныхъ домовъ и не чувствовали ни малейшаго влеченія наслаждаться Природою (для которой не было и сама го имени въ языке ихъ); не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья дере- венскій воздухъ.... Правда, что они были здоровее нашего; но это неизъяснимое чудо!... О варварство! они гуляли только въ своихъ огородахъ, где, сидя прѣдъ тѣнію черемухи, пивали холодный медъ изъ стопъ оловянныхъ; не имели даже и цветниковъ; въ глаза не знали великолепной душистой розы, которую уже во время царя Михаила Ѳеодоровича привезъ въ Москву голштинецъ Петръ Марселисъ *)!¹¹

Въ другомъ месте, въ своемъ „Путешествіи вокругъ Москвы¹¹, упоминая о Шеремѣтевскихъ подмосковныхъ, славномъ некогда Кускове и Останкине, Карамзинъ выражаетъ свое недовольство ихъ местоположеніемъ и по этому случаю Ае- лааетъ общую отметку: “ Вообщемъ можно сказать, что наши старинные бояре для сельскихъ жилищъ своихъ не искали живописныхъ мѣстъ, которыхъ довольно въ окре- стностяхъ Москвы. Од ия ъ Кири л а Полуектовичъ На- рышкинъ умелъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы-реки, где представляется взору самый величественный амФитеатръ.“

„Только при государе Петре В.еликомъ, продолжаетъ авторъ, знатнѣе начали строить дома въ подмосковныхъ; но

*) Прешдѣ въ Россіи нѣвѣстны были одяѣ діія розы (шповниіѣ).

еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому русскому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревне. Какая разница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пустѣеть лѣтомъ; когда всякой дворянинъ, насытившись зимою городскими удовольствіями, при начала весны спѣшитъ въ село, слышать первый голосъ жаворонка или соловья! А кто долженъ остаться въ Москвѣ, тотъ желаетъ по крайней мѣрѣ переселиться за городъ; число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея годъ отъ году умножается; ихъ нанимаютъ не только дворяне, но и купцы. Мнѣ случилось въ одной подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай, обращенный въ комнату бѣ диванами; тутъ въ хорошее время года живетъ довольно богатый купецъ съ своимъ семействомъ. Въ городѣ . у него каменный домъ и большой садъ; но онъ говоритъ: „что можетъ сравняться лѣтомъ съ пріятностію сельской жизни?“^a Самые ремесленники любятъ уже веселиться хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Поѣзжайте въ воскресенье на Воробьевы горы, къ Симонову монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Портные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ. Мы видали это въ чужихъ земляхъ, а у насъ видимъ только съ нѣкотораго времени, и должны радоваться. Еще не такъ давно я бродилъ уединенно по живописнымъ окрестностямъ Москвы и думалъ съ сожалѣніемъ: „какія мѣста! и никто не наслаждается ими!“¹ а теперь вездѣ нахожу общество!⁰

„Однимъ словомъ, русскіе уже чувствуютъ красоту природы, умѣютъ даже украшать ее. Поѣзжайте подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! Напримѣръ, село Архангельское, въ 18 вер. отъ Москвы, вкусомъ а великолѣпіемъ садовъ своихъ можетъ удивить самого британскаго лорда; счастливое, рѣдкое мѣстоположеніе еще возвышаетъ красоту ихъ. Рощи — гдѣ дикость природы соединяется съ удобствами искусства и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хо

рошему виду, или къ обширному лугу, или къ живописной дичи— наконецъ заступаютъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ, правильныхъ садовъ, которые ни на что не похожи въ натуре и совсѣмъ не действуютъ на воображеніе. Скоро безъ со- мненія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самый ма-ленькій ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія красоты гораздо болѣе, нежели сіи мут- ные зеркала, где гніетъ вода неподвижная.... Знаете ли что и самый Московскій булеваръ (Тверской, который тогда только начинали разводить), каковъ онъ нѣсть, доказыва- етъ успѣхи вашего вкуса? Вы можете засмеяться, государи мои; но утверждаю смело, что- одно просвещеніе раждаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ, напр., не думаютъ грубые- Адіатцы, и которыми славились умные Греки. Где граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смеси разныхъ состояній; где знатные не стыдятся гулять вместе съ не- знатыми, и где одни не меша- ютъ другимъ наслаждаться яснымъ лѣтнимъ вечеромъ: тамъ уже есть между людьми то счастливое сближеніе въ духе, которое бываетъ слѣдствіемъ утонченнаго гражданскаго обра- зованія. Предки наши не имели въ Москве гульбища; даже и мы еще весьма не давно захотели иметь сіе удовольствіе; но за то очень любимъ его. Жаль только, что нашъ булеваръ скупъ на тень и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ не- счастію, именемъ своимъ напоминаетъ бульвары Парижскіе, столь прекрасные и сѣнистые!^a

Изъ этого повѣствованія мы можемъ вывести весьма опре- деленное понятіе, что наши предки даже первой половины XVIII ст. были въ сущности варвары, кочевые азіаты, люди безъ чувства и безъ вкуса къ изящнымъ удовольствіямъ, ка- кія встречаемъ при созерцаніяхъ окружающей природы. Конечно, настоящее варварство человека, его дикіе и тупые вкусы, нигде не обнаруживаются съ такою выразительностью, какъ именно въ этомъ решительномъ отсутствіи въ человеке чувства природы. Но намъ кажется, что Карамзинъ повторилъ здѣсь лишь старую, заученную съ молодости, песню, которая и до сихъ

поръ еще рассказываетъ, что старинные русскіе люди едва ли имѣли человѣческой образъ и во всякомъ случаѣ походили больше на животныхъ, чѣмъ на людей. Это сказано рѣзко, но разобравши существенныя черты такого убѣжденія о нашей старинѣ, это будетъ сказано очень справедливо. Убѣжденіе это выработывалось въ теченіи цѣлаго столѣтія и Барамзинъ здѣсь является только невольнымъ его отголоскомъ, **высказы-** ваетъ только обычныя и привычныя, ходячія сужденія по этому предмету. Такія понятія о родной старинѣ, какъ и обо всемъ, что носило русское имя, стали выростать изъ нѣкотораго барскаго высокомѣрія русскихъ европейцевъ передъ старою и по существу своей исторіи все таки мужицкою Русью, изъ просвѣщенной ихъ гордости, или изъ гордости ихъ просвѣщенія-передъ низменнымъ уровнемъ нашего стариннаго общаго невѣжества. Это случилось въ ту пору, какъ русскіе европейцы стали чувствовать себя истыми французами по образованию и настоящими нѣмцами по управленію государствомъ, когда два слова—баринъ и мужикъ, образовали і^и среди себя пропасть въ отношеніи культурнаго развитія общества.

Нельзя было и не загордиться русскому человѣку этимъ новымъ просвѣщеніемъ, потому что все оно сосредоточивалось главнымъ образомъ на внѣшности, только на цивилизованной Формѣ, которая какъ разъ приходилась въ ростъ и въ мѣру нашему барскому тщеславію, той чертѣ народнаго характера, которая описана даже въ старыхъ нашихъ пѣсняхъ-былинахъ, ибо хвастать на пиру, т. е. передъ обществомъ, чѣмъ бы то ни было въ древней Руси было не только правиломъ порядочнаго общежитія, но и лучшимъ украшеніемъ людской бесѣды.

Допетровская Русь конечно представляла очень рѣзкую и очень невыгодную для нея противоположность съ Французскою Европою второй половины XVIII вѣка, и именно въ'отношеніи Формъ и манеръ общежитія и всякаго выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Русь была по-деревенски груба во всемъ, и въ нравахъ, и въ обычаяхъ, и въ своей исторіи, и въ своей литературѣ, каковой въ добавокъ для свѣтскаго чтенія почти вовсе не существовало. О грубости и простоватости

общежитія, даже въ боярскомъ кругу, и говорить нечего: ово вполне было крестьянское, деревенское. И вдругъ, посреди этой сплошной деревенщины-засельщины являются утонченная до волоска и въ сущности придворныя манеры Француза изъ салоновъ Людовика XV, являются манеры мягкія и нѣж- ныя, любовныя по чувству и вполне человѣчныя по мысля, по крайней мере съ виду. Невозможно было устоять перѣдъ обаяніемъ такой образованности и общество покорилося ей вполне съ темъ увлеченіемъ, которое не помышляетъ о крайностяхъ». Увлеченіе новыми идеями, понятіями, мыслями, даже Формами, которыя сколько нибудь возвышаютъ человека въ собственныхъ глазахъ», всегда бываетъ гордо, заносчиво и даже задорно, потому что всегда отличается достаточнымъ», а иногда и круглымъ невежествомъ въ техъ именно вещахъ, какія почитаетъ ниже круга своихъ новоусвоенныхъ созерцаній. Умные сатирики того века, напоминая обществу о крайностяхъ» новаго просвѣщенія, описываютъ исторію его увлеченій такимъ образомъ:

„Мы сперва были просты, правдивы и несколько грубы въ обхожденіяхъ»; но по неусыпному попеченію господъ Французовъ», которые завели у насъ петиметровъ», стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы ходили на статуя, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бегаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками; сверхъ же сего мы пудрима й опрыскиваемся благовонными водами. Скажите, не лучше ли мы нашихъ», прадедовъ»? Конечно всякой бы глубокомыслящій человекъ», и самъ бы Аристотъ» удивился нашему превращенію. Я думаю, что не легко было господамъ Французамъ» переделать насъ на свой образецъ»: мы много ходили на грубыхъ древнихъ римлянъ» и почитали Катонны добродетели. Но, слава Богу, для наше?- го счастья они свое дело окончили, и можемъ сказать безъ хвастовства, что мы имъ ни въ чемъ не уступаемъ». Верно, мы превосходимъ» всехъ людей на свете, и такихъ совершенныхъ», каковы мы и наши учителя Французы еще светъ не

производил», да сомнительно, чтобъ и впредь могъ произвести¹⁴.

„Нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы нравовъ нашихъ не просвѣтили. Однимъ Французамъ честь сія предоставлена была. Одно только обхожденіе со Французами и путешествіе въ Парижъ могло хотя нѣкоторую часть россіянъ просвѣтить. Безъ Французовъ развѣ могли мы назваться людьми? Умѣли ли мы прежде порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденный? Безъ нихъ мы не знали бы, что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу, и одною ею разныя изъяслять страсти и показывать состоите души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ Французовъ пріятнаго и вольнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь. Нынѣ женщинъ въ эперти и подъ покрывалами ихъ лицъ не держатъ: всѣ онѣ наружѣ. Чтожъ бы мы, сошедшіи въ женское собраніе, говорить стали? Развѣ о курахъ да цыплятахъ разговаривать бы стали.... Женясь на закрытой покрываломъ и дурно воспитанной дѣвкѣ, развѣ былъ бы я щастливъ? Отъ обхожденія нашего со Французами, переняли мы лхъ тонкость, живость и гибкость, такъ что я нисколько часовъ могу разговаривать съ женщиною, и вѣрно знаю, что ей не будетъ скучно. Съ учеными людьми и съ художниками я также могу разговаривать: ибо имена нѣсколькихъ «ранцузскихъ ученыхъ людей и художниковъ я могу упомянуть наизусть, такъ въ однихъ похралахъ имъ, могу часа два-три провести. Словомъ, помощію обхожденія моего со Французами, я ни чему не учась, сдѣлался ученымъ человѣкомъ, и могу разговаривать и критиковать дѣла военныя, гражданскія и политическія; осмѣивать государственныя учреждения и показывая себя все знающимъ, ни чему ни удивляться.*⁴

Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ, но главномъ обстоятельствѣ, чтобъ говорить беззапѣнчиво обо всемъ; сказать много и не сказать ни одного Факта, ни дѣла, въ этомъ-то искусствѣ обрывать въ себѣ умственную пустоту и сосредоточилась вся

задача нашей тогдашней европейской образованности, которую мы справедливо можем называть собственно барскою и придворною образованностью, ибо въ народные закоулки она не заходила и оставалась только достояніемъ барства. Такъ, къ сожалѣнію, поняло наше верхнее общество задачу европейскаго просвѣщенія. Очевидно, что такое понятіе должно было народиться не въ Академіи Наукъ и не въ Университете, а именно при Дворе. *)

Это была особаго рода культура или выработка русской умственности и нравственности по придворному Французскому образцу или по придворному Французскому масштабу, который опредѣлилъ на долго характеръ не только русскаго образованія, но и характеръ самой политики, какъ внешней, такъ особенно внутренней, где, въ следствіе такого исключительно придворнаго наклона и направленія образованности, не оказывалось ни въ чемъ никакой устойчивости, а все подвергалось перекрестнымъ вѣтрамъ придворныхъ отношеній. „При дворе и речи не бываетъ о глубокихъ и прочныхъ чувствахъ; тутъ все поверхностно и подчиняется условнымъ законамъ, которые безпрестанно изменяются,^a какъ описываетъ придворный быть искусенная опытность тамошней жизни. **)

Сами иностранцы, наблюдавшіе за ходомъ нашей тогдашней цивилизаціи, во всея ея видахъ и явленіяхъ, обозначили важнейшіе и общіе ея недостатки именно такими чертами, которыя виолне характеризовали ея придворное происхожденіе. „У васъ, говорили они, все переменчиво: законы меняются, какъ ленты, мненія, какъ жилеты, всякаго рода предначертанія, какъ моды. Продать домъ у васъ также ни почемъ, какъ лошадь; постоянно лишь одно непостоянство и ничто не ценится, потому что нетъ ничего увековеченнаго. Это первое зло. Другое зло не менее важно: во всехъ жилахъ государства обращается какой-то духъ-недоверія и обмана. Этимъ духомъ

*) Растопчинъ прямо и приписываетъ начало нашей французоманіи Двору Ея-советы ж главному руководителю въ томъ отношеніи Шувалову.

**) Русскій Архинъ на 1871 г. стр. 33.

сверху до низу заражены всѣ пути управленія и онъ производитъ страшный опустошенія." *)

Очень понятно, что придворное свойство цивилизаціи и всего образоваиія требовало совсѣмъ иной подготовки въ отно- шеніи воспитанія и ученія, требовало совсѣмъ особой науки. Раболѣпно подражая высшимъ СФерамъ обхожденія и полировки, вся масса людей, не желавшихъ отставать отъ общего потока новой цивилизаціи, выработала съ теченіемъ времени особый кругъ или курсъ извѣстнаго рода познаній и, такъ сказать, наукъ, необходимыхъ для полученія степени про- свѣщеннаго и цивилизованнаго человѣка.

Болтать съ совершенною свободою по Французски у этихъ людей значило имѣть высокое образованіе и вообще: говорить по Французски значило тоже, что быть человѣкомъ образованными развитымъ, просвѣщеннымъ, даже - ученымъ. Вотъ почему русское цивилизованное общество съ особымъ стараніемъ и усердіемъ, достойнымъ лучшихъ цѣлей, посвя- щаетъ слишкомъ цѣлое столѣтіе (отъ половины XVIII до половины XIX-го) одному только изученію, такъ сказать, „французскихъ разговоровъ“¹, изученію одной лишь разговорной свѣтской Фразы Французскаго языка, вовсе не помышляя о наукѣзапасаясь свѣдѣніями лишь на столько, на сколько они могли еще больше усовершенствовать, развить и укрѣ- пить ту-же разговорную Фразу. Очень естественно, что вся эта пресловутая образованность сама была одною лишь Фразою, безъ содержанія, безъ серьезной, дѣльной мысли, которую она вообще не любила и даже очень ея боялась, подвергая строгой цензурѣ и всякому преслѣдованію все, что мало мальски выдвигалось изъ общаго уровня не однимъ словомъ, но и дѣ- ломъ въ словѣ.

Приобрѣтенная свѣтская тонкость и гибкость ума сѣумѣла обойти всѣ сколько нибудь дѣльныя для гражданской свободы политическія и общественныя идеи европейской образованности, сѣумѣла какъ-то чудесно совмѣстить въ своихъ поняті-

*) Русовіі Арінвъ 1860, стр. 1502.

яхъ смѣля възрѣнія энциклопедистов! съ закорѣнѣлыми възрѣніями самаго дикаго крѣпостничества. Такииъ образомъ хвастливая высота просвѣщенія заключилась лишь въ новомодномъ кафтанѣ и въ танцевальной манерѣ поведенія. Исторія скажетъ, конечно, что при всей пустотѣ этого рода цивилизаціи, для народнаго полированія она была тоже необходима; что Французъ гувернеръ, кто бы онъ ни былъ, хотя бы полный невѣжда по образованію, все таки приносилъ въ страну неповоротливыхъ медвѣдей иныя, яворотливыя Формы обхожденія и уже тѣмъ однийъ заставлялъ чувствовать силу и высоту образованія. Но исторія скажетъ также, что корпусъ ОФранцуженныхъ такимъ способомъ россіянъ, съ своей стороны, приносилъ Русской Землѣ, въ дѣлѣ гражданскаго и государственнаго развитія, несравненно! болѣе затрудненій и помѣшательствъ, чѣмъ достойныхъ способовъ и образовательныхъ средствъ; что въ этомъ отношеніи, такое Французское иго было ни чѣмъ! не лучше ига татарскаго; и просвѣщенные Французы очень справедливо судили, говоря, что „высшій слой русскаго народа, хотя и заимствовалъ оболочку Французской образованности, но заимствовалъ ее больше отъ стороны разврата? чѣмъ отъ стороны истиннаго просвѣщенія и напрасно даже и подъ такую оболочкою скрываетъ свое скиѣское и татарское происхожденіе: оно повсюду и очень ярко обнаруживается во всемъ.“

Какъ .бы ни было, но именно Французска*я обдѣлка русскаго челоѣка приводила наше тогдашнее общество въ несказанный восторгъ и заставляла его искренно вѣровать, что все хорошее, истинно высокое, честное, благородное, истинно просвѣщенное началось въ Россіи только съ этого дня; что до того времени русскіе люди въ самомъ дѣлѣ походили какъ бы на каменныхъ встукановъ, которые украшали нѣкогда курга-. іиы въ нашихъ пустынныхъ степяхъ.

Надо замѣтить, что самая сатира, начавшая свое дѣло еще со времени Петра и особенно живо заговорившая въ первая десять лѣтъ царствованія Екатерины II, очень много способствовала распространению и утвержденію того же мнѣнія о

русской старинѣ. Правда, что въ своихъ обличеніяхъ она не щадила ни той, ни другой стороны. Возмущенная русскою ложью Французскаго воспитанія и полированія, она смѣло обрисовывала всю пустоту, легкомысліе и крайній раз вратъ новаго общества и рядомъ чертила яркими, почти художественными чертами безобразіе стараго общества, его дикія деревенскія помѣщичьи привычки, суевѣрные дикіе нравы и обычаи, общее непроницаемое невѣжество и заматерѣлое крѣпостничество. • Все это, конечно, было великою заслугою только-что начинавшейся литературы, ибо позоръ обличена темнаго безобразія жизни, сознательнаго и безсознательнаго, водворялъ съ тѣмъ вмѣстѣ свѣтлыя понятія объ истинныхъ и высокихъ идеяхъ человѣческаго развитія. Но за обличенною ложью Французскаго воспитанія и образованія оставалась великая правда европейской или общечеловѣческой образованности, во имя которой и въ виду идеаловъ которой сатирики и разливали свою остроумную жолчь; оставалась великая правда гражданской свободы, этой единственной точки опоры для всякихъ патріотическихъ воззрѣній и стремленій. Между тѣмъ, позади старо-русскаго обличеннаго и осмѣяннаго безобразія не оставалось и не видѣлось ничего, не указывалось ничего, что могло бы стоять на собственныхъ ногахъ предъ строгимъ судомъ общечеловѣческихъ идеаловъ развитія. Оружійхъ достоинствахъ сатира говорила только общими мѣстами, въ родѣ напр, такихъ замѣтокъ, что предки были хотя грубы, но прямы; были правдивы, любили отечество и т. п. Здѣсь на помощь должна была явиться Исторія, но свою Исторію мы и теперь мало знаемъ, а въ то время она хранилась еще въ недоступныхъ для публики древнихъ хартіяхъ и была вовсе неизвестна даже самимъ защитникамъ „древнихъ россійскихъ добродѣтелей.“⁴⁴ Образованный же классъ изучалъ ее по запискамъ иностранцевъ и конечно вполне усвоивалъ себѣ ихъ иноземную точку зрѣнія на Русь, въ которой, въ эти чужія и по большей части Фанатически пристрастия очки, онъ видѣлъ одно только скиѣское варварство и вообще почиталъ Русскую Исторію несчастною и очень скучною ис-

торією одного лишь рабства. Масса же яркихъ обличитель-ныхъ картинъ стараго варварства и рабства дѣлала свое дѣло, распространяя въ образованномъ обществѣ пренебрежете, презрѣнію и даже барскую брезгливость ко всему русскому: брезгливость нравственно и свѣтски опрятнаго чловѣка ко всякой нравственной или же деревенской грязи, въ какой Французскому йзящному и вольному воспитанію нѣ естественной причинѣ должно было представляться все русское.

Въ спорахъ за русскія достоинства и добродѣтели, защитникамъ не на что было опереться. У насъ не было самой главной и коренной національной добродѣтели, именно народной и гражданской свободы. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы могли похвалиться передъ образованнымъ европейцемъ? Тѣмъ, что создали обширное и крѣпкое государство? Но все оно сверху до низу держалась деспотизмомъ крѣпостнаго права и въ этомъ отношеніи ни чѣмъ не отличалось отъ наиболѣе извѣстнаго Европѣ нашего же государства XVI и XVII вѣкбв, такъ что, по здравому разсужденію, на повѣрку выходило, что создали мы собственно одно лишь обширное крѣпостное рабство, въ которомъ, въ одномъ, по убѣжденію нашего же высшаго образованнаго общества, находилась основная наша сила и слава. Понятно, что такую силу и славу въ разговорахъ съ европейцемъ необходимо было прятать подальше, по возможности нѣ упоминать объ ней, или всячески ее маскировать. А такъ какъ крѣпостное право для своей фундаментальной поддержки требовало обширнаго же и всестороння невѣжества народной массы, то здѣсь, "чтобы не показаться въ глазахъ Европы скиѣомъ, оставалось только презирать свой народъ и, выгораживая себя, умывая во всеъ руки, доказывать, что этотъ темный народъ вовсе даже и не способенъ къ развитію и къ принятію европейской цивилизаціи. Вотъ весьма основательныя и историческія причины, почему русская свѣтская образованность со- всѣмъ отдѣлила свои интересы отъ интересовъ своей Земли,* сделалась совсѣмъ чуждою своей Землѣ и представляла въ сущности лишь очень блѣдную и тощую колонію образованности парижской.

•
Когда -заходилъ разговоръ о древнихъ русскихъ до^родѣ-
теляхъ, то свѣтское остроуміе очень скоро рѣшало вопросъ,
искусно размалевывая нашъ старый бытъ и исторію яркими
красками деревенщины-засельщины.

„Ваша любовь къ-отечеству и ко древнимъ россійскимъ до-
бродѣтелямъ ничто иное^какъ сумазбродство,“ пііс^лъ сатири-
чески одинъ защитникъ Французскаго воспитанія. „Пріятель мой!
вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣ- нями
своими могли прославиться... Вамъ бы должно родиться давно,
давно, то есть, когда древнія россійскія добродѣтели были въ
употреблении, а именно: когда русскіе цари, въ первый день
свадьбы своей, волосы клеили медомъ, а на другой день парились
въ банѣ вмѣстѣ съ царицами, и тамъ же обѣ- дали; когда всѣ науки
заклучались въ однихъ святцахъ; когда разныя меды и вино
пивали ковшами; когда женилися, не ви- давъ невѣсты своей въ
глаза; когда всѣ добродѣтели замыка- лися въ густотѣ бороды;
когда за различное знаменованіе креста сожигали въ срубяхъ, или
изъ особливаго благочестія жи- выхъ закапывало въ землю;
словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ
добродѣтелей, кои отъ просвѣщен- ныхъ людей именуются нынѣ
варварствомъ...“

Русскій и мужицкій . сделались синонимами, однозначными
словами, потому что образованный баринъ, какъ сказано,
совсѣмъстальчужимъ для Русской Земли и отрицался русская
имени, какъ злаго татарства. Піріобрѣтя относительную вольность
и свободу самъ, онъ однако, какъ совсѣмъ чужой, старался
всякими средствами оставить все русское въ преж- немъ рабствѣ.
Практическія послѣдствія такого образа поня- тій выразились не
только въ мелочахъ домашняго быта, но и въ крупныхъ явленіяхъ
государственнаго устройства и уп- равленія. Образованный баринъ
стыдился имѣть въ своей биб- ліотекѣ русскую книгу, а если она и
попадала къ нему, то на переплетѣ онъ ставилъ ея заглавіе по
французски: Les oeuvres de Mr. Lomonosoff. Русская языка онъ не
употреблялъ, потому что совсѣмъ его не зналъ и не учился по
русски: да

же и домашнюю семейную переписку онъ велъ по Французски. Чужой языкъ, чужая литература и исторія, конечно, отклоняли и малѣйшее знакомство съ собственною Землею, которая вся представлялась для этой барской образованности одною неизмѣримою деревнею, населенною неумытыми мужиками и бабами. Съ деревни надобно было только исправно получать оброкъ. По этому только поводу и возникали заботы объ ея устройствѣ и управленіи. На оброчныя деньги выстраивались великолѣпные дома, и въ городѣ, и въ загородныхъ дачахъ, съ роскошными садами, оранжереями и т. д., выписывались по дорогой цѣнѣ изъ Италіи мраморы и картины, изъ Франціи цѣлыя бібліотеки вѣотличныхъ Фраыцузскихъ переплетахъ; заводились крѣпостные театры, ставились роскошныя оперы и балеты, давались роскошныя праздники и балы, устраивались непостижимыя Фейерверки, которые прославлялись даже вънапыщенныхъ одахъ, и т. д. Словомъ сказать на оброчныя крестьянскія деньги баринъ жилъ въ уровень съ самыми богатыми, знатными и просвещенными людьми тогдашней Европы. И онъ глубоко былъ убѣждеиъ, что такая жизнь можетъ и должна существовать только для него одного, что деревня вообще не способна и недостойна по своему варварству участвовать на этомъ пиру богатаго Лазаря, что она вообще не только бѣдный Лазарь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необузданный дикарь, котораго необходимо держать въ ежовыхъ рукавицахъ; и по меньшей мѣрѣ мало- смысленный ребенокъ, требующій всесторонней опеки, вѣчнагонадзора, надсмотрщика и добраго попеченія лишь о томъ, дабы ничего превышающаго его малолѣтнее онятіе, ничего развращающаго его смыслъ до него не доходило, чтобы дѣтскій умъ навсегда такъ и оставался дѣтскимъ умомъ. Отсюда всѣ особенныя напряженныя старанія, дабы деревня не просвѣтилась свѣтомъ европейскихъ идей, кои понимать не можетъ, да и не должна; отсюда безчисленный рядъ мелкихъ и крупныхъ запретительныхъ уставовъ и порядковъ по всѣмъ направлени- ямъ жизни, отдававшихъ власть въ государствѣ различнымъ прикащикамъ, по идеалу стариннаго барскаго деревенскаго управленія. Пондтіе о государствѣ нисколько не отлцча^ось

отъ простаго поннтіа о крепостной деревнѣ, на чемъ собственно и держалась вся внутренняя политика.

Самые дары цивилизаціи, въ роде почты, театра, общественныхъ садовъ, даже городскихъ бульваровъ и т. п., барская образованность устраивала главнымъ образомъ лишь для одной себя, предоставляя народу по явной уже необходимости пользоваться ими, въ самомъ деле, какъ бы какимъ милости-вымъ подаркомъ, милостивымъ подаяніемъ, на которое конечно никто никакого положительнаго права имѣть не можетъ.

Ко всѣмъ вновь заводимымъ общественнымъ удовольствіямъ и зрѣлищамъ имѣли доступъ лишь дворяне, по снисходительности еще купцы и всякихъ подобныхъ чиновъ люди, кроме подлыхъ, именемъ которыхъ обозначались по барски мужицкіе кафтаны и посадскія поддѣвки. Конечно, на такихъ сходбищахъ вообще необходимо и должно было соблюдать опрятность въ одежде и вежливость въ поступкахъ, что, разумеется, существовало же въ известной степени и въ народе и что служило бы еще большимъ полированіемъ его нравовъ; но кафтаны и поддевки не допускались именно потому, что въ нихъ уже сами собой предполагались и неопрятность и невежливость.

„Съ простымъ народомъ не таково легко дело иметь, какъ съ людьми значащими, — писалъ въ 1816 г. одинъ очень известный и очень почитаемый баринъ. Имъ (т. е. простому народу) и милость безъ великаго искусства' обратится въ пагубу. Простой народъ таковъ, что безъ величайшаго искусства они себя самихъ и того, который даетъ задавать.... (*) Россія все еще татарщина, въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрепляемый многа?ествомъ дворянъ, а въ

(*) Это баринъ рассказываетъ по случаю раздачи бѣдному народу денсгъ въ нокошь пос.іѣ раззоревіа въ 1812 году, при чемъ въ толпѣ было раздавлено нѣ-сіюіаю старуіѣ и стариковъ, кавъ, по его словаиъ, случилось и ори ииператорѣ Павлѣ, вогда такихъ бѣднвковъ раздавлено 11 человекъ. Но баринъ ілонитъ свою рѣчь главныиъ образомъ иъ ирестьянсвой вольности, о дарованіи которой тогда носились слухи и въ высннхъ сферахъ, противъ чего онъ и направлялъ свое перо, Руссвій архивъ 1872 г. Ж 10. Письма Поздѣва,

отсутствіе ихъ, таковыхъ же почти дворянъ, ихъ прикащиковъ, кои малѣйшія искры неповиновенія, неплатежа податей и поставки рекрутъ, воровства, грабежа, разбоевъ и всякаго насильства, тушатъ въ- началѣ эти искры, не давая имъ возгорѣться до того, что и никакія войска въ такой обширной имперіи съ крестьянами не сладятъ... Россія такова, что эту татарщину исправниками да палками не усмиришь!... Наши русскіе мужички таковы, что они младенца изъ утробы матерней вырѣзывали, то судите — это паче нежели звѣри!..”

Такова была философія барской образованности относительно русскаго мужичка, который въ ея понятіяхъ былъ представителемъ вообще всего русскаго, какъ и на самомъ дѣлѣ онъ былъ единственнымъ представителемъ старой Руси, всей ея мужицкой и варварской Исторіи, которая, согласно съѣми же понятіями, ничего достойнаго памяти не произвела да и не могла ничего произвести кромѣ сплошнаго невѣжества, деспотизма съ верх^ и поголовнаго рабства съ низу. Барская образованность вообще такъ поставила свои воззрѣнія относительно всего русскаго, что бѣднымъ крѣпостнымъ русскимъ людямъ приходилось иной разъ не шутя доказывать, что душа у нихъ не голикъ, а такая же человѣческая душа, какъ и у господъ.

Очень естественно, что первое литературное слово, заговорившее очеловѣческихъ чувствахъ, не могло съ разу высвободиться изъ этихъ оковъ барской мысли и по необходимости должно было выразить не только сомнѣніе, но и увѣренность, что русскіе люди вообще не были склонны, даже не были способны чувствовать по человѣчески, ибо были паче нежели звѣри, какъ говорилъ баринъ XIX вѣка, подобно тому, какъ отмѣтилъ первый лѣтописецъ о языческомъ еще времени: „живяху звѣринскимъ образомъ, живуше скотски.“

Карамзинъ, какъ видѣли, въ этомъ смыслѣ обрисовалъ исторію московской чувствительности къ природѣ; но вѣрный истинному призванію литератора, онъ въ тоже время, говоря о любви къ отечеству и народной гордости, не могъ не зацѣпить, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народном*!

своемъ достоинствѣ, что смиреніе въ политикѣ вредно, что кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомненія и другіе уважать не будутъ; и настаивалъ и доказывалъ, что русскій долженъ по крайней мерѣ знать свою цену, что русскимъ нужно по крайііей мерѣ вниманіе отъ русскнхъ же.

Однако общество было последовательнее своего историка и на основаніи его же приговоровъ о жалкомъ состояніи умовъ, нравовъ, вкусовъ древней Руси, выводило очень правильно свои заключенія, что ничего русскаго уважать въ самомъ деле невозможно. Какъ скоро что либо касалось старины, оно постоянно твердило объ ней одну и ту же песню и постоянно рисовало ее красками мужицкаго невежества.

„О деревенской жизни встарину, въ захолустьѣ, нельзя судить по нынѣшнему, говорить одинъ карамзинистъ, развивая тему своего учителя. Для насъ она была бы тошнее нынѣшней; но они привыкли: это была ихъ натура. Мы любимъ общество образованное, котораго и нынче тамъ не находишь, — мы любимъ картины природы: тогда о нихъ не имели понятія.—Мудрено ли, что Сумароковъ и его последователи описывали въ своихъ эклогахъ выдуманные нравы и выдуманную природу, и то и другое не наши?—Нравы были совсемъ не ііозитическіе и не изящные; а природы вовсе не было!—Какъ не было? — Не было, потому что природа существуетъ только для того, кто умеетъ ее видеть, а умеетъ душа просвѣщенная!—Природа была для тогдашняго помещика тоже, что она теперь для мужика и купца.—А какъ они смотрятъ на природу?—Мужикъ видитъ въ великолепномъ лѣсѣ—бревна и дрова; въ бархатныхъ лугахъ, эмальированныхъ цветами—сенокосъ; въ прохладной тени развесистыхъ деревъ— что хорошо бы тутъ положить подъ голову полушубокъ и соснуть, да комары мешаютъ,—А купецъ видитъ въ лесу, шумящемъ столетними вершинами—барошные доски, или самоваръ и круглый пирогъ съ жирной начинкой, необходимыя принадлежности его загороднаго наслажденія; въ серебрястомъ истдчникѣ, гармонически журчащемъ по златовидному песку— что хорошобы его запрудить плотиною,

набросавши побольше хворосту да навозу, да поставить тутъ мельницу и получать бы пользу.—Послѣ этого есть ли для нихъ природа? Потому-то и Сумароковъ населялъ свои эклоги' сомнительными существами пастушковъ и пастушекъ, что не-? чего было взять изъ сельской сущности; потому-то и для нашихъ старинныхъ помѣщиковъ—природы совоѣмъ не было.“

„Посмотрите на наши старинныя пѣсни. Въ нихъ найдете вы иногда—кого нибудь во чистомъ полѣ; иногда рябинушку кудрявую; иногда цвѣтки и лазоревые; но все одни части природы, несовокупленныя вмѣстѣ, и тѣ только по отношенію къ лицу. А найдете ли вы гдѣ нибудь полную картину, взятую изъ природы?—Нигдѣ.“

Совершенно справедливо. Въ народной пѣззіи намъ не слѣдуетъ и отыскивать такой картины, ибо для ея изображенія необходимъ сознательный духъ художника, необходимо искусство, которое одно только и способно дать жизнь такой картинѣ, создать эту картину, между тѣмъ какъ народная пѣззія есть прямое непосредственное произведеіе самой природы, безсознательное и безыскусственное выраженіе ея же непосредственнаго чувства. Въ народной пѣснѣ говорить о себѣ сама природа, а не сознающій духъ художника; и говорить она лишь о томъ, что и кѣкъ чувствуетъ и вовсе мол* чить о томъ, какъ она аыслить и какъ понимаетъ свбе чувство; оттого она говорить по частямъ и не совокупляѣтъ въ мысленное единство впечатлѣній все-таки своего же чувства, но не мысли.

За то народная пѣззія, не своими частями, а въ общемъ своем* составѣ всегда начертитъ вамъ величественную и чудную картину своей природы, какъ скоро, хотя бы научно, вы соберете ея разсѣянныя части въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли сомнѣваться, что первобыіная языческая вѣра каждаго народа, вся его миѣологія, въ сущности представля- етъ лишь одинъ поэтическій образъ безпредѣльнаго восторга и восхищенія предъ матерью природой во всѣхъ ея явленіяхъ и картинахъ, что слѣдовательно вся миѣологія каждаго наро

да есть собственно образъ чувствительности того народа къ своей природѣ. Въ этомъ заключается сущность всякаго мѣта, который въ своихъ созерцаніяхъ стоитъ къ природѣ неизмеримо ближе насъ, чувствуетъ ее неизмеримо сильнее насъ.

После того можемъ ли сказать, что нашъ предокъ, какой бы варваръ онъ не былъ, меньше насъ чувствовалъ красоту природы, меньше насъ любилъ природу именно въ ея картинахъ. Онъ не размышлялъ, не рассуждалъ, не перешептываіся съ нею — это правда. Онъ еще не былъ мыслитель, онъ еще не былъ душою просвещенною, или искушенною въ науке и искусстве; но онъ обладалъ, если можно такъ сказать, чувствомъ самой природы и съ религіозною искренностью не только восхищался ею, но и поклонялся ей, какъ божеству, въ любви и въ страхе. Онъ точно также, какъ и сентиментальные обожатели природы, населялъ ее живыми существами; но эти существа не были шаловливыми амурами XVIII века, переносившими только любовные меланхолическіе вздохи прелестныхъ пастушекъ и пастушковъ или унылыхъ меланхоликовъ; не были выразителями только плотской или плотонической любви, или меланхоліи отъ любви, — нетъ, это были древнейшіе сожители его миѣическихъ созерцаній, въ которыхъ онъ виделъ не образы сладостныхъ мечтаній, а образы живой действительности. Вообще народная поэзія свидѣтельствуетъ одно, что члвкъ вездѣ и во все времена оставался человекомъ, то есть любилъ и обожалъ природу, любилъ не мыслью разсудка, а горячимъ чувствомъ детской наивности или невинности.

Переходя изъ отдаленной и поэтической области первобытныхъ мѣтовъ въ кругъ жизни прозаической, или практической, гдѣ борьба за существованіе или работа для насущнаго по необходимости огрубляла и притупляла поэтическіе восторги человека и стремилась его лишь къ однимъ грубымъ, и черствымъ интересамъ дня, — и здѣсь однако мы не можемъ сказать, чтобы его сердце совсемъ уже лишилось поэтической чувствительности къ красотамъ природы. Сельскій или торгровый хозяинъ, хотя бы и просвѣщенная душа, конечно смотритъ на луга и

лѣса прежде всего какъ на сѣно и дрова, но по той причинѣ, что онъ работникъ. ищущій выгоды и пользы, а не праздный мечтатель, ищущій наслажденій для памяти сердца.

Къ тому же наши сомнѣнія, что такіе люди неспособны наслаждаться природою основываются главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что эти люди по обыкновенію молчатъ, выражаютъ свои впечатлѣнія однимъ только словомъ: „здѣсь хорошо^а, и никогда не высказываютъ своихъ чувствъ въ литературной Формѣ. Но возможно ли требовать отъ рабочихъ людей литературныхъ занятій, на которыя прежде всего надобно досугъ цѣлой жизни и сплошной праздникъ для ума и чувства, между тѣмъ какъ рабочій и вообще дѣловой человекъ, хотя бы и просвѣщенная душа, для наслажденія природою, пользуется только временнымъ отдыхомъ. Со стороны писателей нѣтъ ли въ этомъ случаѣ увлеченія и высокой мѣры писательскаго чувства передо чувствомъ рядовымъ, молчаливымъ, безсловнымъ? Намъ кажется, что такое увлеченіе много способствовало и обрисовкѣ нашихъ старыхъ предковъ круглыми невѣждами въ чувствахъ природы и чуть не звѣрями. Дѣйствительно, объ ихъ чувствительности къ природѣ мы не имѣемъ свидѣтельствъ въ родѣ сентиментальныхъ повѣстей, стихотвореній и т. п., но за то они оставили намъ множество доказательствъ дѣловыхъ, которыя устраняютъ всякое сомнѣніе въ ихъ чувствахъ. По той причинѣ, что они были исключительно только практиками жизни и ни какой ея мечты и теоріи не понимали, они очень мало и совсѣмъ даже не говорили о своихъ чувствахъ, почитая это глупымъ, а болѣе всего грѣшнымъ, ибо и самое чувство любви, дающее такую чувствительную окраску природѣ, они почитали дьявольскимъ наважденіемъ, отъ котораго слѣдовало отмаливаться у свв. Кирика и Улиты. Таковъ, къ сожалѣнію, былъ складъ ихъ понятій и всего умоначертанія, совсѣмъ исключавшій всякую возможность отдаваться сентиментальному настроенію въ отношеніи къ природѣ и отнюдь не позволявшій излагать это настроеніе не только, въ литературной письменной, но даже и въ простой словесной, или разговорной Формѣ. Вотъ почему они съ свои-

ни чувствами стоять предъ вами совѣмъ нѣными. Однако и между ними, какъ и между нами, не сплошь да рядомъ, а одиночно, являлись мечтательныя души, избранныя натуры, который точно такн(е не утомимо искали мудрой или поэтической бесѣды съ природою; и между ними являлись просвѣщенные съ этой стороны души. Но эти мечтательныя и созерцательныя души не довольствовались только вздохами да ахами въ рощахъ и лугахъ, сидя въ задумчивости надъ ручейками и описывая свои впечатлѣнія въ нѣжныхъ стихахъ. Нѣтъ, увлеченные идеаломъ душевнаго спокойствія и нравственной тишины, которыхъ возможнѣе было ожидать въ уединеніи отъ міра, въ безмолвіи природы, они уходили прямо въ глубокіе лѣса, отыскивая тѣ мечтательную, а настоящую пустыню, дикую, совѣмъ безлюдную, гдѣ и оставались на весь свой вѣкъ, избирая всегда самое красивое и во всѣхъ отношеніяхъ удобное мѣсто для своихъ размышленій о суетѣ сего міра.

Вотъ почему всѣ наши монастыри и пустыни основаны въ самыхъ красивыхъ мѣстностяхъ, какія только можно было отыскать въ той или другой глухой сторонѣ. Въ повѣстяхъ о построена! монастырей мы найдемъ сказанія, который съ особеннымъ чувствомъ изображаютъ даже не утомимое исканіе такихъ мѣсть. Кирилль Новоезерскій (XV вѣкъ) ходилъ по странамъ 20 лѣтъ, обошелъ страны подмосковныя, московскія, новгородскія, поморскія, пока не было ему указано чудеснымъ образомъ мѣсто для пристанища на Красномъ островѣ Новаго Озера, украшенномъ вельми древесами, гдѣ подъ густою елью, согнувъ ея вѣтви, пустынникъ и устроилъ себѣ первую хижу или хижину.

Въ этихъ повѣстяхъ находятся многочисленныя и прямыя свидѣтельства о томъ, что красивое мѣсто не только было необходимо условіемъ для устройства монастыря, но оно же всегда доставляло духовное веселіе пустынноикамъ.

„И обрѣте мѣсто, боръ бяше велій, чаша, при озерѣ, нозѣло красно всюду, яко стѣною ограждено водами, и полюби его.“

„И возлюби оно мѣсто, ибо было угодно зѣло къ монастырскому строенію и красно, и воду имуще довольну, какъ стенами нѣкими водою окрестъ ограждено...“

„Ходя по пустыни и веселуясь духовнѣ, смотря мѣсто, окружено источники водными, какъ пѣкими стѣнами... Проходя многія пустыни, обрѣтоша мѣсто красно и высоко на рѣцѣ и возлюби его зѣло...“

Такимъ образомъ для болѣе нагляднаго доказательства, что и предки чувствовали природу, мы одного только не имѣемъ, неимѣемъ памятниковълитературнаго выраженія этой безмолвной, но глубокой любви къ природѣ, какою обладали всѣнаши древніе пустынники. Впрочемъ за нихъ воспѣли пустыню калики переходящія, которые свой стихъ такъ и назвали: По х в а л а п у с т ы н и .

О прекрасная пустыня!
Самъ Господь пустыню восхваляетъ!
Отцы въ пустынѣ пребывали И дивіемъ
овощемъ питались,
Нѣтъ горь воды испивали.
Древа во пустыняхъ выростали,
Различными цвѣты разцвѣтали;
Ко древамъ птицы прилетали,
На кудрявый вѣтви посѣдали;
Онѣ райскія пѣсни воспѣвали,
Отцевъ во пустыняхъ утѣшали.
О прекрасная пустыня!...

Положимъ, что пустынники были, какъ мы сказали, натуры исключительныя, рѣдкія, уходившія къ безмолвію природы по той причинѣ, что не могли мириться съ суетою и злобою дня. Но и другой порядокъ людей, самый многочисленный, который не мечталъ о пустынѣ, а былъ доволенъ собою, а слѣд. и цѣлымъ міромъ; и этотъ людской міръ точно" также всегда искалъ себѣ удовольствія въ красотахъ природы и устраивалъ свои древнѣйшія усадьбы въ мѣстностяхъ очень красивыхъ, о чемъ весьма наглядно могутъ засвидѣтельствовать всѣ наши старинные города и первая Москва. Въ древнее время для по-

И

бтройки города красивое мѣстопоіоженіе составляло топе какъ бы неизмѣнное и неизбѣжное условіе. Припомнимъ наши городки и городища, которыми Русская Зеиля усѣяна изъ конца въ конецъ. Ихъ исторія по изслѣдованіямъ Ходаковскаго уходитъ въ миѳическую древность и всѣ они насыпаны и расположены въ прекрасныхъ мѣстахъ, такъ что Ходаковскій ставитъ это обстоятельство въ неизмѣнное же условіе при существованіи городища. Были ли это языческіе храмы и капища, или ограды и укрѣпленія для простаго жилья въ дикомъ мѣстѣ, все-таки они показываютъ съ какимъ сочувствіемъ къ природѣ устраивали ихъ первые обитатели Русской Земли.

Начальный строитель самой Москвы в. к. Юрій Влад. Долгорукій (1107 — 1157 г.), избравшій такую красивую мѣстность для маленькаго городка, вовсе не помышлявшего сдѣлаться когда либо центромъ громаднаго государства, былъ по всѣмъ примѣтамъ большой любитель природы и красивыхъ мѣстъ. У него и въ Кіевѣ былъ дворъ красный, по теперешнему прекрасный, а за Днѣпромъ другой свой дворъ, загородный, въ родѣ нашей дачи, онъ самъ называлъ раемъ. Эти два слова: красный (въ южно-русскомъ: червонный) и рай издревле служили топографическимъ обозначеніемъ мѣстностей, который красотою своего положенія выдавались изъ ряда другихъ. Красный Лугъ, Красный Вязъ, Красная Сосна, Красная Горка, Красное Село, Червонный Градь, Червовая Балка и т. д., также какъ и Рай, Райки, Раево, Райгородокъ и т. п. оуть обычныя топографическія и географическія имена, встрѣчающіяся во множествѣ во всѣхъ русскихъ и славянскихъ поселеніяхъ.

„Данилу же (королеви) идущю по озеру и видѣ при березѣ тору красну и градъ бывшій на ней прежде, именемъ Рай (1255 г.).

„То мѣсто, якоже небесный рай, благовонными насажденъ цвѣтами,“ говоритъ житіе, Саввы Звѣнигородскаго о мѣстѣ, гдѣ построень былъ Саввинскій монастырь, указывая, какъ вообще предки называли красивыя мѣстности.

Свидѣтельство о кievскомъ загородномъ раѣ основателя Москвы для васъ особенно важно, какъ неопровержимое доказательство, что почти за 800 лѣтъ до нашихъ дней загородный дачи, а сяѣдовательно и загородная жизнь были въ та- комъ же увѣженіи, какъ и теперь. Есть въ добавокъ и народная пословица, очень чувствительно отдѣляющая красоту деревенской жизни отъ суеты и шума жизни городской. Она сказывается такъ: “ Москва царство, а деревня рай! ”*

Во всѣхъ приведенныхъ короткихъ словахъ, написанныхъ и сказанныхъ не съ мыслью о поэтическомъ творествѣ, а съ мыслью изяснить дѣло, заключается однако прямой смыслъ, что природа въ своей красотѣ была очень понимаема и въ отдаленные вѣка нашей исторіи. По новости вопроса и не имѣя времени входить въ болѣе подробный разысканія, мы ограничиваемся только тѣми чертами, какія пришли на память. Впрочемъ можемъ указать даже п такое свидѣтельство, гдѣ уже прямо говорится, что природа есть источникъ высшихъ изящнѣйшихъ духовныхъ наслажденій, гдѣ слѣдовательно проводится сознательная мысль объ ея поэтическомъ значеніи для человѣка. Конечно это сказано въ видѣпоучительнаго церков- ниго слова, какъ иначе н случиться немогло; но сказано съ прямою цѣлью обратить пустую и скотоподобную свѣтскую, мір- скую жизнь именно к*в удовольствіямъ изящнымъ, къ развле- ченіямъ, достойнымъ человѣка.

Извѣстно, какъ монашествующее духовенство' смотрѣло въ старину па нірскія свѣтскія удовольствія, какъ оно сурово и строго преслѣдовало всякое ихъ выраженіе, причисляя весь этотъ поэтической міръ жизни къ самымъ грязнымъ грѣ- хамъ, совершаемымъ только въ угоду дьяволу. Живой міръ, конечно, не всегда и даже очень рѣдко былъ послушенъ та- кимъ увѣщаніямъ и продолжая оставаться живымъ, дѣлалъ иной разъ возраженія, что такой заповѣди по многимъ ува- жительнымъ причинамъ вмѣстнть не можетъ. На такое возра- женіе и сказанъ былъ однажды очень замѣчательный отвѣтъ.

Въ одномъ изъ своихъ поучительныхъ> Словъ о соблюденій Евангельскихъ заповѣдей, митрополитъ Даніиль (1522—1539),

по обычаю поучая мірянъ оставитъ мірскія грѣховныя утѣхи, грѣховную сладость жизни со всѣми ея оболыщеніями, разсуждаетъ именно о Бказанномъ возраженіи мірянина, что не всѣмъ же быть иноками—монахами, что не всѣмъ же се раститъ волосы и идти въ пустыню, что мірянинъ домъ имѣеть, жену, дѣтей, рабовъ, многія печали житейскія, и потому сохранить такого поученія не можетъ.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія святитель говоритъ, что онъ вовсе не того желаетъ, чтобы всѣ сдѣлались монахами, но чтобы всѣ оставили угожденіе тѣлу и наслаждались бы духовно, оставили бы веселости грѣховныя и взаменъ ихъ искали бы въ жизни удовольствій безгрѣшныхъ, невинныхъ и болѣе изящныхъ.

- Дабы поселить омерзене и отвращене къ животнымъ удовольствіямъ, къ плотскимъ сластямъ, святитель рѣзкими чертами и яркими красками рисуеъ нравы и обычаи нашего тогдашняго общества, преслѣдуя особенно тогдашнихъ петиметровъ, жившихъ и въ началѣ XVI ст. съ тѣми же единственными цѣлями наименше трудиться и наиболыс наслаждаться жизнью. Въ этомъ случаѣ его „слозо^a заслуживаетъ еще большего любопытства, ибо выводитъ яркую противоположность модной старины съ модною новизною XVIII вѣка, (см. выше стр. 17). Надо замѣтить, что слово святителя было обращено именно къ богатому и знатному сословію, которое, въ добавокъ, и въ то уже время прилѣплялось кънѣкоторымъ западнымъ обычаямъ, противъ чего и возставалъ особенно святитель.

„Ты христіанинъ, говоритъ онъ, а творишь противное Богу: умомъ и сердцемъ и всякими вещами ты подражаешь и угождаешь блудницамъ. По обычаю блудницъ ты себѣ -уставишь такой нравъ: волосы свои не только бритвою и даже съ тѣломъ обрѣзаешь, но и щипцемъ изъ корня исторгаешь. Женщинамъ, что ли, ты завидуешь и мужское свое лице въ женское стараешься преобразить. Или весь хочешь женщиною быть? О помраченіе сластей плотскихъ! О безуміе конечное! Свободное (мужское существо) оставивъ, къ работному (порабо-

ценноиу женскому существу) бѣжишь! (Мудрость вѣка такъ въ то время понимала значеніе женщины). Нѣтъ, не хочу, говоришь, быть женщиной! Говоришь, что **ты** мужчина. Л если такъ, ты мужчина и женщиной не хочешь быть, то зачѣмъ ты волосы съ бороды и съ-лапять щиплешь, изъ корсни вырываешь, или бритвою брѣешь?⁰

„Зачѣмъ ты лице много умываешь, и ланиты натираешь, утворяебѣ ихъ червлепыми, красными, свѣтлыми, уста тожесвѣтлы, чисты, червлены очепь дѣвпо утворяешь? Подобно, какъ инья жены, по обычаю, съ особымъ искусствомъ ухитряютъ себѣ красоту, такъ и ты украсилъ, натеръ, умызгалъ, помазаль благоуханіемъ, очень мягкими утворилъ, чтобы тѣмъ всѣхъ прельстить. Да и все тѣло свое бесчисленными измovenіями и натираніями ты утворяешь, такъ что оно блистаетъ и свѣтится какъ будто какой самоцвѣтный дивный камень. Всю плоть ты готовишь на прельщеніе и соблазнъ. Мужское ли это дѣло?“

„Какая тебѣ нужда выше мѣры умываться и натираться, остригать или брить бороду и ланиты, остригать очень часто и самую голову; и подвѣсивъ подъ бородою сіяющія красивыя пуговицы-, украшаться вообще такъ, какъ и женщинамъ не по- добаеть. Какая тебѣ нужда не только выше мѣры умывать свои руки, но еще и перстни золотые или серебряные надѣвать на персты?“

„Подражая и угождая блудрицамъ, измѣняепѣ ты одежды, уставляешь походку, носишь сапоги вельми червленые, шитые премудростно шелкомъ, серебромъ, и съ золотомъ^, и съ бисеромъ; и такъ малы, что отъ тѣсноты согнѣтенія твоихъ ногъ претерпѣваешь великую нужду. Но все таки блистаешь: вотъ скачешь, вотъ рыкаешь и ржешь, уподобляясь жеребцу.“

„Какой тебѣ прибытокъ надъ птицами (ловчими) дни изнурять или какая тебѣ необходимость псовъ (охотничьихъ) множество имѣть; какая тебѣ похвала ходить на позорища; какое тебѣ любомудріе все спорить и препираться?¹⁴

„Ты христіанинъ, а ты пляшешь, скачешь, блудные слова говоришь, многое глумленіе и сквернословіе дѣлаешь и въ гус- л^, и въ смыки, въ сопѣли, въ свирѣли возсмѣваешь, Не пре

станно, какъ самый сатана соблазняешь всѣхъ людей: басно-
словишь, смѣхотворныя притчи приводишь, смѣешься, грохочешь,
всякую кознь, всякое ухищренье творишь смѣхо- творное.“

„Ты объѣдаешься какъ скоть и пьянствуешь день и ночь и
очень часто и до блеванія, такъ что и голова болить и умъ
цмрачается.“

„Какимъ образомъ сохранить тебѣ чистоту, когда ты съ сла-
достью прекрасныя'лицаобзираешь; какъ тебѣ сердечное уми-
леніе воспринять, когда ты со отроки доброзрачными водворя-
ешься и бесѣдуешь и свѣтлость ихъ лица любишь смотрѣть...“

„Завидѣвъ лице прекрасной женщины или иное женовидное
прекрасное, юнѣющееея лице, объюхавъ свѣтлое и мягкое тѣло, и
притекъ, обнявши, цѣлуешь, мызжешь, руками осязаешь, и такъ
бываешь безстыденъ и безуменъ, восхитився къ ней бѣсовскою
любовью, что какъ бы внутрь себя вмѣстити ее хочешь; такъ
помраченъ бываешь, какъ безсловесный, какъ жеребецъ нѣкій
сластно ярости вый, ржая и сластію распаля- ся, огнемъ горя;
или какъ вепрь къ свинѣ своей хохотствуя и употѣвая и пѣны
испуская... Позавидовавши безсловеснымъ, ты словесное естество
въ безсловесное порабощаешь!^

„Бѣгаешь на дьявольскія позорища, какъ свинопасъ; собираешь
игранія, плясанія. И въ домъ свой, къ женѣ и къ дѣтямъ,
приводишь скомороховъ, плясунуовъ/сквернословцевъ, погуб-
ляя себя, дѣтей, жену и всѣхъ твоихъ домашнихъ, пуще древ-
няго потопа. И всему злу ты бываешь ходатай. „Ей-ей не я, говоришь,
но это оныя плясцыиглумотворцы.“~Какъ же говоришь оныя,
когда все твое, и \$слибъ ты не хотѣлъ, оныя не стали бы творить
глумы, не стали бы плясать.“

„Ты не только не ищешь небеснаго, но и на небо не зриаешь.
Ни во что считаешь красоту небесную. Какъ свинья, долу
никнешь, смотришь только около себя: о красотѣ сапожной весь
свой умъ напрягаешь и о прочихъ одеждахъ, какъ же- нихъ или
какъ невѣста къ жениху идущая.“

„Господь своимъ ученикамъ и худѣйшихъ сапоговъ не по-
яелѣлъ ивѣтъ, а не то что двухъ одеждъ. А мы не только про-

стыхъ, сверхъ нужды, но множество и драгоцѣнныхъ одѣяній имѣемъ. Даже и подъ сорочкою, гдѣ уже никому невидно, иные носятъ дорогие пояса, серебромъ и златомъ истканные, утворенные.”

„А понятно, что для всѣхъ такихъ роскошныхъ и богатыхъ одеждъ мы должны изыскивать многихъ доходовъ. Если чего тебѣ неостанетъ, какъ привыкъ въ своемъ безуміи много расхода имѣть, то крадешь, насилуешь, грабишь, ябедничествуешь, занимаешь; а потомъ, не имѣя чѣмъ отдать, бѣгаешь, запираешься, клятву переступаешь и другія безчисленныя злыя дѣла содѣлаешь.“

„Къ вамъ обращаю мое слово, молодые люди! Не уподобляйтесь блуднымъ юношамъ, которые только и думаютъ о красотѣ тѣлесной, только и помышляютъ, чтобъ украситья и убратъя больше даже женщинъ различными умываніями, хитрыми и антираніями; у которыхъ умъ всегда расширяется лишь объ одеждахъ, объ ожерельяхъ, о пуговицахъ, о поясахъ подъ сорочкою, а сапогахъ, объ острижзніи главы, о повѣшеніи космъ (локоновъ), о намизаніи ока и пиваніи главою, объ уставленіи перстовъ, о выставленіи ногъ и т. п.^a

Отрица и обличая такимъ образомъ красоту суетной жизни, утопающей только въ плотскихъ сластяхъ, святитель ука- зываетъ обществу иной мѣръ красоты, и иной мѣръ истинно человѣческихъ наслажденій и удовольствій.

„Бели ты хочешь прохладитися (что значить: насладитися), поучаетъ святитель, выйди на крыльцо твоей храмины и гляди: небо, солнце, луна, зяѣзды, облака, одни высоки, другіе нижайше ходять,—вотъ въ этихъ и прохладжайся, разематри- вай ихъ красоту и прославляй Творца-Бога. Вотъ это и есть истинное любомудріе.

„И если хочешь, то и еще прохладися: выйди на дворъ твой, обойди кругомъ твоей храмины, обойди кругомъ другой и т. д., обойди весь твой дворъ, и если что разсыпалось или хочеть упасть,—созидай, ветхое поновляй, неутвержденное укрѣпи, соръ и навозъ сгребай въ мѣсто, тебѣ же къ плодоносію пригодится. И если хочешь еще лучше прохладитися, выйди въ

твой садъ-о^{го}Р^оА^ъ " посмотри туда и туда, и сдѣлай, что требуется къ плодоносію или къ устройству.“

„Или еще тебѣ недостало удовольствія: выйди'на поле твоихъ сель и гляди и созерцай твои нивы, умножающія плоды, ово пшеницу, ово ячмень и прочая. И траву зеленѣющую юся и цвѣты красные (прекрасные), горы холмы, и удолия, и озера, и источники, и рѣки, и сими прохладжайся^ наслаждайся и прославляй Бога, который для тебя все это сотворилъ.“

„Но на этомъ не останавливайся, а взойди умомъ и взгляни, на прошлое, отъ самага твоего рожденія; размотри лѣта и мѣсяцы, дни и часы и часци (Минуты'); и что доброе сотворилъ, утверди смотрѣніемъ, кротостію, чтобъ не разсыпалъ врагъ твоей добродѣтели; если- же злое и дутопагубное что сотворилъ, покайся, исповѣдайся себѣ, плачь и рыдай; и объ этомъ больше попекись, чтобъ впередъ не согрѣшать. Начни съ малаго, возьми себѣ одинъ день, въ который бы не грѣшить, потомъ положи къ нему другой, затѣмъ третій, и по малу по малу въ обычай войдетъ, еже не согрѣшати. В отъ такъ,' прохладжая гѣбя, прохладишися и радостей многихъ исполнишся и въ настоящемъ, а въ будущемъ вѣчныхъ благъ получишь. Что око не видитъ и ухо не слышитъ, того и на сердце человеку не въздетъ.“

Чему же вообще научаетъ святитель, дабы хорошо, съ прохладою и съ удовольствіемъ устроить мірскую жизнь? Онъ прямо уязвиваетъ источникъ высшихъ духовныхъ наслаждений въ небесной природѣ; затѣмъ, предлагая занятія во дворѣ и ообенно работу въ саду, и съ тою же хозяйскою цѣлью выводя своего мірянина въ поле, останавливаема на другомъ обширнѣйшемъ источникѣ новыхъ духовныхъ удовольствій, на природѣ земной со всѣми ея окружающими красотами, которыя и поименовываетъ, отъ зеленѣющей травы съ прекрасными цвѣтами и до ручейковъ и рѣкъ. Ясно, что онъ устремляетъ вниманіе мірянина на тѣже самые предметы, которые пробуждали столько изящныхъ чувствованій и въ ближайшій къ намъ сентиментальный вѣкъ. Но что для насъ всего любопытнее, свдтитель^ не ограничивается одною внѣш.нею природ

дою, а вводитъ умъ и чувство мірянина внутрь его души, научающего углубляться въ себя, давать себѣ отчетъ въ своей жизни; то есть научающего вообще освѣщать свой жизненный путь и свое чувство сознательною мыслию. Правда, что это самоуглубленіе мысли и чувства онъ ограничиваетъ только изслѣдованіемъ грѣха, противъ котораго исключительно и направлена его проповѣдь; но тоже самоуглубленіе неизмѣнно возводитъ умъ человѣка и до высшихъ понятій о природѣ, до тѣхъ высшихъ наслажденій ею, какія свойственны, какъ говорить, только душѣ просвѣщенной, то есть просвѣщенной ни чѣмъ инымъ, какъ именно духовною обработкою собственныхъ чувствъ и мыслей. Этому рода просвѣщеніе явилось очень давно. Оно водворилось въ умахъ и чувствахъ съ распространеніемъ христіанства, которое совсѣмъ измѣнило древній об*разъ человѣчества именно въ отношеніи его пониманія и чувствованія природы. Оно-то и заставило видѣть въ природѣ со-всѣмъ не то, что видѣли древніе, заставило человѣка созерцать въ ней не одни ея дивныя образы, а вмѣстѣ съ ними и собственную его душу, то есть собственное его чувство и собственную Мысль. Такимъ образомъ сентиментальное отношеніе къ природѣ въ его высшемъ и истинномъ значеніи утверждается исключительно на христіанскихъ идеяхъ и вмѣстѣ съ ними распространяется въ чело-вѣчествѣ. Пустыня, то есть просвѣтленная христіанскою мыслию природа, очень рано становится идеаломъ каждой просвѣщенной души.

Свѣтскіе пѣвцы сентиментальнаго вѣка воспѣвали обыкновенно уединеніе, но въ своихъ пѣсняхъ они воспѣвали въ сущности тоже самое, о чемъ пѣли съ незапамятныхъ временъ наши старые калѣки-перехожіе. Различіе заключалось не въ предметѣ чувства и пѣснопѣнія, а въ его свѣтскомъ нарядѣ, въ болынемъ развитіи искусства пѣть, въ болышемъ присутствіи созерцаній и понятій мірской жизни.

Привелигированная наша Французская образованность, высокомѣрно начинавшая съ самой себя чуть не сотвореніе міра, отрицая въ старинномъ русскомъ чело-вѣкѣ возможность

природной чувствительности, по необходимости должна была отрицать и все то, въ чемъ эта чувствительность могла выказаться, и слѣд. могла бы доказывать со всѣмъ иное, чего офранцуженные россияне вовсе не желали находить въ нашей старинѣ.

Мы видѣли, что, слѣдуя внушеніямъ этой образованности, и Карамзинъ смотрѣлъ на старую Русь тѣми же барскими глазами и потому въ первое время многое изъ нашихъ древностей объяснялъ невѣрно. Онъ говорилъ, что „старинные русские бояре не¹ заглядывали въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться природою; что только при Петрѣ знатные начали строить дома въ подмосковныхъ, что еще за 40 лѣтъ, т. е. въ 1760-хъ годахъ богатому русскому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ,..."^a

Но не должно забывать, что до временъ Екатерины II бояре и всѣ знатные и богатые дворяне находились еще въ крѣпостномъ состояніи, чуть не наравнѣ съ тѣми крестьянами, которыми они владѣли тоже на крѣпостномъ правѣ. Въ существенномъ смыслѣ бояринъ, какъ и всякій знатный и потому непременно близкій ко Двору дворянинъ, былъ дворовымъ человѣкомъ государя; оттого на немъ лежала прямая обязанность всегда находиться предъ лицомъ государя, при его особѣ. Безъ спросу, какъ и барскій дворовый, онъ не смѣлъ никуда отлучиться. Каждый Божій день онъ долженъ былъ являться во дворецъ по утру и вечеромъ, а потому принужденъ былъ отпрашиваться у государя даже на званый пиръ къ пріятелю или родственнику, а тѣмъ паче куда либо за городъ, хотя бы и на богомолье въ какой монастырь. Поѣздка же въ деревню требовала уже непремѣннаго челобитья объ отяускѣ неизвѣстный срокъ. Вообще же всякая самовольная отлучка отъ государева лица въ то время была бы причтена къ амѣнѣ и не прошла бы безъ гнѣва и даже опалы.

Царь Алексѣй однажды шутливо даже попрекалъ своихъ бояръ, что всегда безсловно по ихъ челобитьямъ по часту отруускалъ ихъ въ деревню. Это случилось кажется въ 1646 г.,

когда ему было всего только 17 лѣтъ. Въ Маѣ этого года онъ ходилъ съ своими полчанами, съ младшею дружиною, стольниками, стряпчими, дворянами, оскатъ медвѣдя въ-одной изъ предмосковныхъ дачъ, въ селѣ Озерецкомъ. Желая вѣроят-но устроить потѣху на славу, царь звалъ на этого озерѣцкаго медвѣдя и старшую дружину—боярь и написалъ къ нимъ по-тѣшное челобитье, прося убѣдительно пріѣхать и выставляя на видъ, что и онъ съ своей стороны всегда исполнялъ всякія ихъ желанья и челобитья. Между прочимъ боярину князю Куракину было писано: „а ты бояринъ бивалъ челомъ по-часту въ деревню, и я тебя всегда жаловалъ, отпускалъ.“ При этомъ младшая дружина—боярская молодежь—прибавляла старшей, чтобъ непремѣнно исполнили волю государя, ибо де мірскихъ рѣчей, т. е. мірскаго приговора всегда слушаютъ.

Обыкновенно бояре отправлялись по деревнямъ въ то время, когда и самъ государь выѣзжалъ въ походъ, на дачу, на лѣтнее житье и переѣзды по загороднымъ дворцамъ, въ Коломенское, въ Хорошово, въ Покровское-Рубцово, въ Измайлово, на Воробьеву Гору и пр. Въ такихъ случаяхъ дворцовый городской порядокъ жизни измѣнялся; боярамъ и всѣмъ высшимъ чинамъ становилось нѣсколько свободнѣе: въ загородный дворецъ они ѣздили только по большіимъ церковными или царскимъ праздни-камъ, или же съ докладами поизвѣстнымъ только днямъ, обыкновенно по понедѣльникамъ, средамъ и пят-ницамъ. Наставалъ такимъ образомъ общій отдыхъ, которымъ каждый въ свою мѣру и спѣшилъ воспользоваться и для сво-ихъ поѣздокъ въ деревню.

Такъ въ 1675 г. мая 24 царь Алексѣй выѣхалъ на лѣтнее житье со всѣмъ семействомъ на Воробьеву Гору, назначивъ боярамъ и прочимъ чинамъ пріѣзжать къ себѣ въ походъ только по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Въ дворцовыхъ запискахъ въ теченіи этого лѣта находимъ слѣдующія отмѣт-ки: 17 іюня билъ челомъ государю его духовникъ благовѣ-щенскій протопопъ Андрей Савиновичъ въ Романовскую свою деревню, въ село Ивановское, и съ сыномъ; и великій государь его пожаловалъ, отпустилъ до ангела царевича Петра (до

іюня) и съ сыномъ. Въ тотъ же день биль челомъ государю въ Саввинскій монастырь молиться и въ деревню бояринъ Артемонъ Сергѣев. Матвѣевъ и съ сыномъ,⁷ и тоже былъ отпуіценъ до Петрова дня. Въ именины царевича Пётря, отправивши празднованіе, послѣ стола, пожаловаль великій государь отпустиль по челобитью и по обѣщанію въ деревню праздновать Тихвинской Богородицѣ и молиться, дядьку царевича Ивана, стольника кн. Петра Ив. съ братомъ Борисомъ, Прозоровскихъ, а отпуіцены до Семенова дни, т. е. до 1 сентября. Тутъ же биль челомъ государю молиться въ Троицкій монастырь по обѣщанію и конечно также въ деревню окольничій Кн. Григор. Аван. Козловскій; отпуіценъ до Ильина дня, до 21 Іюдя. Затѣмъ били-челомъ въ деревню окольничій Вас. Сем. Волинскій—отпуіценъ до Ильина дня; бояре Петръ Вас. Шереметевъ да кн. Юрій Никит. Барятинскій—отпуіцены до Успеньева дня. А старѣйшій бояринъ, кн. Юрій Алексѣевичъ Долгоруково биль челомъ, чтобъ государь пожаловаль велѣль ему жить въ подмосковной своей деревнѣ, въ селѣ Архангельскому покамѣсть самъ государь возвратится па житье въ Москву. Государь разрѣшилъ, съ условіемъ, чтобъ по присылкѣ и по праздникамъ господскимъ и на царскіе ангелы пріѣзжать изъ деревни ко Двору.⁸)

Всѣ эти свидѣтельства особенно любопытны въ томъ отношеніи, что вполнѣ подтверждаютъ не только служебную, но и

*) Дворц. Разр. III, 1467, 1493, 1504, 1510. Объ одной изъ боирсвхъ поѣздокъ въ деревню въ дворцовыхъ запискахъ находимъ слѣдующее извѣстіе: «Іюня въ 14 день (1675 г.) изволеніемъ Бокіимъ были громы великіе и молніи большіи и того числа ѣхвль бояринъ кнзъ Нвінта Ивановичъ Одоевской изъ подмосковной своей вотчины, изъ села Выхина (9 версгъ отъ Покровской заставы), и его на дороге самого оглушило и во всемъ раздробило; да у негожь двухъ робятъ в е р х о в ы х ѣ (это боирскіе павв, дервальники), которые съ нимъ сидѣли въ варетѣ, оглушловъ, и привезли въ Москвѣ чуть внвыхъ и нывѣ левать при смерти. Да у неговь боярина убило двухъ чловѣвъ слувивыиъ людей до смерти, а чловѣвъ съ десять огушиловъ и молвіею оболгло. Да у негоья боярина убило громомъ въ каретѣ двухъ возниковъ (лошадей) до смерти.» Этотъ разсказъ обрисовываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старинные боярскіе выѣзды въ сопрововіеніи такого множестве слугъ. На другой день іюни 15 страшная гроза разразилась надъ самою Москвою: въ разныхъ мѣстахъ побило громомъ 24 чловѣкв, а отъ молвів многія башня и дворцъ загоралась.

дворовую крѣпостную зависимость бояръ отъ воли государя. Они же вполне раскрываютъ и то обстоятельство, что старинное боярство вовсе не презирало, да и не могло никогда презирать деревенской, жизни, ибо въ допетровское время всѣ бояре, какъ и всѣ служилые люди, иначе себя и не раз умели, какъ по преимуществу людьми деревенскими; они и юридически именовались вотчинниками и помещиками. Вотъ почему и самое слово: п р о д а, въ его эстетическомъ значеніи, для нихъ не существовало; его въ полной мѣрѣ и во всехъ смыслахъ заменяло слово: деревня. Служилые, т. е. весь дворянскій кругъ, за одно со всемъ народомъ, одинаково мыслили и разсуждали, что Москва—царство, а деревня—рай, и потому при всякой возможности спѣшили воспользоваться этой райскою, т. е. вполне для нихъ свободною и независимою жизнью. Сила и основаніе самой службы заключались именно въ-деревне, ибо службу тянули въ-то время не за денежное жалованье, а съ земли, съ извѣстнаго количества десятинь пашни и всякихъ угодій, а потому большинство дворянства въ деревне раждалось, въ деревне же, за негодностью къ службе, въ старости и дряхлости, оканчивало свой векъ. Такимъ образомъ деревня, представляя существенную силу въ хозяйстве и въ матеріальной экономической жизни дворянина, по необходимости становилась для него особымъ и наиболее привлекательнымъ міромъ и въ его нравственномъ развитіи, где безъ всякаго сомненія, по крайней мере хотя у избранныхъ, оставался уголокъ и для чувствительности къ красотамъ деревенской природы.

Старшій слой дворянства, бояре и другіе знатные и богатые чины, тянувшіе такую же службу только вблизи государя, всегда при его особе, жили съ государемъ въ городе, въ Москве. Но и здесь ихъ деревенскимъ стремленіямъ и привычкамъ делалась значительная уступка. Имъ во первыхъ, по старому обычаю держать лучшую дружину розле себя, всегда жаловались вотчины и поместья подмосковныя, а затемъ и въ тороде, за чертою его стень, они вначале свободно пользовались свободною землею для устройства своихъ загород-

ныхъ дворовъ, которые, вполнѣ соотвѣтствуя нашимъ теперешнимъ дачамъ, были раскинуты по всей окружности Москвы за чертою Землянаго вала, нынѣшней Садовой, гдѣ и до сихъ еще поръ остаются обширные старинные сады съ обширными прудами и аллеями, насажденными по большей части уже въ XVIII ст, но на прежнихъ дѣдовскихъ нѣстахъ, гдѣ сады, роци и пруды съ незапамятныхъ временъ составляли одно изъ лучшихъ украшеній города.

Боярство съ размноженіемъ своего племени, а*отчасти и высшее духовенство, до такой степени успѣло застроить окрестности своими дачами, занять ихъ огородами и даже крѣпостными слободами и пашнями, что московскій посадъ и мелкое московское дворянство въ 1648- г. принуждены были подать государю особое челобитье, въ которомъ просили, чтобъ по прежнему въ Москвѣ было одно государево государство, т.е. чтобъ окрестная земля, выгонъ, животинный выпускъ и выѣздъ въ лѣсъ по дрова принадлежали городу, а не частнымъ вла- дѣльцамъ, не многимъ другимъ государямъ въ родѣ патрі- арха, боярь и пр., которые иззаяли всю окрестность Москвы подъ загородные дворы и огороды, а монастыри и ямщики всѣ выгоны и дороги въ лѣсъ распахали въ пашню, изъ за чего вставали мятежи и неждоусобія, какихъ прежде и не бывало. Можно полагать, что самый московскій бунтъ 1649 года, под- нявшійся именно на боярское, насиліе и на притѣсненія Зем- скаго Приказа, ролучиль силу и развился особенно по случаю тѣхъ же мятежей и междоусобій.

Съ того времени правительство привело раздачу такихъ земель въ порядокъ и назначило для каждаго лица, смотря по чину, извѣстную опредѣленную м'Ёру. Бояре получали по 5000 квадратныхъ сажень; и эта цы*ра сходя внизъ по чинамъ уменьшалась до 18 квадр. саж., чтб получали для своихъ дачь младшію чины, подьячіе.

Загородные дворы или дачи бояре устроивали, конечно, прежде всего для хозяйственныхъ цѣлей. Это были обширныя помѣщенія для годовыхъ запасовъ всякихъ деревен^кихъпро- иаведеній, надобныхъ для домашняго обихода, начиная съзер-

новаго всякаго хлѣба и оканчивая сушеными грибами и ягодами. Но какъ въ число запасовъ непремѣнно входила и живая рыба, то для ея сохраненія необходимы были пруды, садки, такъ какъ для полученія свѣжихъ садовыхъ плодовъ и овощей необходимо было разведеніе плодовыхъ садовъ и огородовъ. Все это мало по малу и являлось на загородномъ дворѣ, который съ прибавкою рошенаго лѣса или роши, также сѣнокоснаго луга, и съ постройкою боярскихъ хоромъ съ теремами и вышками, естественнымъ образомъ превращался въ красивую усадьбу, полную, какъ чаша, всякимъ деревенскимъ добромъ. Сюда-то на лѣтнее время и переселялись бояре изъ своихъ городскихъ хоромъ.

Англичанинъ Коллинсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1662 г., рассказываетъ, что у боярина Хитрово, царскаго любимца и дворянина, т. е. министра Двора, въ загородныхъ садахъ (подъ Девичьимъ) жили даже прекрасныя невольницы—польки, которыхъ доставлялъ ему одинъ лекаръ-жидъ. Онъ рассказываетъ также, что жена боярина, имѣя важныя причины къ подозрѣнію, стала ревновать; что мужу это очень не понравилось и боярину, по слухамъ, угостили однажды какимъ-то кушаньемъ, послѣ чего она сдѣлалась очень весела, а поутру была найдена въ постелѣ мертвою. Другіе же говорили, какъ слышалъ Коллинсъ, что ей поднесли отравленную чашу вина, вылечившую ее отъ всѣхъ болѣзней. Произшествіе надѣлало много шума въ народѣ и конечно прежде всего стало извѣстнымъ царю, который приказалъ боярину, подъ страхомъ удаленія отъ своихъ очей, оставить такую жизнь и снова жениться. Такимъ образомъ еще и допетровскіе бояре населяли свои дачи амурами и нимаами. Не всѣ конечно устраивали свою загородную жизнь съ такими мусульманскими затѣями; но достоверно одно, что всѣ поголовно очень любили въ лѣтнее время жить по-деревенски, вблизи деревенскаго хозяйства и всѣхъ удовольствій, какія представляла тогдашняя деревня и каковы были: охота звѣриная и птичья, рыбная ловля, садоводство, пчеловодство. и т. п., и даже цвѣтоводство. Дѣло въ томъ, что о боярской старой жизни мы вообще мало имѣемъ надобныхъ свѣдѣ-

ній, который конечно въ изобиліи существовали въ боярскихъ же домашнихъ архивахъ, но по милости ОФранцуженія боярскихъ умовъ въ XVIII ст. съ презрѣніемъ были отброшены прочь и погибали безслѣдно частію отъ пожаровъ, а больше всего отъ полного равнодушія къ памяти о предкахъ, отъ полного образованнаго небреженія ко всему, что только напоминало о времени дѣдовъ, потому, что то время почиталось вообще эпохою темнаго варварству. Самая любовь къ сельскимъ и садовымъ букетамъ цвѣтовъ, о которой говоритъ Карамзинъ, должна начинать свою исторію гораздо раньше, не только Екатерининскихъ, но даже и Петровскихъ годовъ, ибо нетъ сомнѣнія, что ландыши, какъ и всякіе первые весенніе полевые цветы на- ровнѣ съ грибами и лесными ягодами продавались въ городъ^ съ незапамятныхъ для Москвы временъ, хотя, конечно, торговля ими не могла быть очень 'значительна особенно по той причине, что почти у cadaго двора въ городѣ былъ свой садъ и огородъ, а между слободами города существовали еще поля, всполья и луга, такъ что, не заходя очень далеко, и самому можно было нарвать полевыхъ цвѣтовъ у себя по соседству. Отъ XVII века мы имѣемъ свидетельства, что букетами цвѣтовъ украшались даже окна въ комнатахъ, по крайней мѣрѣ во дворцѣ. Въ 1670 г. іюня-12 во дворецъ было куплено на рынке 22 стеклянныхъ стопы (родъ стакановъ) съ рукоятками, за 1 рубль 3 алтына 2 деньги, которыя по приказанію царя Алексея были поданы съ цветами въ хоромы къ царевичу Алексею Алексеевичу. Припомнимъ, что при томъ же царе и потомъ при его сыне Ѳедоре, на Измайловскихъ стеклянныхъ заводахъ делались для подаванія цвѣтовъ (такъ и сказано) кувшины особой Формы, которые, кроме употребленія во дворце, продавались отъ Дворца же и въ Гостиномъ дворе. Если на рынкахъ Москвы въ XVII ст. существовала торговля стеклянною посудою для цвѣточныхъ букетовъ, называвшихся по старому варварству вѣнками, веничками и даже просто вениками *) , то едва ли можно сомневаться и въ томъ, что

*) Доиашвій Бытъ Русс*иіъ Царей, ч. 1. Изд. 2, стр. 248.

на тѣхъ же рывкахъ существовала и торговля ятвми вѣнага- ні. Одннъ иностранецъ, Де Бруинъ, бывшій въ Москв* въ первые годы .Петровонихъ преобразованій, рассказывая, что иноземцы Нѣмецкой слободы старательно разводатъ въ своихъ садахъ плодовые деревья и культурные цвѣты, которые выли- сывають изъ европейскихъ стрянь, прибавляетъ между прочим*: что „такъ какъ русская ночва сама по оебѣ родить цвѣты плохо, а цвѣты лфсныя очень посредственны, то для Руескихъ нѣтъ большого удовольствія, какъ подарить нмъ пукъ цвѣтовъ, который они съ наслажденіемъ несутъ домой. Впрочемъ,нѣко- торые изъ болѣе знатныхъ Русскихъ, заключаетъ путешест- вѣннкъ, тоже владѣють уже хорошими садами и разводят* въ вмѣ н цвѣты. „Это у*« относится къ 1702 г. и показыва- етъ, что жакъ будто хорошіе сады въ Москвѣ появились только не за долго передъ тѣмъ и вообще со времени Петра. Между т*мъ извѣотно, что хорошее нѣмецкое садоводство етало,распространяться въ Морквѣ еще оь первой половины-ХУІІ. от., ■егда въ 1630 Гі вывезена была даже и .махровая роза, и особенно широко' раскинулось при царѣ Алексѣф. *) Не могло быть, чтобы примѣруатою государя нѣ слфдовали'я знатные и богатые люди изъ боярь и другнхъ чиновъ.тѣмъ болѣе,что воспитатель царя АлевсФя, бояринъ Морозовъ, пробоваль сѣятд» даже v въ своихъ нижегородскихъ вотчинахъ какое то заморское сѣмя. ре инзатъ .

Надо вообще замѣтнтъ, что иностранцы не упуокали и ма- лѣйшнго случая похвастать, что Русь просвѣщалаоь чуть не;еъ приѣзда въ Москву каждаго изъ нихъ. Она дѣйстви> тельйо просвѣщалась въ допетровское время туго, неподатливо; дѣйсТвительно н при Бруинѣ русскію сады очень отшк- чивлись' отъ нѣмецки*ъ, которые были чрезвычайно чисты, полт ни множествомъ цвѣтовъ, а*русскіе были запущены, дики, не- воздѣланы й безъ всякихъ украшеній; но все-таки кое что иаъ Иноземной садовой культуры и въ нихъ давно уже прощвѣтаг'

' *) Си. ваши Опыты взученія Русскихъ Древниовел ■ Иеторіш, ' «. 2-в. іь стітвѣ: Ммаовніе оіды в» ХУІІ ст. і

ЛМК* ^ому же иное что и ивъ русской дичи заслуживало внимав!©' даже самихъ вашихъ просветителей н въ англійбкихъ оадовыхъ каталогахъ въ 1653 г. обозначалась напр.: Rosa Моэ* еовита; а въ ботанадескихъ опнсаніяхъ 1640 г. Rosa sylvestr- г&гвезіоа, вываенныя въ, Московіи. Полагають, что вто былъ ооојсіВ видъ шиповника съ бѣреговъ Сѣверной Дивы.

Ръ рязскае Бруина для насъ особенно любопытно, что вра-* деда очейъ любили хорошіе цвѣты и оъ великою рвдостію, луі* < иге вснаго- родарка, принимали отъ нѣмцевъ цветочные бу* кепЛ.'СамО' оqтoto разумеется, что вта любовь выросла прежде всего на оовыхъ доморощенныхъ цветахъ, въ числе которыхъ ѡе посіѣднее, если не первое место занимали именно сельскіе полевые цвѣты, воспетые вместѣ съ садовыми даже въ иарод- выхъпесняхъ. Стало быть поэзін цветка также не была чуж^ дб' сооѣрчаніямъ наінихъ далекихъ прародителей. • >н

НО' **ВОВ**Вратимсн къ ббйранъ. Мы говорили, что большим-* стдЬ^вбрявмвн, служа в питаясь отъ деревенскаго хозяйству по 'нѣобходимостц должно Аыло вое время оставаться в жввь в* ftepedie, выѣзжав на службу временно н случайно^ наслу- чей'-войны. Точно также знатное и высокое его меилннствоу *смужа все*»*' время прѣдъ лицемъ государя, въ его столице >— Москве, НО' этому самому, еслибъ и хотело, не могло постов яннбжиіѣ въ деревнѣ. Здесь на постоянное житье въ ■ до? ревью посылались только люди опальные, находивіціеся под» гневом» государли потому здѣсьсловодеревня означало сдал- шу. **Вогъ** по како^ причине бояре должны были почитать ДОг ликимъ стыдѣмъ в .великою, напастыр более или менее,, про-* Авлнтельноелребываніе посреди дѣрѣвцскихъудѣрдрг.ві9> Этопрѣ дол жалось до оааго. освобождения боярь»зт>крег воегной аавиевности, т. е. до извѣстнаго указа ПетрвіЩ, оейободившаго ихъ отъ. обязанности служить, съ. оставлен еп однако служебнаго права владеть крѣотышамци дерев- нпи.і При Ежатѣрине, вступленіе на прѣетоль которой в» ОЗгг наменовалось,какъ бывало, погромомъ приближенныхъ и знат- выхъ прежняго царствованія, боярство почувствовало, еще ббльшую свободу располагать обстоятельствами своей жвзвн^

какъ угодной Образовался мало по малу и по разнымъ нравч-и намъ весьма значительный кругъ людей, совсѣмъ свободныхъ» отъ Двора, которые действительно и удалялись нѣтъ Петербургъ г* на житье въ деревню, то есть въ Москву, нбо-4» времени утверждения резиденціи въ Петербургѣ Москва, въ самомъ *Шл* лѣ приобрѣла старинное значеніе деревни* какъ мѣс?4 сѣиuhji для всѣхъ, кто былъ Двору непріятенъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ первой половинѣ XVIII вѣка русское преобразованное общество, невидимому не особенно любило Петербургъ, не особенно дорожило тамошнимъ житьемъ и, рус*сов«-і дясъ вѣроятно • старинными деревенскими вкусами, тянуло больше къ Москвѣ. При Петрѣ II возникали замыслы даже и республицанскую перенести совсѣмъ въ Москву, а про Елизаветинское, врем* современники записали, что однажды, до случая ея пребывавъ въ 1749 г. въ Москвѣ, Петербургъ долго оставался пустынь даже и по возвращеніи въ него государыни. Ободнѣлось это тѣмъ, что больша часть достаточныхъ людей жила въ Петербургѣ по обязанности, отнюдь не по собственному желанію, и когда Дворъ возвратился изъ Москвы, гдѣ почтисъ придворные, дабы остаться въ Москвѣ, наперѣмъ Лбрили. отдуск^н кто на годъ, кто на полгода, кто на Ыѣсяцъ или на подпольно, недѣль. Тоже дѣла и должностныя лица, начиная съ сенатъ торовъ. Бели же нельзя было воспользоваться отпускомъ, то являлись разные предлоги, мнимыя и настоящія болѣзни мужей, женъ, отцовъ, матерей, дѣтей и т. д., либо тяфбы, либр, другія неотлагаемыя дѣла, — однимъ словомъ, прощ#о слнш, комъ полгода прка Дворъ и городъ (Петербургъ) снова нар^, лились по прежнему, какъ было до выѣзда. въ Мосмуу. Въ этотъ промежутокъ . времени петербургскія улицы поросли травой, потому что ѣзд? въ экипажахъ совсѣмъ прекратилдр^

Такимъ образомъ, когда дворянство получило полную свободу служить или не служить и жить, гдѣ хочетъ, оно хотѣло нѣтъ аѣмецкаго, Петербурга на родину, въ сѣррур.сеqіQ. ст.лицу Москву. . .

Кромѣ того при Едотерннѣ для большихъ людд^ . ЭДосквр, сдѣлалась весьма пріютнымъ уголкомъ, куда можно быдо, ВЪ

сіучаѣ ра&лада и неудовольствій съ Дворомъ и службою, отъ-
езжать, какъ говорится іерархически, на покой. Знаменитый
Румянце-въ-Задунайскій, по соперничеству въ Турецкой войне съ
Потемкинымъ, внезапно впавшій въ немилость и уволен-
ный отъ командованія ариіею, писалъ между прочимъ 16 Октябри 1739 г.
къ тогдашнему градоначальнику Москвы, Брок- кину: „теперь мое
желаніе непосредственно есть, чтобы водвориться подъ вашимъ
покровомъ въ матери градоигъ (въ Москвѣ), гдѣ всѣ, мне
подобные, по многимъ странствіямъ ихъ* йОкой обрѣтають.“
(Рус. Вести. 1808, стр. 147.)

Въ Москву такимъ образомъ собиралась вся барская или
собственно придворная оппозиція, собирались недовольные въ
самыхъ разнаобразныхъ отношеніяхъ и смыслахъ. ■ ■ ■'

Московское Мішнее общество втого времени охарактеризовано
въ перепискѣ Привца Делиня, гдѣ онъ говоритъ о Москве, что
„этотъ городъ, дающій понятіе, по нѣкоторымъ отнО- шеніямъ,
объ Испагане, похожна четыре или пять сотъ зая- ковъ
зйатИыхъгосподь, съезжающихся въ нихъ изъ деревень для
общегитія. Нигдѣ того не встретишь, что^ самія знатней-¹ игіид
особы въ государств*, накучивъ Дворомъ, пріезжаютъ бюда
затемъ, чтобы свободно жить и говорить. Императрица почти не
знаетъ, да и не хочетъ знать объ нихъ; она не любитъ блюстителей
наружнаго благоустройства, исполненных* вйутренняго коварства
(?!).—„Что вы думаете объ этихъ гос- водахъ?“^к спросила она у
меня. Я отвечалъ ей, глядя на трехъ ии четырехъ престарелыхъ
камергеровъ, гепераль-апше-¹ ♦ВЪ и проч.—О Ваше Величество,
это самыя почтенныя рун-¹ вы.—„Они не очень меня любятъ,
сказала императрица; я но нравлюсь имъ, быть можетъ и потому,
что я виновата преді. некоторыми изъ нихъ, или что они не правы
передо мною.“^н Свободно, но свободно по барски, то есть съ
правомъ крѣпо- стнаго владычества; жить и свободно говорить,
разумеется 0‘Правителстве, стало съ техъ поръ
исключительным* обы-* чаемъ знатной барской Москвы. За это
коренные москвичи прославляли ее Республикою и
Столицею Россійска го Двор-янств^а, какъ именовалъ ее
Карамзи&ь.

Но историкъ могъ прибавить, что вмѣстѣ съ тѣмъ она была столицею крѣпостнаго двороваго люда, безъ котораго тог' дашнее дворянство не могло существовать, и котораго въ Москвѣ проживало столько, что больше, чѣмъ каждый третій человѣкъ изъ обывателей былъ дворовый; а если къ этому присовокупить еще крѣпостныхъ крестьянъ, то выходило такъ, что изъ троихъ обывателей двое были крѣпостные.- Словомъ сказать, двѣ трети населенія Москвы (1788—1793 г.) были крѣпостные. .

Въ дѣйствительности, относительно высшаго общества, вто была республика и столица крѣпостниковъ, гдѣ, по свидѣтельству современниковъ, обитали праздность и роскоши, гдѣ было много такихъ господскихъ дворовъ, кои своимъ расположеніемъ, обширностію, великимъ, и лишнимъ числомъ служителей, составляли не домъ въ городѣ приличный, но цѣлое селеніе, и гдѣ посреди вольнаго слова о дѣлахъ и дѣйствіяхъ правительства весьма были естественны и вполне натуральны татарскія разсужденія въ родѣ Поздѣва (см. выше стр. 27), очень настойчиво и рѣзко обличавшего предержавшую власть за одно лишь намѣреніе освободить крестьянъ.

Въ сужденіяхъ москвичей (республиканцевъ), замѣчаетъ Карамзинъ „есть какія-то неизмѣнныя правила, но всѣ въ пользу самодержавія: Якобинца выгнали бы, изъ Англійскаго клоба! Сіи правила вообще благородны. Въ Москвѣ съ жаромъ хвалятъ заслуги государственный, помнятъ старое добро....“ заключаешь историкъ.

Но въ этой же республикѣ, чуть не въ каждомъ номерѣ тогдашнихъ Московскихъ Вѣдомостей, выходившихъ два раза въ недѣлю, печатались и читались такого рода объявленія о разныхъ продажахъ:

Московскія Ведомости 1787 года №Л« 1—40:

Его Сіятельство графъ Остерманъ продаетъ изъ состоящего у него въ опекѣ имѣнія дворовыхъ людей, изъ коихъ некоторые обучены художествамъ; да Масальской округи изъ села Лосева и деревни Каменки на вывозъ крестьянъ отъ 20 до 60 душъ. Желаящіе купить могутъ явиться въ домъ его сіятельства у домоправителя.

.: Въ 6 части (тогда полицейскія части Москвы обозначались не оо назначишь, а по номерамъ) 2 квартала, подь № 262, продается колеснякъ, который весьма хорошо работаетъ, да хорошая овсанан круца. О цѣнѣ спросить въ ономъ домѣ.

Въ 5 части, 1 квартала, подь № 83, продается дворовой человѣкъ, умѣ- ющій грамотѣ и который очень хорошо играетъ на Флейтраверсѣ.

Въ 7 части, 1 квартала, подь № 12, въ приходѣ Троицы на Арбатѣ, продается музыкангъ 35 лѣтъ съ женою и дочерью, да крестьянину обученый тнвЦкому мастерству, 36 лѣтъ, съ женою и двумя дочерьми. О цѣнѣ спросить въ ономъ домѣ у домоправителя.

Въ 12 части, 1 квартала, подь № 2, въ приходѣ Девяти Мучениковъ, продается курьеръ съ женою 26 лѣтъ, ростомъ 2 арш. 7 верш., цѣв 500 руб.

Въ 13 части, 1 квартала, подь № 1, продается перукмахеръ 17 лѣтъ, который довольно искусно разумѣть причесывать женскіе волосы. О цѣ- нѣ спросить въ ономъ же домѣ.

Въ 5 части, 1 квартала, подь JV? 72, въ приходѣ Трехъ Святителей, у живущего въ томъ домѣ Господина продается садовни къ 25 лѣтъ, годный въ рекруты, за весьма дешевую цѣну.

За Москвою рѣкою, близъ Москворѣцкаго мосту, на берег у, въ прихо- дѣ СОФИИ, въ домѣ иностраннаго купца Ивана Нелля, подь № 1, продаетсі перукмахеръ 21 году, съ женою 19 лѣтъ, умѣющій очень хороша причесывать мужскію и женскіе волосы, и также читать и писать. О цѣнѣ сирю сить въ томъ домѣ у хозяина.

;На Поварской, противъ церкви Бориса и Глѣба, въ домѣ Данилова, про даѣтосадовникъ 45 лѣтъ съ женою 35 лѣтъ и съ сыномъ 8 лѣтъ и двѣ дочери, который умѣетъ садъ разводить, евдить, прививать, стричь шпалеры и деревья, огородные плоды и пчель разводить, точетъ трехаришн- ное сукно, удачно стрѣдьяетъ, знаетъ бочарное, ростомъ выше рекрутской мѣры. Цѣна 500 руб.

Въ 7 части, 5 квартала, подь Л° 454, въ приходѣ Успѣнія на Остожен кѣ, продается человѣкъ 25 лѣтъ въ гусары, или лакеи, и годной при томѣ въ рекруты.

Въ 6 части, 2 квартала, на Тверской, близъ Межевой, подь № 151, } живущей вдовы Мавры Озеровой продается дѣвка 17 лѣтъ, которая умѣ етъ шить, мыть, крахмалить, утюжить и одѣвать.

Продается человѣкъ 18 лѣтъ, умѣющій сусальное золото бить, да му жикъ 40 лѣтъ. О цѣнѣ спросить въ Цлетешкахъ въ 16 части 3 квартала подь № 302.

Въ 8 части, 5 квартала, подь № 418, въ приходѣ Благовѣщенія на Тшь ской продаются дзкфй и крестьянскій мальчлкъ.

Продаются муздкавть и перукдахерь мужской и женской. Q іЦвф спросить на Тверской въ 6 части, подь № 81, у жвцущаго сержанта Чинена. Тутъ же продаются разныхъ шерстей жеребцы-и мерены.

Въ 6 части, 2 квартала, подь JV® 164, продаются два челоѡка: одинъ официантъ 30 лѣтъ, ростомъ 2 арш. 6 верш., а другой, золотыхъ дѣлъ мастеръ, который въ своемъ мастерствѣ очень искусень, 25 лѣтъ, ростомъ 2 йрш. 8 верш. Цѣна имъ первому 400, а другому 1000 руб.

За Москвою рѣкою, въ 4 части, 4 квартала, подь № 384, въ приходѣ Спаса въ Наливкахъ, продается челоѡкъ 18 лѣтъ, которой очень хорошо брѣть и нровь пускаеть изъ руки и изъ ноги, пѣицы припускает! и Полосы, чешеть, цѣна 300 руб; да буланой идоходець, которой бѣжигь ог- мѣнно красиво, съ хомутомъ и съ дрожками, цѣва 200 руб.

Въ 15 части, 1 квартала, подь № 17 продается поварь 50 лѣтъ.

Продается дѣвка 19 лѣтъ, умѣдошая поеть брабантскія кружева, гладить и крахмалить, тонко прясть и кушанье готовить, въ 6 части, 2 квартала, на Тверской, въ домѣ подь № 151.; спросить у живущей въ томъ домѣ Секретарши.

Московскій купецъ Егоръ Васильевъ Мякишевъ, жуущій на Нѣмецкомъ рынокѣ, въ 19 части, подь № 61, продаетъ семью людей: мужику 32 годъ, кенѣ 16 лѣтъ; у нихъ два сына; одному 8 лѣтъ, другому 1 годъ.

И такъ далѣе.

Идеальное перо историка, съ такимъ краснорѣчіемъ писавшее, что Дворянство есть душа и благородный об- рааъ всего народа,—проходило молчаніемъ эти слишкоиъ вещественны!, отношенія республики къ своимъ рабам*, и по всему вѣроятію, по той причине, что его республиканскіе идеалы рисовали себѣ аристократическую республику дрѡв- нихъ вѣковъ, гдѣ свобода избранныхъ и признанных* граждан* покоилась, какъ на земномъ основаніи, на рабстве всего остальнаго населенія, и почитала такой порядокъ въ челоѡчѣ- скихъ отношеніяхъ естественным* и неизмѣннымъ законом* самой „Натуры.¹⁴ Вотъ почему и въ нашей республике могли еь отличным* удобством* уживаться вместе, въ ѣднихъ и техъ *е образованных* умахъ, самыя возвышенныя идеи любви къ человечеству съ самыми низменными побуждеціями, какъ наи?

выгоднѣе продать человѣка. Мудрая классическая древность, о которой въ то время много говорили, и которой много подражали, научала многимъ граждаескимъ и человѣческимъ доблестямъ; но, находясь еще въ язычествѣ, она въ своихъ поученіяхъ вовсе не касалась всеобщаго освобожденія рабовъ, ибо по своей философии почитала рабство, какъ мы замѣтили, явленіемъ естественнымъ!.. Ее совѣсть въ этомъ отношеніи была пряма и чиста. А это самое очень успокоивало и философию нашихъ доморожденных республиканцевъ, хотя человѣчныя идеи все-таки брали свое и заставляли крѣпостниковъ относиться, напр., къ продажѣ людей съ нѣкоторою застѣнчивостію, которая выражалась уже въ томъ, что при публикаціи очень рѣдко объявлялись имена господъ и указывались только, номера ихъ домовъ.

Но какъ ни была республика Москвы привязана къ прапрадѣдовскому крѣпостному рабству, она все-таки займетъ не последнее мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія. Эта республика потому и стала прославлять себя республикою, что завоевала себѣ у Петербурга право свободно или независимо судить о лицахъ и дѣйствіяхъ правительства, то есть, подвергать критикѣ общественный дѣла страны, о чемъ въ прежнее время и помыслить было страшно.

Вообще, если мы когда либо узнаемъ любопытную исторію о томъ, какими тяжкими путями пробиралось у насъ на Божій свѣтъ, не говоримъ: свободное, а простое независимое и самостоятельное даже разговорное слово, тогда помянемъ добромъ и нашу республику, дававшую извѣстный просторъ такому слову, и при всеобщемъ молчаніи представлявшую въ нѣкоторомъ отношеніи общественную силу, которую въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо было уважать. Республика обозначила своимъ появленіемъ зародышъ общественнаго мнѣнія, что и было съ ея стороны истиннымъ завоеваніемъ. Грибоѣдовъ словами Фамусова, конечно, выставилъ одно комическое въ этихъ свободныхъ сужденіяхъ и толкахъ республики, говоря: А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,

Засудать о дѣлахъ... что слово—приговоръ!

Вѣдь столбовые во*; въ усъ ни кому ие дують И о
правительств® ивой разъ такъ толкують,
Что еслибъ кто подслушадъ ихъ — бѣдаі Не то, чтобъ
новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся Къ тому, къ
сему, а чаще ни къ чему,
Поспорить, пошумать и.... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
Я вамъ скаку: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло...

ГраФЪ Растопчинъ одно время принадлежалъ тоже къ республиканцами» Москвы, то есть, къ лицаиъ, потерпѣвшимъ придворное и служебное крушеніе и потому удалявшимся на житье въ Москву. Изъ его переписки можемъ составить понятіе, насколько были смѣлы, остроумны, въ высокой степени мѣтки и вѣрны тогдашнія республиканская сужденія о лицахъ и дѣлахъ государства. Несомнѣнно, что онъ былъ самымъ замѣчательнымъ представителемъ этихъ республиканцевъ и складомъ своихъ убѣжденій вполне обрисовывалъ основныя черты самой республики, которая состояла по преимуществу изъ однихъ лишь огорченныхъ и оскорбленныхъ умовъ.

Однако московскіе тузы въ действительности почитали Москву только средоточіемъ своей деревенской жизни и, настроивши въ ней, посреди бѣдныхъ хижинъ, великолѣпныхъ палату, всегда поэтому казавшихся для иностранцевъ замками, оставались въ городѣ для общежитія лишь два-три зимнихъ мѣсяца и затѣмъ на все время разъезжались въ свои подмосковныя. Привязанность знатныхъ москвичей къ своей республике занимала даже и самое императрицу, которая въ своихъ литературныхъ замѣткахъ иронически отмѣтила следующее: „Москвичи Москву страстно любятъ и думаютъ, что нѣтъ онасенія окромѣ, и что нигдѣ не живутъ окромѣ, какъ въ Москвѣ. Однако всѣ богачи, всѣ имущіе люди послѣднимъ зимнимъ путемъ выѣзжаютъ изъ Москвы и возвращаются къ Рождеству, то есть шивутъ въ Москвѣ только отъ декабря по Февраль.. Большіе господа пребываютъ въ подмосковных^{1^..^}

Эта эпоха деревенской жизни нашего барства выразила себя въ Москвѣ и ея окрестностяхъ устройствомъ такихъ великолѣпныхъ и обширныхъ садовъ и парковъ, такихъ роскошныхъ дачъ, какія и во снѣ не снились даже нашымъ стариннымъ царямъ, и сельскому великолѣпію которыхъ, въ Кусковѣ, напр., удивлялся даже австрійскій императоръ юсіѳъ. Но въ это время главнымъ предметомъ было уже не плодовое и цвѣточное только, какъ въ старину, а исключительно одно украшенное садоводство съ разведеніемъ множества оранжерейныхъ растений, изъ которыхъ въ лѣтнее время устраивались цѣлыя роши, изъ померанцовыхъ и другихъ подобныхъ! дёрёвъ, представлявшія въ иное время по свидѣтельству очевидцевъ и именно Карамзина, очаровательные уголки Испаши или Италіи.

Аллеи, шпалеры, бесѣдки, гроты, мраморныя статуи и группы, пруды величиною въ озеро, прелестныя острова, Фонтаны, каскады и т. п., все это, хотя и было восхитительно, обворожительно, однако было уже не то, въ чемъ истинный другъ природы находилъ природу. Здѣсь любовь къ природѣ измѣнялась уже въ любовь къ искусству и доходила въ этомъ направленіи до своихъ геркулесовскихъ столбовъ, то «съ до стриженныхъ и подбритыхъ аллей, совсѣмъ отвращавшихъ всякую чувствительность къ красотѣ растений. Дѣйствительно въ это время наши дѣды болѣе просвѣщались чувствомъ къ искусству во всѣхъ его родахъ и видахъ, чѣмъ чувствомъ природы, отчего съ такою стремительностью распространилась и ложная жеманная сентиментальность въ литератур* и даже въ обычаяхъ и нравахъ. И трудно сказать, какою природою больше наслаждались знатные любители деревенской жизни, тою ли, которая искусственно изображалась въ ихъ садахъ, въ ихъ мранорахъ, картинахъ, бронзахъ, и т. п., или тою, которая безъ всякаго искусства сама себя изображала въ сельскихъ видахъ и во всѣхъ предметахъ простаго деревенскаго обитанія? Намъ кажется, что баринъ все-таки оставался барномъ, воспитаннымъ и образованнымъ очень искусственно и потому предпочитавшимъ во всемъ ту же ис-

кусственность. По крайней **иѣрѣ** общій тогдашній взглядъ на природу ничѣмъ особенно не заявилъ своего вкуса и расположен і чнѣ ея неукрѣДпеннынѣ, не набѣленнымъ, не наружя- веннымъ, не напудреннымъ красотамъ, а напротивъ до *мело** чей выразилъ свою особенную привязанность къ красотѣ под* дѣльной, и въ природѣ, и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, такъ что самъ Карамзинъ тяготился такимъ направлениемъ общесі* вейныкъ вкусовъ и писалъ въ одномъ мѣстѣ: „У насъ и **нынѣ** обыкновенно думаютъ, что въ деревняхъ надобно садить аллеи, рыть пруды (уже не столько для **рыбы**, какъ для нраде- ты), строить бесѣдки; у всякаго свой вкусъ—но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей пріятности не требуютъ никакихъ искусственныхъ украшеній. Люди не богатые, лѣвивые, а но- жеть быть и нѣкоторые люди совкусомъ пристанутъ къ моему мнѣнію.“

Это Карамзинъ говоритъ именно въ укоръ богато-устроенному Кускову съ его обширнымъ прудомъ и въ похвалу Кунцевской природѣ, гдѣ сама мѣстность доставляетъ столько красоты, что для ея украшенія почти вовсе не требуются особенный ухищренія искусства.

Справедливо, что вѣкъ Елисаветы и Екатерины тѣмъ особенно и достопамятѣнъ въ иеторіи русскаго развитія, что онъ во многихъ отношеніяхъ, не говоря объ акономическихъ и по- литическихъ темныхъ сторонахъ, былъ какимъ-то роскош- нымъ и художественно-устроеннымъ празднествомъ, на ко- торомъ искусство, въ обширномъ значеніи, въ дѣйствительно- сти играло главную роль, выдвигая во всѣхъ родахъ и видахъ истинныхъ и даровитѣйшихъ артистовъ и распространяя свои интересы по всѣмъ уголкамъ тогдашняго общества. Это былъ вѣкъ преобразованія и развитія въ русскомъ обществѣ поэ- тическаго и художественнаго чувства; и онъ, по слѣдамъ за своими образцами европейскаго развитія, выразилъ свои стре- мленія къ искусству съ такими увлеченіями, что совѣмъ за- былъ о природѣ, совѣмъ удалился отъ ея разумѣнія, такъ что потомъ, въ горі и отчаяніи, сталъ ее всюду кликать и отыскивать.

Еще гораздо раньше приведенной замѣтки и своихъ разыс- каній о развѣтїи въ московскомъ обществѣ чувствительности къ природѣ, путешествуя еще въ Швейцарїи, Карамзинъ писавъ между прочимъ: „Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы проовѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе челоука. Всѣми истинными удовольст- вїямл—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце и которыя насъ подлинно счастливиши дѣлають—наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ: болѣе наслаждались они любовію, болѣе наслаждались дружбою, болѣе—красотами природы!¹¹

Этимъ мы и заключимъ нашу попытку разъяснить сколько нибудь спорный вопросъ: обладали ли наши предки чувстви- тельностію къ красотамъ природы, чувствовали ли они влече- ніе наслаждаться природою, знали ли они, какъ милы для глазъ ландшафты полей и т. п. Вопросъ, какъ видно и изъ приведенной послѣдней замѣтки Карамзина, объяснялся и въ то время съ достаточными противорѣчіями и колебался въ крайностяхъ, между барскою мыслью о старомъ русскомъ, ни къ чему чувствительному не споеобномъ, варварствѣ и мыслями Ж. Ж. Руссо о томъ, что **Человѣчество** утратило невозвратно всю по- »зію прежней первобытной жизни.

Красота и живопись видовъ въ окрестностяхъ Москвы является повсюду, какъ скоро теченіе рѣки образуетъ свой прихотливый, извивистый поворотъ иди, по старинному обозначена, перевертъ *), — эту характерную топографическую черту рѣчныхъ потоковъ всей московской области. Своенравные переверты, дѣйствительно, составляютъ существенный топографическій признакъ такихъ потоковъ и служатъ по большей части основными точками для красиваго и живописнаго историческаго расположенія окрестности. Прологая себѣ дорогу въ материковой толщѣ, не одинаково уступчивой и податливой для рѣчнаго лоха, и тѣснѣясь, по этой причинѣ, у горпстыхъ береговъ, потокъ рѣки, при своемъ поворотѣ, почти всегда, въ виду нагорнаго берега, округляетъ обширную луговую долину, иногда до того круглую, какъ котель, изъ которой затѣмъ уходитъ дальше въ поле, отыскивая болѣе податливый путь для своего теченія. На вышинѣ одного изъ такихъ перевертовъ основанъ Кремль, то есть самое древнейшее поселеніе Москвы; съ вышины другаго смотрять на Москву Воробьевы горы; точно такъ*, какъ на вышинѣ третьяго красуются Три горы и Дорогомилово и т. д. Вверхъ и внизъ по рѣкѣ повсюду встрѣчаемъ тѣже зеленныя круговины залибныхъ широкихъ луговъ съ господствующею надъ ними высотой какой Диборочищной горы или высокаго берега, подмытаго водою тоже въ круговину и нерѣдко по отвѣсу крутаго. Самое Кундово

*) «А рубежъ Первеллю съ Рававью отъ Оівъ ртіі «о ЛуЛаяоі в» іери... а .оп веріу іубявой по і е р е в е р і ш іѣ Тысьн, а отъ Тысьв по Щучьей верхъ, а отъ Щ;чьен во п е р е в е р т а м'ѣ іѣ Иссьв, да по Иссьн ва нвзь до устья, да вввіѣ по Оіѣ рѣіѣ до уеть Прова...» С. Г. Г. I, 326, годъ 1490.

потому особенно и славится своею красотою, что стоит на одномъ изъ красивѣйшихъ такихъ-же перевертовъ Москвы- рѣки.

Вообще западная сторона ближайшихъ московскихъ окрестностей, гдѣ находится Кунцово, представляетъ въ этомъ отношеніи очень много примѣчательнаго и значительно отличается по характеру своей топографіи отъ такой же восточной подмосковной мѣстности, гдѣ ровныя и потому скучныя лѣсныя пространства очень рѣдко выводятъ къ какому либо красивому уголку. Это происходитъ отъ того, что по Западной мѣстности течетъ Москва-рѣка и множество рѣкъ и рѣчекъ, йзрывіи ихъ своими потоками всю эту сторону во всѣхъ направленіяхъ; между тѣмъ какъ въ восточной мѣстности нѣтъ ни одной сколько нибудь значительной рѣки и существующія немногія рѣчки по большей части текутъ въ низменныхъ берегахъ по болотамъ и нисколько не нарушаютъ однообразія остальной равнины.

Прежде, чѣмъ выѣхать въ Кунцово изъ Москвы, надо вспомнить, что изстари здѣсь пролегала дорога въ Смоленскѣ такъ какъ въ древнее время Москвою былъ только самый Кремль, то съ распространеніемъ города, его новыя улицы, застроенный по той дорогѣ, Воздвиженка въ Бѣломъ городѣ и Арбатская въ Земляномъ городѣ, долгое время, тоже назывались Смоленскими. Теперь это имя остается только за обпійрнымъ перекресткомъ на мѣстѣ бывшихъ воротъ и укрѣпленій Землянаго города, который называется Смоленскимъ рынкомъ! Здѣшняя мѣстность расположена тоже на красивомъ перевертѣ Москвы-рѣки и образуетъ, подобно какъ и у самага Кремля, высокій и крутой берегъ, на которомъ встарину раскинута была отдѣльно отъ города слобода Дорогомилова, лежавшая въ Д,вуѣхъ поприцахъ или верстахъ отъ Кремля и назвавшая такъ, по всему вѣроятію, за красоту своей мѣстности. Съ горы дѣйствительно открывается обширный и очень красивый видъ, съ права—на урочище Три горы, съ лѣва—на Воробьевы горы, а прямо на долину, ГДѣ пролегаетъ Смоленская дорога, поднимаясь на горизонтѣ также на гору—Поклонную. Теперь

имеиём Дорогомилова еб08начает0В; только Ямская слобода за рекою.

Вотарину подь Дорогомиловымъ моста не бы ло, а ходиль на ту сторону паромъ. Вообще »тотъ прямой путь покрутив* нѣ .спуска не совсемъ былъ удобенъ для переправы и потому на Смоленскую дорогу ездили низомъ за Дорогомилову «л®- боду и переправлялись черезъ реку вблизи Дѣвчьяго иона- стыря у Саввинской слободки (ныне церковь Саввы Освмценна- го); или ate у Пометнаго Вражка возле теперешних^ торго- вихъ бань.

„Дорогое-^Милое^ памятно въ исторіи Москвы тѣмъ, что здесь находился архіерейскій дворъ Ростовскихъ владыкъ, нзъ которыхъ второй по порядку архіепископъ, Григорій, первый и оеновалъ здесь свое пребываніе, постронвъ въ1412 г. надъ Москвою рекою церковь Благовѣщенья, называемую тенервн4 урочщцу, что на Бережкахъ. Она находится влѣво отъСмолеи- екаго перекрестка, скрытая новейшими постройками но ули-г цѣ Плющихе, называвшейся прежде Саввинскою и. Смолен* свою, такъ какъ по ней продолжалась Смоленская дорога до ^более удобной переправы вблиаи церкви Саввы Освященнаге* Протцвъ самой Благовещенской церкви, на той стороне р*ник влѣво отъ Бородинскаго моста, стовтъ церковь Тихвинской Богородицы, построенная нѣкоіча въ Рыбной .слободке, Бережки тожъ, принадлежавшей по всему вѣроятію тоже Рос- товенному дому, отъ которой и урочище Благовещенской церк-т вн стало-именоваться также Бережками.

Но историческая память о Дорогомилове не ограничивает* ся. только однииъ темъ обстоятельствомъ, «ТО здѣск имели пребываніе Ростововіе владыки. Имя Дорогомилова д^івіями этихъ владыкъ сваанось однимъ ивъ значительнѣйшихъ со- бытій Русской Исторіи, именно съ освобожденіемъ отъТа- тарскаго ига и возстановленіемъ окончательной независимости Мооивы бтъ Золотой Орды. Это собцтіе относится къ 1480 году и более всего примечательно по до>іапцимъ отношені- ямъ тогдакигей Москвы, посреди которыхъ» мооковсій, уже впеліе самодержавный государь долкенъ былъ вытерпеть

очень еиіиый Стпоръ своимъ намѣреніямъ со стороны всего тогдашняго московскаго общества. •

Ханъ Ахмать, очень хорошо памятуя старое время, когда русскіе князья, по первому призыву, должны были тотчасъ являться въ Орду для отчета въ своемъ поведеніи и вообще для устройства своихъ отношеній къ Ордѣ, задумалъ точно так- же позвать къ себѣ въ Орду и в. к. Ивана Вас., женатаго уже на греческой царевнѣ Софѣѣ Палеологъ, покорившаго Новгород*, державшаго уже Русскую Землю нетолько честно, но и грозно. На вызовъ Хана московскій государь конечно не поѣхалъ, а поелалъ иѣ ему какое-то объясненіе, которое Хану не понравилось. Между, тѣмъ Иванъ Вас. ссорился въ это время съ своими братьями, да не было у него ладно и съ литовскшкъ королемъ, который пользуясь неудоволіетвіемъ Хана, подговаривалъ его Двинуться на Москву вмѣовѣ. Мйт нут» била очень благопріятна и Ханъ не оталъ медлить, сво- имъ. походонv. Московскаго государя онъ засталъ'въ рас- плохьи-вогъ съ какой стороны: моековскій государь былъ: особенно тѣмъ знаменит?», что любилъ всякое дѣло дѣла« обдуманно; съ большим* ризмышленіемъ, наиенѣе по военяому иваиболѣепо граждански; десять разъ примѣривалъ и отрѣаы*- валь одинъ разъ; всегда вѣрно и безъ оглядокъ. Однако къ этому Татарскому приходу онъ вовсе не брлъ готовъ/ничего Хорошо задуманнаго и хорошо обдуманнаго у него не бы-- ло. А тутъ еще за плечами стояла домашняя вражда съ брать-* ями. Очень естественно, что, привыкши всегда; действовать уиомъ, онъ растерялся, когда приходилось дѣйствовать, вѣгкъ говорится очертя г олову, безумно и неразумно, т. е. въ сущ-¹ ноотк бросаться въ опасность ощупью на невѣрный выигрыша Словомъ сказать, онъ не былъ человѣкъ азартный, потому-что быіѣ истинный-государь, желавшій истиннаго добра государству; а не одного блеска пустой и только личной славы.

Побороться съ Татаринომъ у самыхъ стѣнъ Москвы дѣло было не шуточное. По вѣстямъ Ахмать шель со веею хвоею Ордоюі Приближенные бояре Иванъ Ощера, Григорій Мам онъ яаігввыи въ уши госудйргоо йтарцхѣбѣдсгвіяхъ и иесчаогіаяъ,

какъ отецъ его Василій Темный попалъ даже въ плѣнь къ Казанскимъ Татарамъ, именно по тону случаю, что поставилъ съ ними прямой бой. Накладывая ужасъ на государя, они совѣтовали самому ему не выступать противъ Хана, а удалиться подалеже на сѣверъ, куда была уже отправлена съ Дворомъ и съ казною государева супруга .Софья; советовали, слѣд., въ самую опасную минуту оставить государство безъ голо-¹ вы, а Москву отдаП на разоренье. Совѣты свои рни подтверждали и другимъ примѣромъ, что и прадедъ государя, Дмитрій Донской, не вступалъ тоже въ бой съ Тохтамышемъ и бѣ- галь отъ него на Кострому. Такъ смотрѣли на дѣла государевы ласковцы, люди приближенные, которые больше всего заботились о сохранности своихъ собственныхъ особъ, своего богатства, своихъ женъ и дѣтѣй. Но иначе встречало опасность духовенство и'весь московскій народъ, а впереди всѣхъ духовникъ государя, ростовскій архіепископъ Ваосі- анъ, жившій въ своемъ Дорогомиловѣ.

По пѣрвыиъ бѣстямъ государь самъ вышелъ встрѣтить Хана на Коломну, сына Ивана поставилъ въ Серпухов^ и все войско по берегу Оки, гдѣ была наша тогдашняя степная граница. Но Ханъ, узнавши о такой встрѣчѣ, поворотилъ на Калугу и хотѣлъ перейти къ Москвѣ черезъ рѣку Угру. Надо было подумать и посовѣтоваться, и потому, передвинувъ сына съ главною силою къ Угрѣ, самъ государь возвратился въ Москву въ то именно время, когда Ахматъ уже приближался къ Угрѣ. Народъ московскій, въ страхѣ отъ нашествія забираешся въ то время *ль* городъ Кремль, въ осаду, принялъ своего государя съ болынимъ волненіемъ, очень невѣжливо и недружелюбно. Какъ только увидѣли в. князя, ѣдущаго еще на посадѣ, всѣ заговорили, что такъ не водится— бѣгать съ поля отъ врагаі „Когда въ мирное время ты, государь, княжишь надъ нами, кричали ему встрѣчники, то много Ъ безлѣпицъ насъ продаешь, (т. е. неправдою судишь, обременяешь налогами), а нынче въ опасное время, насъ же выдаешь ордынекому царю и татарамъ; а разгнѣвилъ ты царя самъ, не платилъ ему выхода.^a Въ городъ, в. князя встрѣтилъ съ митрополитомъ

иadyка Вассіанъ ростовскій. Онъ прямо началъ бранить го-
оударя, называя его бѣгнуомъ (трусомъ, бѣглецомъ). ^Вся кровь
на тебѣ падеть христіанская!" возглашалъ святитель. „Чего ты
бѣжишь и выдаешь народъ въ руки Татаръ безъ бит- ш? Чего ты
боишься смерти? Развѣ ты безсмертный человекъ? Сиртень, какъ
и всѣ, а бѣ?ъ суда Божія не бываетъ смерти, ни человекъ, ни
птицѣ, ни звѣрю. А дай сюда войско въ мою руку и посмотри,
коли я, старый, укрою лице противъ Та* гарь!“ И много такъ
укорялъ владыка государя, предъ всѣми горожанами, которые
тоже со всѣхъ сторонъ поднимали ро- потъ и негодованіе.
Обличенный государь побоялся даже остановиться въ Кремлѣ въ
своемъ дворцѣ и пробрался въ Красное село, гдѣ и оставался во все
это время удивительной геперь для насъ борьбы съ своими
московскими подданными. Но то было старое время и городская
община тогда еще очень многое значила. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ
чего либо недобра- го со стороны москвичей, онъ посылалъ къ
сыну грамоту за грамотою, „чтобы часа того былъ на ^Москвѣ.“
Но и сынъ отказался отъ отца и съ Угры отъ Татаръ не поѣхалъ,
крестьянства не выдалъ, сназаль; „лучше здѣсь умру, а къ отцу не
по- ®ду.“ Между тѣмъ владыка Вассіанъ настаивалъ па своемъ*
твердя одно и то же, чтобъ государь непременно выѣзжалъ съ
Москвы къ лолкамъ* и едва его умолили. Великій князь на-
конецъ двинулся, но близко къ Татарамъ, къ самой Угрѣ, не
пошелъ, а сталъ подальше отъ нихъ и поближе разумѣется къ
Москвѣ, на рѣкѣ Лужѣ, въ Кременцѣ, версть за 50 о^ъ Угры.
Отсюда онъ послалъ къ Ахмату съ челобитьемъ и съ дарами.,
выпрашивая милости, чтобы отступилъ прочь и не велѣлъ бы
воевать своего улуоа—Русской Земли. Въ виду такого уни-
чиженіа, Ханъ запѣлъ старую пѣсню, велѣлъ сказать Вел. Кня- 8Ю,
что радъ его жаловать, да только, чтобъ онъ самъ пріѣ- халъ и
билъ бы челомъ, какъ отцы его ѣздили въ орду къ на- шимъ
отцамъ, прибавилъ Татаринъ. Но теперь пора была уже не та. О
такой поѣздкѣ теперь и подумать было невозможно. Москвичи, во
главѣсь владыкою Вассіаномъ, пожалуй не пожа- лѣли бы и
самого государя, благо былъ у него добрый сынъ. Ве-

ликій князь т*нулъ переговоры, а самъ все оглядывался на Москву, боясь рѣшительнаго дѣла, и намереваясь еще подальше отодвинуться отъ татарской силы. Въ этихъ мысляхъ утверждали государя все тѣже ближніе бояре,,злые человѣки, сребролюбцы, богатые и брюхатые -предатели христіанскію, а но- ровники бусурманскіе,^a замѣчаетъ лѣтописецъ,—„самъ дя- волю шепталъ ихъ устами, тотъ самый, что древле вшелъ въ змію и прельстилъ Адама и Евву.“^c

Прослышалъ ии владыка Вассіанъ, что государь безславно смиряется передъ Ханомъ, молить его о мирѣ, слушаюсь только прежнихъ своихъ развратниковъ, шепчущихъ, чтобы отступила и побѣждалъ отъ супостатовъ прочь. Старецъ, какъ духовникъ государя, имѣвшій полное право говорить ему прямо и смѣло' воспользовался своимъ положеніемъ и написалъ къ нему въ своемъ Дорогомиловѣ длинное посланіе, которое, какъ можно полагать, остановило по крайней мѣрѣ унижительные переговоры съ Ханомъ.

„Наше дѣло, писалъ владыка, напоминать вамъ, государямъ, д ваше дѣло—послушать. Не гнѣвайся на меня зато, что я прежде дерзнулъ говорить тебѣ устами къ устами, для твоего же спасенія. Тогда ты обѣщаль крѣпко стоять за православное христіанство, за отечество, обѣщаль не слушать лести- выхъ людей, шепчущихъ тебѣ въ ухо, чтобы предать христіанство. Тогда самъ митрополитъ всѣмъ соборомъ благословилъ тебя на подвигъ, наименовалъ тебя пастыремъ добрымъ, который, не какъ наемникъ, завидѣвъ волка, бѣжитъ и спасается самъ и покидаетъ овецъ на расхищеніе. Ты съ бодрымъ сердцемъ вышелъ противъ окаяннаго этого мысленнаго волка, страшнаго Ахмата. Денно и вочао мы всѣ вкупѣ молимъ Бога, чтобы даровалъ тебѣ побѣду, и надѣмся, что такъ будетъ. Но теперь слышимъ, что волкъ приблизился, похваляется на твое отечество, а ты смиряешься, унижаешься передъ нимъ, посылаешь къ нему пословъ, молишь о мирѣ. Онъ же гнѣвомъ дышитъ и не слушаетъ твоего моленья... А тутъ тебѣ прежніе твои развратники не перестаютъ шептать въ твои ушныя ело-

ва, совѣтують не противиться супостатамъ, но отступить, бежать отъ волка, оставивши стадо врагамъ. Умоляю тебя, не поддайся такому ихъ совѣту. Внимай себѣ и всему стаду-народу, въ которомъ Духъ Святой тебя поставилъ соблюдать его оборону и спасеніе. И что совѣтують тебе эти лжеименитые льстецы? Ни мало не сопротивляясь окаяннымъ и повергнувъ щиты, предать волкамъ христіанство и отечество и беглецами скитаться по чужимъ странамъ? Помысли, велемудрый государь, отъ какой славы и въ какое' безчестье снодятъ они твое величество. Куда хочешь убежать и гдѣ воцаришься, погубивъ порученный тебѣ Богомъ народъ? Слушай, что говоритъ Пророкъ: если взлетишь, какъ орелъ, если и посреди звѣздъ гнѣздо еебе устроишь, то и оттуда свергну тебя, говоритъ Господь! И мы надеемся, что не отринетъ и не оставитъ Господь людей своихъ... Вотъ, слышимъ, что безбожный агарянской нзыкъ, по- тѣснивъ многіи страны, уже двигается на насъ. Поспѣшай скорей ему на встречу. Отложи весь страхъ и возлагай о Господѣ въ державе и крѣпостиюдинъ побѣтъ тысячу, а два двинуть тьмы. Превнуй преждебывшіимъ прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ. Они не только Русскую Землю обороняли отъ поганыхъ, но и иныя страны подчиняли себе. Игорь, Святославу Владиміръ, брали дань на греческихъ царяхъ; а каково Мономахъ бился за Русскую Землю съ окаянными Половцами... И другіе многіе, объ нихъ ты лучше насъ знаешь. А достойный хвалы я славы в. к. Дмитрій, твой прародитель, каково мужество й храбрость показалъ за Дономъ надъ темъ же окаянными Татарами: самъ впереди всехъ бился, не щадя своей жизни. Не утратился онъ татарскаго множества, не побегалъ передъ ними, не сказалъ въ своемъ сердце: жену имею п детей, и многое богатство, если и землю мою возмутъ, то где въ другомъ месте поселюсь. Нѣтъ, онъ не колебался, а тотчасъ выехалъ, впереди всехъ, и сталъ лицомъ къ лицу противъ войскъ Мамаю. За то и Господь ему помогъ, за то и донине, какъ крепкій подвижникъ, онъ похваляемъ и славимъ, не только отъ людей, но и отъ Бога. Ангеловъ удивилъ и людей возвеси- селилъ своимъ мужествомъ!"

„Если ты и теперь все еще мыслишь и Настаиваешь, что находишься подъ тятвою прародителей, неподнимать руки противъ ордынскаго царя, такъ послушай: ты самъ царь боголюбивый. Когда клятва вынуждена бываетъ, то прощать и разрѣпгать ее намъ повелѣно; а мы прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ, и иитрополить и мы, и весь боголюбивый соборъ: не на царя идти, но на разбойника и хищника и богоборца. Да и который пророкъ пророчествовалъ или который апостоль или святитель у чиль, чтобъ повиноваться передъ этимъ сквернымъ самозваннымъ царемъ тебѣ великому русскихъ странъ христіанскому царю? Попустилъ Богъ нашествіе Батыя, который пришелъ разбойнически, поплѣнилъ и поработилъ всю нашу землю, и воцарился надъ твоими прародителями, не бывши самъ царь, ни отъ рода царскаго. Тогда Богъ прогнѣвался на насъ и какъ чадолюбивый отецъ наказалъ насъ, но не столько за наши согрѣшенія и неисправленія передъ Нимъ, а больше всего за наше отчаяніе, за то, что не уповали на Него. Но и тогда и нынѣ и вовѣкъ все тотъ же Господь, потопившій Фараона, избавившій Израиля. Государь! Человеческое есть согрѣшать или, иначе сказать, падать и покаяніемъ вставать. Ангельское есть никогда не падать, бѣсовское же— не вставать и отчаяваться. Если всѣмъ умомъ и всею душою, не словомъ только, но самымъ дѣломъ очистимъ себя отъ грѣховъ, Милосердый Господь насъ помилуетъ и не только освободитъ и избавитъ отъ новаго Фараона, отъ этого поганого Ахмата, но намъ ихъ поработитъ!...¹⁴

Такова была знаменитая Дорогомиловская грамота Вассіана. Она достопамятна не по смѣлости разговора съ государемъ-самодержцемъ, а по тѣмъ политическимъ убѣжденіямъ, которыми всегда крѣпилась, сохранялась и спасалась наша старая Русь посреди всякихъ напастей и бѣдствій.

Однако государь съ своими боярами думалъ иначе, тянулъ дѣло, сколько возможно, и въ прямой бой съ татаринѣмъ вступить не рѣшался. Между тѣмъ настала осень, лютая и морозная, а съ Дмитріева дни, 26 октября, стала и самая зима, съ самыми крутыми морозами. Ордынскій царь хвалился, что того толь

ко и ждать, чтобъ стали рѣки; тогда, повсюду будетъ дорога; и онъ свободно двинется къ Москвѣ. Но теперь онъ и самъ испугался. Его степняки, добываясь перелезть чрезъ Угру больше мѣсяца и встрѣчая съ нашей стороны постоянный отпоръ стали наги, босы, ободрались; съ морозомъ воевать имъ было уже невозможно. Ахмать видимо собирался отступить, а московски государь этого не могъ или не хотѣлъ понять и отодвинулъ свои войска отъ берега, чтобы совокупить ихъ, какъ говорилъ, въ одно мѣсто, и тогда, общими силами, встрѣтить натискъ врага. Но тогда явилось преславное чудо Прѣсв. Богородицы: какъ только отступили наши отъ берега, татары въ страхъ тоже побѣжали прочь, подумавши, что Русь даетъ имъ берегъ и хочетъ биться; а наши тоже самое подумали о татарахъ, что они уже перешли рѣку и заманивають въ засаду. Было дивное диво: двѣ многочисленной рати одна отъ Другой бѣжали, не гонимыя ни кѣмъ, гонимыя только страдомъ. Государь, пользуясь случаемъ, отступилъ еще ближе къ Москвѣ, къ Боровску, сказавши, что вотъ моль на тѣхъ поляхъ съ ними бой поставимъ, а все только слушая богатыхъ и брюхатыхъ предателей христіанства, своихъ ближнихъ бояръ.

Такимъ образомъ страшное Батыѣво нашествіе, которымъ похвалялся Ахмать, обѣщая повторить его въ полной мѣрѣ, обратилось въ призракъ. Обстоятельства это чуднаго событія, какъ мы сказали, очень примѣчательны по участию въ немъ всенароднаго общественнаго мнѣнія, котораго такимъ яркимъ выразителемъ явился владыка Вассіанъ, и которое не удовлетворилось тѣмъ, а занесло и въ спмья лѣтописи, на память будущимъ родамъ, это волненіе народной мысли противъ предателей отечества, которыхъ оно видѣло въ ближнихъ боярахъ государя. Лѣтописецъ не безъ ироніи послѣ отмѣчаетъ о возвращеніи въ Москву в. к. Софьи: „Приде в. к. Софья изъ бѣговъ, бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ татаръ, а не гонялъ никто. И по которымъ сторонамъ ходили, тѣмъ стало пуще татаръ отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Воздай же имъ Господи по дѣламъ ихъ! И по лукавству начицанія ихъ, воздай же имъ; и по дѣламъ рукъ ихъ

дайке имъ, Господи! Быи ихъ (боярь) жены тамъ (въ б*- гахъ), и возлюбили они бояре своихъ женъ, больше нежели православную христіанскую вѣру и св. церкви, помышляя предать христіанство. Ослѣпила ихъ злоба ихъ! Пишу не въ укоръ имъ, но да не похваляются несмысленные въ своемъ безуміи, рассказывая, что мы де своимъ оружіемъ избавили Русскую Землю. Но пусть молчатъ и славятъ Бога и его Прѣ* чистую Матерь, ибо Тотъ насъ спасъ. А добрые и мужественные пусть радуются и прилагають брань къ брани и мужество къ мужеству противъ басурманства.^а

„О храбрые, мужественные русскіе сыны! восклицаетъ за- тѣмъ лѣтописецъ. Потщитесь сберечь свое отечество, Русскую Землю, отъ поганыхъ; не пощадите своихъ головъ, да не узрятъ очи ваши гилѣненія и грабленія, убіенія чадъ вашихъ, поруганія женъ и дочерей вашихъ. Вспомните, какъ пострадали отъ Турокъ инья великія и славныя земли: Болгары, Греки, Хорваты, Босняки, Морея, Мпнкупъ и Кпѣа въ Крыму и прочія. Онѣ не встретили враговъ мужественно и погибли, и погубили свое отечество и землю, и скитаются по чужимъ странамъ бездомкомъ, бѣдны и странны, укоряемы, понотае- мы, оплеваемы, какъ трусы! Пощади Господи отъ такой бѣды насъ, православныхъ христіанъ!^а

Вотъ какими мыслями и пожеланіями исполнено было тог- дашнее московское стадо—народъ, когда пастухи-правители готовы были предать его въ руки волка — татарина. Н выхо- дить на повѣрку, что если разберемъ хорошенько дѣла нашей исторіи, то увидимъ въ ней нбваго дѣятеля, рѣботавшаго въсо- здапіи независимого русскаго государства, быть можетъ еще больше и сильнѣй, чѣмъ сами московскіе государи, которымъ исключительно приписываютъ этотъ подвигъ историки. Та- кимъ дѣятелемъ всегда былъ самъ народъ, по необходимости переносившій крутую русскую неволю отъ своихъ властей, но никогда и нигдѣ не выносившій чужой неволи, татарской, нѣмецкой, литовской и т. д.

Вотъ почему Дорогомиловская грамота Вассіана, напоми- нающая государю, чтобъ слушалъ внимательно голосъ. самого

народа, а не шептанье приближенных?»), принадлежите въ нашей исторіи къ самымъ дорогимъ памятникамъ, гдѣ съ такою силою высказываются не одни церковный поученія, а именно давнишнія всенародный понятія объ обязанностяхъ государя передъ своимъ народомъ; давнишнія, идущія отъ самаго начала нашей исторіи всенародныя убѣжденія, что первое дѣло въ народной жизни есть политическая самостоятельность и независимость ни отъ какой чужой власти. Въ этомъ отношеніи всенародное мненіе, при всякихъ случаяхъ, всегда стояло впереди и указывало самимъ князьямъ и государямъ, куда следовало идти прямее къ цели.

Кроме того, бее это событіе раскрываете передъ нами необыкновенную простоту и прямоту отношеній государевой власти къ народу, которая еще не умела хитрить съ нимъ и действовала откровенно и открыто, съобщаго совета, подвергаясь и со стороны народа открытымъ и прямодушнымъ осужденіямъ за недостатокъ воли или желанія исполнить народный приговоръ. Когда опасность была на носу, все это знали до послѣдняго человека и каждый принималъ меры, действуя открыта по общему убежденію.

За Дорогомиловымъ, сейчасъ за рѣкою, отъ самаго берега, начинался древній Сѣтунскій станъ, названный такъ по рѣкѣ Сѣтуни, которая впадаетъ въ Москву-рѣку у Воробьевыхъ-горъ, противъ Дѣвичьяго монастыря. Онъ заключалъ въ себѣ пространство верстъ на 25 отъ В. къ З. вдоль по Смоленской дорогѣ, гдѣ послѣднимъ мѣстомъ этого стана было селеніе Окулово. Столько же было и ширины поперекъ стана въ его широкомъ концѣ, именно на его срединѣ, гдѣ теперь деревня Сѣтунъ и гдѣ рѣка Сѣтунъ приближается своимъ поворотомъ къ большой дорогѣ. По провой, сѣверной сторонѣ, Станъ ограничивался извилистыми берегами Москвы-рѣки, до впаденія въ нее, нѣсколько подальше Ильинскаго, рѣчки Медвенки, которая ограничивала Сѣтунскій станъ съ запада. Зв. эту рѣкою продолжался уже Медввнскій станъ, а за Москвою-рѣкою былъ Горетовъ станъ. Съ лѣвой или южной стороны границею стана была рѣка Сѣтунъ съ своими притоками, ручками, ручьями и оврагами, которые въ иныхъ мѣстахъ доводили эту границу до дорогъ Каменки и Боровской. Сосѣдніе станы этимъ мѣстамъ были Ратуевъ или Таракмановъ, начиная отъ Воробьевыхъ горъ, и Сосенскій—въ верховьяхъ Сѣтуни, по рѣчкѣ Сосенкѣ. Большая Смоленская, иначе Можайская дорога, или Можай, какъ зовутъ ее крестьяне, пролегала какъ разъ-по самой срединѣ всей древней мѣстности Сѣтунскаго Стана.

Слово станъ обозначаетъ остановку на пути и переноситъ насъ въ сѣдую древность нашей исторіи, когда первые князья сами еще ходили собирать съ населенія дани и пошлины, уроки и оброки, а вмѣстѣ давать людямъ судъ и земскую управу. Дѣлая съ этою цѣлью свои пути-походы и останавливаясь

въ наиболѣе выгодныхъ для того мѣстахъ, они тѣмъ самымъ опредѣляли и центръ земской управы, каковымъ сама собою являлась становаѣ квартира князя или ѣго сборщика. Естественно, что съ развитіемъ государства эти старыя сборныя мѣста остались особыми округами, на которые правительственно распредѣлились городскіе уѣзды, что мы и застаемъ подъ Москвою, весь уѣздъ которой былъ раздѣленъ на станы и волости. Прозывались эти станы больше отъ рѣкъ и рѣчекъ и отъ разныхъ урочищъ, гдѣ становились княжескія власти, и даже по имешгъ перваго или особенно знаменитаго почему иібо управителя станомъ.

Во всемъ Сѣтунскомъ Стану самое памятное въ нашей исторіи и примѣчательное по своей топографіи мѣсто, это—Поклонная Гора. Съ ея высоты изстари русскій народъ привыкъ воздавать поклонъ Матушкѣ-Москвѣ, какъ при встрѣчѣ, восхитительной по красотѣ и обширности вида на древнюю столицу, такъ и на прощаньи, когда здѣсь же въ послѣдній разъ онъ обозрѣвалъ родную красоту любимаго города. Прямо черезъ Поклонную Гору шла въ старое время дорога на Западъ, такъ сказать въ Европу; вотъ почему по этой самой дорогѣ Европа и совершала на насъ свои военныя нашествія, подобно тому, какъ Азія—Татары совершали свои нашествія подругой Поклонной же Горѣ, лежащей на Серпуховской дорогѣ, у Верхнихъ Котловъ. Первое зло Москвѣ со стороны Европы было отъ Литвы, еще въ XIV вѣкѣ, при Ольгердѣ. Но злѣе зла Москва невидывала, какъ отъ Поляковъ въ 1611—1612 годахъ, а потомъ при Французахъ въ 1812г. Въ эти достопамятные годы ея участь рѣшалась именно у здѣшней Поклонной Горы: въ нашествіе Поляковъ—на берегахъ Сѣтуни, въ нашествіе Французовъ—на берегу Москвы рѣки, въ деревнѣ Фили. Эти мѣста ознаменованы однимъ и тѣмъ же рѣшеніемъ властей—отдать Матушку-Москву въ руки враговъ, съ тою разницею, что въ 1812 г. Такое рѣшеніе было вынуждено могуществомъ военныхъ обстоятельствъ и Москва приносилась въ жертву государственной и народной независимости; а въ Смутное время тоже рѣшеніе явилось какъ бы вѣдомъ боярскихъ

смуть и интригъ, и Москва взмѣнно отдавалась въ жертву государственной и народной зависимости и полной неволи. Известно, что по низведеніи съ престола царя Василья Шуйскаго государством владѣли семь первостепенныхъ бояринъ. Они не иначе, какъ изъ зависти другъ къ другу и изъ высокомерія предъ своимъ братомъ, русскимъ, не рѣпялись возстановить царскій престолъ въ какомъ либо вновь избранномъ русскомъ родѣ и согласились отдать государство лучше въ руки иноземца, польскаго королевича Владислава. Пройдохи изъ ихъ партіи устраивали это дѣло уже давно и по призыву самой же боярской Думы панъ гетманъ Жолкѣвскій подвигался уже въ то время къ Москве съ полною надеждою на успѣхъ этого измѣннаго замысла. Подойдя къ Москвѣ, онъ расположилъ свой станъ сначала на Хорошовскихъ лугахъ, въ виду Кунцова, а потомъ подвинулся поближе и сталъ на Сетунскихъ лугахъ, подъ Поклонною Горюю. Сюда прибыло къ нему изъ Москвы посольство отъ бояръ, порѣшившее съ гетманомъ, что быть на московскомъ Царствѣ польскому королевичу, слѣдоват. здесь впервые Москва была сдана въ польскія руки. После того у Дѣвичьяго монастыря, на половине дороги между Москвою и польскимъ лагеремъ, какъ го-, вбритъ Маскѣвичъ, раскинуты были посольскіе шатры, где произошло окончательное утверженіе избранія на царство польскаго королевича и принесена торжественная ему присяга. 19 августа Жолкѣвскій въ своемъ Сѣтунскомъ лагерѣ у Поклонной Горы далъ всѣмъ знатнѣйшимъ боярамъ роскошный пиръ, который стоилъ ему очень дорого, потому что при этомъ онъ роздалъ много подарковъ, „не отпустивъ и саіаго послѣдняго москвича съ пустыми руками.“ Чрезъ три дня и гетману былъ данъ ответный пиръ въ Кремле первымъ бояриномъ княземъ Мстиславскимъ.

Такъ какъ Поклонная гора лежала на Польской дороге въ Москву, то обыкновенно на ней же всегда останавливались и приходившіе после того польскіе полки. Отсюда въ 1612 г. и въ техъ же числахъ августа действовалъ Ходкѣвичъ противъ Цижегородскаго оцолчечія; сюда, после битвы у Ире^и*

отенскихъ воротъ съ Пожарскимъ, онъ отступилъ, какъ въ свое надежное убѣжище. Затѣмъ въ 1618 г., тоже около осенняго времени, въ сентябрѣ, королевичъ Владиславъ приходилъ подъ Москву, какъ запоздалый кандидатъ на московское Царство. Съ нимъ приходилъ и знаменитый Сагайдачный. Они собрались на старомъ, очень знакомомъ для поляковъ мѣстѣ, въ Тушинѣ и въ Павшинскихъ лугахъ. Отсюда былъ двинутъ ими приступъ къ Москвѣ, мимо Поклонной Горы, къ слободѣ Дорогомиловой, гдѣ 27 сентября 12 тысячъ Запорожцевъ съ Сагайдачнымъ вступили въ бой съ московскими полками и вѣроятно потѣснили москвичей, такъ 4го 30 сентября королевичъ успѣлъ обложить Москву со стороны Арбатскихъ воротъ, но все-таки былъ отбитъ съ большимъ урономъ.

Ровно черезъ двѣсти лѣтъ, по случаю новаго европейскаго нашествія на Москву, Поклонная Гора снова дѣлается свидѣтельницею великихъ историческихъ рѣшеній, происходящихъ тоже у ея подошвы. Въ 1812 г. на самой Поклонной Горѣ какъ бы само собою возникло рѣшеніе Кутузова отдать Москву Наполеону безъ боя, рѣшеніе, которое послѣ только формально было утверждено военнымъ совѣтомъ въ крестьянской избѣ деревни Филей, находившейся тогда еще вблизи большой дороги.

Какъ при полякахъ все дѣло устроивалось властями и народъ не совсѣмъ понималъ, что творится надъ его головою, такъ и теперь народъ тоже до послѣдней минуты не разумѣлъ, что станется съ Матушкою-Москвою, отдать ли, защищать ли ее хотятъ. Но теперь было другое время: не смута боярства продавала Москву чужимъ людямъ, а опасеніе смуты въ самомъ народѣ заставляло таить горькую необходимость національной жертвы отъ постороннихъ глазъ. Извѣстно, какъ патріотически настроены были въ эту пору умы простыхъ москвичей. Самъ главнокомандующій, Растворчинъ, своими позваніями такъ поднялъ и охрабрилъ эти умы, что было необходимо свести ихъ съ опасной высоты съ великою осторожностію.

Самъ главнокомандующий еще зодѣсколька дней до сдачи Москвы писалъ московскому народу: „Я жизнью отвѣчаю, что злодей (Наполеонъ) въ Москвѣ не будетъ“. „Небойтесь ничего, увѣрялъ онъ во все это время,—нашла туча, дамыеотдуемъ, все перемелется, мука будетъ... Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль надеется!...“ Тогда въ народе ходи* ли смутные толки о томъ, что Наполеонъ ндетъ—волю несетъ барскимъ людямъ, всемъ крѣпостнымъ». Эти слухи казались своего рода особымъ Наполеономъ» и Растопчинъ очень заботился, дабы сохранить полную тишину въ столице, и потому съ большимъ умениемъ» и ловкостью народнаго трибуна дей> ствовалъ исключительно только на патріотическіе инстинкты самозащиты и самосохраненія отъ нашеетвія врага. „Государь изволилъ приказать, беречь матушку-Москву!“ — писалъ онъ въ Дружескомъ посланіи къ московскимъ жителямъ». Въ точномъ смысле это значило беречь ее отъ ея внутрення крѣпостнаго волненія, почему онъ и просилъ народъ: „если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ Наполеоша выхвалять и сулить и то и другое (намекъ на слухи о воле крѣпостныхъ), то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ да на Съезжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ темъ я разделаюсь, хоть пяти шідей будь во лбу; мне на то-и власть дана... А я верной слуга царской, РУ сской баринъ, и православной христіанинъ!“ Этими словами уже решалась участь несчастныхъ Верещагиныхъ»: Надо заметить, что Растопчинъ выступилъ въ патріотическій походъ противъ «ранцзовъ и русской Французианіи еще въ 1807, издавши свои „Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльце“. Скоро ему явился достойный соратникъ на литературномъ поприще, С. Н. Глинка, начавшій издавать съ 1808 г. журналъ, Русскій Весіннкъ, представившій въ сущности лишь одно более подробное и обширное развитіе техъ же „Мыслей^a, почему и Растопчинъ, естественно, съ первой же книжки сталъ сотрудникомъ новаго журнала, хотя черезъ годъ же въ чемъ то разошелся съ Глинкою и снова по необ*- ходимости долженъ былъ сблизиться съ нимъ уже въ 1812 г..

Новый журнал по естественным причинам явился горячим выразителем отменной литературы, еще в половине XVIII ст., подобной же крайности русских умозрений, что все русское, даже невольное или крепостное, хорошо и добродетельно, а все иноземное, даже истинно человеческое и свободное, дурно и развратно. К стороне всего русского была обращена идиллия, нежная мечта, которая в мягких и ласковых красках изображала даже всякую крепостную и барскую дичь. К стороне всего иноземного была обращена сатира или, сказать вернее, простонародное глумительство и гаерство, которое било, как говорится, прямо в жилу, т. е., в виду собиравшейся в то время Наполеоновской грозы, вызывало естественные народные инстинкты, самозащиты. Очень понятно, что в таких обстоятельствах не только журнал, но и сам редактор, приобретя обществу громадную популярность и, по обстоятельствам времени, важное политическое значение, которое особенно развернулось в самый год Наполеонова нашествия. Тогда „Русский Вестник облекся в плоть и кровь^a, замечает кн. Вяземский. „Одно заглавие его было уже знакомо. Глинка перенес свою литературу на площадь. Он поехал на свою колею. Он был рожден на родном трибунале, но трибуналом законным, трибуналом правительства. Он умел по православному говорить с православными. Речами своими он успокаивал и ободрял народ. И то в другое по обстоятельствам было нужной. Новый журнал вызван был к жизни политическими обстоятельствами времени, именно непомнящими завоеваниями Наполеона, которые угрожали порабощением всему европейскому миру, а следовательно и нам. Естественно возникла мысль, что, в сущности, это новый Мамай, которого и следовало в том самом виде представить обществу. Но это здравая мысль о внешней политике совсем не попадала тон с общим направлением нашей барской образованности, для которой Французы уже издавна были „отцы родные¹¹, так что говорить против них, разоблачать их, почиталось в некотором отношении смутительством и вообще

недостойным» варварским» повощеніем» самой цивилиз&діи и самого просвещенія. • Это обстоятельство на самой» деле было такого рода крайностью или такого рода клином», который выбывать иначе не представлялось возможным», какъ тоже клином» или такою же крайностью и отъ редактора во многих» случаях» требовалось поведение и неустрашимость Дон» — Кихота.

Предъ нступленіемъ непріятедя въ.Москву, Глинка сделался центром» и руководителем» общего патріотическаго воодушевленія. По стогнам» града .он» самъ читал» Растопчин-скія воззванія и посланія къ московскому народу и первый записался въ ратники Московскаго Ополч^нія раннимъ утром» 11 іюля, когда былъ получёнъ Высочайшій манифест» о втор* женіи непріятедя и о собраніи поэтому случаю новыхъ оиол-ченій. Въ тотъ же день въ Москве ожидали прибытія государя, объявившего всенародно, что въезжаетъ въ столицу именно для совѣщанія съ народом» об» общей опасности и руковадстоованія будущими ополченіями. Эта вестъ воодушевило всѣх» поспешить на встречу любимаго государя и народ» после молебна изъ собора и церкви прямо потянулся за Дорогомиловскую заставу, откуда ждали государева приезда.

„Около трехъ яасовъ по полудни, пишетъ Глинка,надевъ во петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнее протесниться сквозь безчисленныя сонмы народа, пошел» я вслед» за ними, желая прислушаться к» мненію народному и прибавить новую етатю въ Русскій Вестник». Не вмещая въ стенах» своихъ радости и восторга, казалось, что вековая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основрнія своего, летѣла на встречу государя. Все сердца ликовали; на всехъ лицах» блистало веселіе....” ,

„Размышляя о дивноцгъ полете духа русскаго, часу въ шестом» вечера очутился я на Поклонной Горѣ, где тогда была дубовая роща. Земля какъ будто бы исчезала подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столице Москве; другіе спркойно и съ братскимъ радушіем» передавали друг» другу мысли свои:.. Речи лились рекою и пла-

менѣли рвеніемъ любви. -Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, са- мороднымъ изреченіямъ духа Русскаго.“

„Между тѣмъ донеслась, въ рошу июля, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государственной коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной Горѣ, безъ всякаго постороннего возбужденія и какъ будто-бы смолвьясь душами и мыслию воскликнули: „не уступимъ!“ Мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ.^a Потомъ, оборотись ко мнѣ, сказали: „а вы, ваше благородіе! ведите насъ!“ Я провозгласилъ: „Ура! впередъ!“ И тысячи голосовъ повторили: Ура! впередъ! Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсень; шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула на- роднаго, **Ф. Ф. Кокошкинъ** (въ послѣдствіи директоръ моею театру) возвращался изъ подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: **Сергей Николаевичъ!** Куда идешь?— „Веду къ государю народъ,“ отвѣчалъ я.—1812 года іюля 11-го порывистый духъ народа йдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и ура не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Остановившая всѣхъ процессія, народъ **спрашивалъ:** скоро ли будетъ государь? Наконецъ около 10 часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и **гр. Радоуицкій**. Въ ту же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало (въ полиціи), что народъ по собственному порыву душъ своихъ двинулся на встрѣчу государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ. А потому и про- силь, чтобы на другой день напечатать что-нибудь ободрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною ири- сматривать....“

„Все дремало и въ домахъ и на улицахъ и въ окрестностяхъ Москвы: но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая про- ѣзда Государева, отправили двухъ гонцовъ въ село Перхуш-

ново, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную Гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которой возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу. Иоровнявшись съ причетомъ, государь вынелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съглубокимъ вздохомъ облобызаль крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ Пасхи возгласилъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.“

Государь вѣхалъ въ Москву въ полночь и потому встрѣча его совершилась тихо. За то на другой день, 12 іюля, и въ слѣдующіе дни народному восторженному увлеченію любви и преданности своему государю не было предѣловъ. Одинъ очевидецъ приписалъ къ печатнымъ запискамъ Глинки (М. 1818 г.) слѣдующія строки: „Государь (въ какой-то изъ этихъ дней) верхомъ ѣхалъ на лошади къ Иверской Богоматери, на- родъ цѣловалъ его мундиръ, ноги, даже лошадь. Государь ути- ралъ платкомъ слезы отъ умиленія. Народъ вырвалъ изъ рукъ платокъ, изорвалъ въ клочки, говорилъ, что даръ царя, и цѣ- ловали ихъ.“

Съ пріѣздомъ государя, въ Москвѣ возобновились времена Нижняго Новгорода, времена Минина и Пожарскаго. Какъ тогда, такъ и теперь понеслись жертвы на общее дѣло: дворянство отдало по 100 человекъ съ тысячи вооруженныхъ и съ про- довольствіемъ на три мѣсяца. Купечество, сверхъ общаго оклада по гильдіямъ, тотчасъ опредѣлило особый сборъ по под- пискѣ и тутъ же въ собраніи съ небольшимъ часа въ полтора было собрано полтора милліона. Самъ главнокомандующій Раstopчинъ описываетъ это достопамятное дѣло такимъ образомъ: „Въ другой залѣ, гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Въ началѣ слушали съглубочайшимъ вниманіемъ; потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодиванія. Когда Шиш- ковъ дошелъ до словъ, что „непріятель приближается съ лестью на устахъ исьоружіемъ върукахъ“, произошелъ взрывъ него-

дованія:били себя въ голову, рвали волосы; ломали руки; слезы бѣшенства текли по лицамъ, напомннавшимъ древнихъ геро-евъ. Я видѣлъ человека, который скрежеталъ зубами. Въ шуме нельзя было слышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту русскій челоуѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго. Тутъ опять выступили наружу истинно-русскія свойства. Эти люди сохранили и одежду и характеръ народа; ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ“ *).

„Московскій городской голова, имѣя 100 т. р. капитала, первый подписалъ 50000 рублей. Онъ перекрестился, сказавъ: мнѣ Богъ далъ, я отдаю отечеству **)

*) Здѣсь Раепочинъ, яаиъ русскій европеецъ в баринъ—ирѣпоствѣвъ, сиотрѣвшій все-таія съ высоіа на народную массу, ■ иногда не подозрѣвавшій въ ней .яаинхъ иібо истинно гравдансинѣ двввевій, не ногъ иначе обьвснитъ себѣ этого вооду- оевдевіа, іаіѣ сїѣдующею отмѣтію: «Подобно предвамъ, у явхъ не было другвхъ ираввдъ, другвхъ заюновъ, ироиѣ тѣхъ, которые выражаются въ сѣдующихъ четырехъ ноговорвахъ, сдувашихъ ллє внѣ основою всѣхъ добрыхъ и дурныхъ по- ступювъ: Веднаъ русскій Богъ; Сдувать дарю вѣрой и правдой; Двумъ смертямъ не обцвать; Чему бытъ, того немивовать.>

“) Тогда болѣе значительный пожертвованія пріясель: Градсий Глава Алексѣй Алеисѣвнчъ Куианинъ 50 тысячъ; Кврѣяіоііцъ Гр. Абр. 50 т., Алехсѣевъ Сенень 60 т., Ковевниіовъ Петръ Ив. 40 т., Піщальяиховъ Петръ 40 т., Бородина Ѳедосѣя іупечесваи жена 40 т., Луіутины Семень и Василій по 30 т., Чороювъ Григорій 30 т., Лухмановъ Дмитр. 35 т., Еорзінііиіъ Андр. 25 т., Пантелеевъ Ѳед. 25 т., Жв- вовъИв. 25 т., Аптпінъ Петръ ауаецъ 2 гильдіи 25 т., Савельевъ Андр. 25 т., Ма- ауринъ Алеісѣй 25 т., Карташовъ Аианій 25 т., Ярцевъ Матв. 25 т., Жильцовъ Мнх. 2 гнѣдін 20 т., Горголіи Анвст. нѣввевейі греіѣ 3 гнѣдїи 20 т., Левинъ Егоръ 20 т., Заніннъ Авдр. 20 т., Ливенцевъ Ив. 20 т., Солдатеніовъ Егоръ Вас. 20 т. Овоинншінювъ Ив. 15 т., Броднііовъ Ѳед. 15 т., Ал^всандровъ Аядр. 15 т., Лоб- аовъ - Ив. Проі. 15 т., Козвовъ Луіа 15 т., Дубровннъ Гавр. 15 т., Кошевниіовъ Ѳед. 10 т., Нухинъ Ив. 10 т., Марювъ Грнгор. 10 т., Лепеііиіъ Се*. 10 т., Са- воетннъ Аіеісѣй 10 т., Черіовъ Петръ 10 т., Болеснивовъ Вас. 10 т., Сашгннъ Ніоіі. 10 т., Тятювъ Мнх. я Захаровъ Нихол. 20 т., Насоновъ Ив. 10 т., Лахтннъ Козьма 10 т., Веденсовъ Ив. 10 т., Красильниковъ Ив. 10 т., Рахмаяовъ Авдр. 10 т., Ваенльевъ Евсей а Ѳед. 15 т., Шестовы Виіудъ съ братьями 15 т., а мво- гіе другіе, жертвовавшіе по 5 тысячъ.

Тот же Растопчинъ, говоря о дворянскихъ жертвахъ, отмѣчаетъ, что необыкновенная ихъ щедрость на крѣпостныхъ ратниковъ, вмѣсто 40, какъ было предложено вначалѣ, по 100 человѣкъ съ улсячи, произошла главнымъ образомъ отъ двухъ запѣвалъ, изъ которыхъ одному дать больше ничего не стоило, ибо у него не было никакой собственности въ Московской губерніи, а другой былъ съ здоровыми легкими, былъ подлѣ, глупъ и дурно принять при Дворѣ и предлагалъ Растопчину свой голосъ за честь быть приглашену къ императорскому обѣду, дѣйствовалъ, слѣд., съ цѣлью высунуться впередъ.

„И вотъ какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаютъ и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія!“ прибавляетъ Растопчинъ, указывая, что часто человѣкъ прославляется героемъ за дѣйствіе или слово, въ которыхъ быть можетъ самъ же тотчасъ раскаивается.

Другой свидѣтель событій рассказываетъ, что купцы тотчасъ послѣ своей щедрой подписки подняли цѣны именно на оружіе, которое стали продавать въ шесть и чуть не въ 10 разъ дороже прежняго. Точно также подняли цѣны на всѣ работы мастеровые и даже съѣстные припасы высоко вздорожали; и вообще свидѣтель выставляетъ особенно на видъ, что пожертвованія дворянства были гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ пожертвованія купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ, которые приносили въ жертву однѣ только деньги въ ассигнаціяхъ, въ то время не имѣвшихъ будто-

Июгородные вупцы: Петербургскій Ив. Рашановъ 10 т., Ростовскій Ив. Боршовскій 10 т., Ревельскій Антонъ Гюберъ 15 т. ^ Перевсаавскій Козма Крестовввювъ 40 т.

Изъ сосіови дворниъ: сформировала на свой счетъ цѣые полив: гр. Салтывовъ—гусарскій, гр. Днвтріевъ-Мамоновъ—козацкій, П. Н. Демидовъ—егерскій, вн. Гагаринъ—пѣіотный; пожертвовала: графъ Влад. Гр. Орловъ 100 тысячъ, графини Анна Алексѣев. Орлова 100 т., віазь Нвіюлай Борвс. Юсуповъ 10 т. (а іаразеі на 40 т., авіазья Александръ и Сергій Голицыны 100 т., полковница Ирина Ив. Бекетова 55 т., іреческій дворапінъ Зой Павл. Зосниа 30 т., графъ СергійВ Петр. Руаян-цевъ 15 т., «п. Александръ Никол. Долгоруковъ съ супругою 10 т., полковникъ Ив. Петр. Беветовъ 10 т.; Театръ—чиновниви, актеры, автрисы, музыканты и пр. 10 т.; отъ Троицкой Лавры 70 т. да &у, пудъ серебра въ слиткаі и посудѣ; ноекоскій нѣщавннъ Андрей Яльчинской разной деревяннй посуды 35300 штукъ и т. д.

бы ни какой цѣны. Но очевидно это говоритъ тоже любящій себя дворянинъ, который въ добавокъ былъ очень не расположенъ къ Раstopчину и обвинялъ даже и его въ этой дороговизне всехъ необходимыхъ вещей для ополченія. Раstopчинъ действительно открылъ 21 августа продажу дешеваго, но плохаго оружія въ арсенале, примолвивъ, что „за это все скажутъ ему спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда, но воля ихъ, Богъ ихъ простить.“

Какъ бы ни было, но Москва, не дворянская и чиновная, а народная, сильно подогреваемая воззваніями Раstopчина и Глинки, храбро готовилась встретить и побить Наполеона. Глинка, предводитель народа 11 іюля на Поклонной Горѣ, вслѣдъ за темъ, 19 іюля, получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени за любовь къ Отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями. Вместе съ темъ Раstopчинъ ему объявилъ: „Священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною.“ Особенныя порученія, какъ видно изъ всехъ обстоятельствъ, заключались въ томъ, чтобы направить народную мысль на одно место, на встречу Французовъ, и оберегать народъ отъ всякихъ другихъ помысловъ и возбужденій относительно крепостнаго призрака воли, котораго, какъ мы сказали, городская власть да и все тогдашнее общество опасались едвали не больше, чѣмъ самого Наполеона. Москва была средоточіемъ народнымъ и потому своимъ движеніемъ противъ крепостнаго права могла исполошить всю страну. Такъ по крайней мере разсуждали тогдашніе умные и осторожные люди и во главѣ ихъ главнокомандующій Москры.

Въ своихъ запискахъ Глинка свои особенныя порученія описываетъ скромно и не говоря прямо, ибо прямымъ словомъ объ этомъ вопросе ни тогда, ни после говорить было невозможно. „Немедленно приступилъ я къ темъ особеннымъ порученіямъ, съ которыми нередко и въ Москвѣ и вне стѣнъ ея сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была

для меня послѣднимъ условіемъ.... Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ, успокоивать ихъ уныніе и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ московскихъ сроднило со мною взоры, мысли и сердца московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не прикасался рукою къ сотнямъ тысячамъ, вѣренными мнѣ вмѣстѣ съ свободою развязанныхъ устъ. Однажды только по запискѣ моей препровождены были въ село Крылацкое кушакъ и шапка крестьянину НикиФору, благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ.^a—300 тысячъ такимъ образомъ остались въ честныхъ рукахъ не тронутыми. Народъ и безъ денегъ былъ возбужденъ противъ врага до крайности, а о другомъ чемъ онъ и мыслить не могъ въ виду ужасныхъ строгостей относительно всякихъ слуховъ и толковъ, которые, какіе бы ни были, обзывались безъ различія страшнымъ въ то время словомъ — измѣною. Растопчинъ отъ 26 іюля доносилъ государю. „Въ городѣ до такой степени спокойно, что должно удивляться. Причиною безстрашія суть ненависть къ Наполеону и надежда въ скоромъ времени увидѣть его уничиженнымъ. Государь! Вашъ народъ — образецъ храбрости, терпѣнія, добродушія!“

„Спокойствіе въ городѣ, говоритъ историкъ войны 12 года Михайловскій-Данилевскій, содѣлывало ненужными всякія особенныя мѣры, хотя, впрочемъ были приняты нѣкоторыя предосторожности, на примѣръ, отрѣзали у болынихъ колоколовъ веревки, чтобы нельзя было ударить въ набаті. Послѣдствія показали, что и сія мѣра была лишняя. Въ Москвѣ, какъ и во всей коренной Россіи не нашлось предателей, надъ которыми должно гремѣть проклятію потомства.—„А что бы ни по какому случаю не было набатнаго шуму, въ разсужденіи того московское начальство взяло всѣ предварительный и всѣ нужныя мѣры,“ прибавляетъ въ своемъ запискѣ Глинка.

Извѣстія, распространяемый въ городѣ знаменитыми Растопчинскими афишками, приносили въ сущности обманъ за обманомъ о положеніи военныхъ дѣлъ и не только успокоивали, но постоянно поджигали самохвальные народные инстинкты. Между тѣмъ осторожные люди мало по малу выбирались изъ Москвы. Купцы съ своими товарами двинулись съ половины іюля, т. е. тотчасъ, какъ было объявлено о грозившей опасности указомъ о собраніи Ополченія. Въ ихъ выѣздѣ ничего не было необыкновеннаго, ибо въ эту самую пору они всегда отправлялись къ Макарью на ярмарку. Дворянство тронулось съ августа. Для народа, котораго увѣряли повсюду, что опасности никакой не предвидится, а если и приблизится непріятель, то его легко побьютъ, этотъ дворянскій выѣздъ казался дѣломъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и потому по дорогамъ дворяне встрѣчали большія неприятности, или лучше сказать, какъ замѣчаетъ одинъ очевидецъ дѣла, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, которые называли удалявшихся трусами, иамѣнниками и безстрашно кричали имъ въ слѣдъ: „Куда, бояре, вы бѣжите съ холопами своими? Али невзгодѣе и на ваоъ пришло? И Москва въ опасности вамъ не мила уже?“^а Проѣзвію платили молча непомѣрно дорогія цѣны за все, за кормъ лошадей, за постой. Торговаться и спорить пора уже миновала. Иные даже и совсѣмъ лишались лошадей, экипажей, имущества и возвращались пѣшкомъ въ Москву же. Увѣряя народъ, что Москва не будетъ тронута непріателемъ, что и подступить къ ней ему не дадутъ, самъ Растопчинъ однако не совсѣмъ такъ понималъ дѣло и описывая государю, послѣ взятія непріателемъ Смоленска, готовность москвичей стать поголовно на защиту своей Матушки, прибавлялъ: „Я цзялъ свои мѣры, чтобы ничего здѣсь не осталось, если непріятель дойдетъ до Москвы, но начну укладывать, когда непріятель будетъ около Вязьмы.“^н А на другой день 14 августа онъ писалъ: „Жители требуютъ оружія и оно готово, но я имъ вручу его накануне дня, который долженъ будетъ рѣшитель участь Москвы. Если Провидѣніе определило Нано-

леону въ нее войти, то онъ не найдетъ ничего для удовлетворенія своего корыстолюбія. Деньги будутъ вывезены; вещи зарыты. Армія и Москва соединятся воедино для спасенія Россіи...“

Извѣстіе о Бородинскомъ дѣлѣ было передано народу, въ такомъ смыслѣ, что москвичи по всѣмъ концамъ воскликнули: „Побѣда! Побѣда!“ и потянули къ Иверской служить благодарственные молебны. Но скоро обнаружилась печальная истина. „До 26-го числа, я употребилъ всѣ средства къ успокоенію жителей и ободренію общего духа, доносилъ Растопчинъ государю, но поспѣшное отступление арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнялись улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа оставшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь же опустѣлою, какъ Смоленскъ,“ который, прибавимъ, былъ сожженъ.

До послѣдней минуты Москва ничего не знала, что съ нею будетъ. Растопчинъ энергически подготавливалъ народъ къ сраженію. Всѣ толковали тогда о Поклонной Горѣ, какъ самомъ выгодномъ мѣстѣ дать отпоръ непріятелю. Носилась молва, что явится туда среди толпы и преосвящ. старецъ, митрополнтъ Платонъ. Почти наканунѣ входа непріятеля въ городъ, именно 30 августа, Растопчинъ извѣщалъ жителей, что Свѣтлѣйшій князь Кутузовъ сказываетъ, что „Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, прибавлялъ онъ, что Присутственныя Мѣста закрыли, дѣла прибрать надобно, а мы своимъ с у д о м ъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чево дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всево лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжело снопа арженаго“. По разсказу очевидца, это-то объявленіе, вмѣсто утѣшенія и тишины, и произвело въ народѣ ужасное волненіе. Охрабръившись, народъ сталъ разбивать кабаки, разграбилъ Питейную Конто

ру; по улицамъ кричали: „давай неприятеля, где неприятель?“ Несметная толпа, по большей части пьяныхъ, собралась по старинѣ у Лобнаго места. Тамъ разсуждали и объявляли всѣмъ, что „гр. Раstopчинъ сзываетъ уже сыновъ Отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ для отраженія врага отъ Москвы; и что завтрашній день съ восходомъ солнца туда должно собираться, кто съ чѣмъ можетъ.“ Действительно въ народе ходило уже новое воззваніе градоначальника. „Братцы! писалъ онъ. Сила наша многочисленна и готова положить животь, защищая Отечество, и не впускитъ злодея въ Москву. Но должно пособить, и намъ свое дело сделать. Трехъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать. Она насъ поила, кормила и обогатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, Земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дни хлеба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ-Горахъ; я буду съ вами: вместе истребимъ злодея. Слава въ вышнихъ, кто не останется; вечная память, кто мертвой ляжетъ; горе на Страшномъ Суде, кто отговариваться станете.

Попрежнему стоялъ въ народе слухъ, что самъ митрополитъ явится на Три-Горы, или на Поклонную Гору, благословитъ Русское воинство къ решительному бою. Помня свок исторію, народъ иначе и мыслить не могъ. Старецъ Платонъ, утружденный летами (75 летъ) и болезнями, еще въ день Бородинской битвы прибылъ въ Москву изъ Виѳаніи, где жилъ на покое. Онъ действительно бодрствовалъ духомъ и намѣренъ былъ остаться въ Москве, когда все отъ нея бежали Викарный преосвященный Августинъ и все близкіе умоляли старца возвратиться въ Виѳанію, указывая, что враги уже близко и что быть можетъ Москва будетъ оставлена имъ въ жертву. Старецъ твердилъ одно: „Что же сделаютъ мне враги?“¹

На другой день 31 августа народъ потянулъ на сборное место, на Три Горы, защищать Москву. „Боже мой! свидѣтельствуете очевидецъ. Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взи

ралья на православный Русский народ, но их соотечественников, которые стремились с оружием в руках, дорого от корыстолюбивых торговцев купленным; шли с пиками, вилами* топорами и с духом истинного патриотизма в одних голосах кричали: „Да здравствует батюшка наш Александр!“ Малейшая поддержка этого патриотического взрыва и Бог знает, взорвет ли бы неприятель в Москву?^

„Народ в числе нескольких десятков тысяч, так что трудно было, как говорится, яблоку упасть, на протяжении 4 или 5 квадратных верст, с утра до вечера не расходился в ожидании предводителя, графа Растиопчина... Но полководец не явился и все с горестным унынием разошлось по домам“. В тот же вечер и старец-Платон удалился в Виоанію. Все это было политической обман и шумиха. В оправдание Растиопчина надо сказать, что он и сам до последней минуты ничего не знал, что станется с Москвою, а он был ее главнокомандующий! „Я сообщал московским жителям все, что получал от главнокомандующего армии, пишет он в своей оправдательной записке. (Р. В. 1813. II, 71.) Я даже не был приглашен 1 числа сентября на военный совет, где было решено оставить Москву; о чем узнал уже в 11 часов вечера через письмо Светлейшего князя Кутузова, требовавшего у меня проводников через город на Рязанскую дорогу.¹¹

В день 1-го сентября рано утром москвичи увидели, что на Поклонной Горке копошится наше войско и сооружают укрепления, что по всей окрестности двигаются полки. Вечером вся местность освещалась бивачными огнями. Их зарево освещало половину неба, так что и в городе пахло было светом. Для всех было очевидно, что готовится под Москвой битва.

* Народ никаким образом не мог представить себе возможности, чтобы Москва была оставлена и отдана неприятелю без боя. Но то же думали и в армии. Кутузов, отступая после Бородинского дела к Москве, был убежден, что под стенами столицы должно произойти сражение решительное

для успѣховъ всей кампаніи, а слѣд. и для участи государства. О томъ же размышлялъ и самъ Наполеонъ и, готовясь къ новой битвѣ, сосредоточивалъ свои войска на столбовой доро- гѣ въ Москву. 31 августа наша армія ночевала въ Мамоновѣ, въ 20 верстахъ отъ города. Здѣсь отданъ былъ приказъ, начи- навшійся словами: „Не безъизвѣстно каждому изъ начальни- ковъ, что армія Россійская должна имѣть рѣшительное сраже- ніе подъ стѣнами Москвы¹¹. Еще наканунѣ генераль Бенѣиг- сенъ былъ посланъ пріискать у самой Москвы выгодное мѣсто для баталіи. Позиція была избрана и 1 сентября рано утромъ армія выступила изъ Мамонова къ Москвѣ, располагаясь постепенно по назначеннымъ мѣстамъ, вокругъ Поклонной Го- ры. Правое крыло этой позиціи примыкало къ изгибу Москвы- рѣки впереди деревни Филей/центръ находился между Волын- скимъ и Троицкимъ- Голенищевымъ, а лѣвое крыло стояло на Воробьевыхъ горахъ. Арріергардъ оставался у деревни Сѣту- ни. Кутузовъ выѣхалъ впередъ войска, дабы осмотрѣть какъ слѣдуетъ избранную позицію. На Поклонной Горѣ онъ и остановился. Ему поставлена была скамейка и скоро около него собрались генералы. Прибыль въ это время встрѣтитъ армію и градоначальникъ Москвы Растопчинъ. Всѣ долго разсужда- ли о томъ, какъ быть. Мѣсто гористое, изрытое оврагами и рѣчками совсѣмъ было не пригодно для битвы и если объ немъ долго размышляли, такъ это потому, что Въ виду, во всей кра- сотѣ, представлялась Москва, которую оставить безъ боя для всѣхъ казалось невозможнымъ. Неудобства позиціи придумали исправить полевыми укрѣпленіями и съ этоюцѣлью сооружали уже редуты на Поклонной Горѣ, остатки которыхъ по мѣстамъ и теперь видны. Дѣло было очень затруднительно всего болѣе въ нравственномъ, въ патріотическомъ отношеніи, такъ какъ военныя соображенія не представляли и малѣйшей возможности оставаться на этомъ мѣстѣ. Помнѣнію Барклая-де- Толли, въ случаѣ пораженія, здѣсь вся армія была бы уничтожена до послѣдняго человѣка. Онъ говорилъ Растопчину: „Если сдѣлають глупость и будутъ сражаться на этомъ мѣстѣ, единственное, чего а желаю — это, чтобъ меня убили“. Кутузовъ,

все время ничего рѣшительнаго не высказывал., и выслушавъ Ермолова, съ особеннымъ жаромъ доказывавшего, что сраженія здѣсдавать не возможно, взялъ его за руку и, пощупавъ пульсъ, спросилъ: Здоровъ ли ты, голубчикъ? Но Растопчияу онъ повторялъ, что Москвы такъ не отдастъ, что и въ улицахъ ібудеть драться. Между тѣмъ по дорогѣ отъ Мамонова понеслись облака пыли, иаъ-за которой мѣстами показывались идущія войска, артиллерія, обозы. Бъ раздумьи, опершись на задокъ своихъ дрожекъ, Кутузовъ долго смотрѣлъ на проходившія мимо его войска и потомъ въ часъ по полудни уѣхалъ съ Поклонной Горы въ деревню Фили, гдѣ была назначена главная квартира.

Рѣшивши въ мысляхъ, какъ поступить, онъ однако не объявилъ никакого рѣшенія генерламъ, сказавъ только на ухо принцу Евгенію Виртенбергскому: „Въ этомъ случаѣ мнѣ приходится положиться только на самого себя, каковъ бы я не былъ, умень или простъ (глупъ).“^a Вслѣдъ за тѣмъ гряфъ Ра- стопчипъ, подойдя къ принцу, сказалъ съ жаромъ: „Еслибъ у меня спросили, что дѣлать, я отвѣтилъ бы: разрушьте столицу прежде чѣмъ уступите ее непріятелю. Таково мое мнѣніе, какъ гра«а Растопчина; но, какъ губернаторъ, обязанный заботиться о благѣ столицы, не могу подать такого совѣта“.¹

До вечера не было никому известно на что рѣшится Фельд-маршала Часу въ пятомъ онъ позвалъ къ себѣ, въ избу на со- вѣтъ гевераловъ. Ждали долго Беннигсена, который пріѣхавъ, какъ старшій послѣ Кутузова поставилъ вопросъ: выгоднѣ ли сражаться предъ Москвою или оставить ее непріятелю? Кутузовъ прервалъ его, замѣтивъ, что вопросъпоставленъ не сообразно, ибо прежде всего необходимо раскрыть всѣ обстоятельства; и затѣмъ самъ обьвснилъ подробно невыгоды позиціи, и заключилъ, что все дѣло въ сохраненіи арміи, съ которой только и возможно и противиться непріятелю и довершить счастливо войну, что если армія будетъ потеряна, то потеряны и Москва и Россія. Онъ поставилъ Совѣту вопросъ слѣдующимъ образомъ: „ожидать ли нападенія въ невыгодной позиціи или уступить непріятелю Москву?“¹⁴ Мнѣнія разделились. Бенни^

сень доказывалъ вообще, что стыдно оставить столицу безъ выстрела, что слѣдуетъ по всѣмъ соображеніямъ, двинуться наступательно на центръ Цаполеоновыхъ войскъ и т. д. Барклай отвѣчалъ, что объ этомъ слѣдовало думать раньше, покрайней мѣрѣ поутру, когда еще можно было и армію такъ расположить, и предлагалъ отступить за Москву къ Владиміру и Нижнему. Съ Беннигсеномъ соглашались: Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ. Съ Барклаемъ стояли Остерманъ и Толь. Остерманъ повторилъ мысль Кутузова: что Москва не составляетъ Россіи, что главное не столицу защитить, а спасти отечество, слѣд. необходимо сберечь отъ напрасной гибели войско. Прибывшій Раевскій тоже поддержалъ это мнѣніе, прибавивъ, что: „Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она“.

Выслушавъ генераловъ, Фельдмаршалъ произнесъ свое рѣшеніе: „Съ потерю Москвы не потеряна Россія, сказалъ онъ. Первою обязанностію поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ въ подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, ответственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою для блага Отечества⁴¹. Онъ всталъ со стула и рѣшилъ: „Приказываю отступить^ Была уже ночь, когда военный совѣтъ окончилъ свои разсужденія. Двери достопамятной, но теперь уже не существующей избы *) отворились и генералы одинъ за другимъ стали выходить на улицу. Мало по малу рѣшеніе Кутузова разгласилось. Скорбь, уныніе овладѣло всѣми. Съ именемъ Москвы связаны были попятія „о славѣ, достоинствѣ*, даже самобытности Отечества¹¹. Уступить безъ боя Москву, значило показать полное безсиліе; это значило, позорно побежать отъ врага, отдавая ему на руки родную Землю, какъ беззащитнаго ребенка. По мнѣнію „бблыией части высшихъ начальниковъ, говоритъ принцъ Бвгеній Виртембергскій, дальнѣйшее отступление казалось не сообразнымъ съ правилами самой чести: они полагали, что Москва долженствовала

*) Оіа стояла одіною на мѣстѣ прежней деревні Филей и сгорѣла ві 1869 году.

быть для русскаго воина тѣмъ, чѣмъ могила для каждаго смертиаго. За ними былъ уже другой мѣръ.“ Во всякомъ случай одна уже безвѣстность, что будетъ дальше, была достаточна для того, чтобы привести всѣхъ въ уныніе. „Солдаты были мрачны, офицеры унылы^а, пишетъ Раstopчинъ. Говорятъ, самъ Кутузовъ всю ночь сокрушался не меньше другихъ и нѣсколько разъ плакалъ. Всѣ чувствовали невыразимое горе, что приходится уступать врагу, идти отъ него безъ битвы, но всѣ забывали, что желанная битва у стѣнъ Москвы уже совершилась еще 26 августа подъ Бородинымъ. Французы прямо и называли ту битву Московскою, подъ стѣнами Москвы. Наименованію въ наше время Дорогомилловскаго моста Бородинскимъ выразило эту истину вполне.

Только послѣ военнаго совѣта, въ 9 часовъ, а по свидѣтельству Раstopчина въ 11 часовъ вечера Кутузовъ увѣдомилъ его, что съ горестію оставляетъ Москву безъ боя, что армія пройдетъ черезъ городъ на Рязанскую дорогу и потому просиль проводниковъ изъ полицейскихъ офицеровъ. Тогда градоначальникъ объявилъ всѣмъ воинскимъ и полицейскимъ командамъ и вѣдомствамъ, чтобы выступали изъ Москвы. Пожарная команда съ трубами отправлена на Владиміръ. Посланы были чиновники разбивать бочки съ виномъ на Винномъ Дворѣ и жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки со всякимъ добромъ, который не успѣли отойти изъ Москвы. „Спасайтесь! спасайтесь!“^а повторялось на улицахъ Москвы еще накануне,

31 августа, а теперь эта мысль овладѣла всѣми. Преосвященный Августинъ между тѣмъ ожидалъ весь вечеръ увѣдомленія отъ Раstopчина, въ какое время назначить идти крестнымъ ходомъ на Три-Горы и получилъ извѣстіе, что Кутузовъ оставляетъ Москву. Тогда преосвященный, посреди темной осенней ночи, поднялъ изъ собора Владимірскую икону Богоматери, а изъ часовни Воскресенской Иверскую икону и съ этою святынею выѣхалъ изъ города на Владиміръ. На улицахъ въ это время такой былъ шумъ отъ выѣзжавшихъ экипажей, что слова нельзя было разслышать. Тѣснота была невообразимая, повсюду одинъ другаго старался опередить.

Л вокругъ по небу стояло зарево отъ пылавшихъ по мѣстамъ сель и деревень, отъ воинскихъ огней вокругъ Поклонной Горы.

Говорятъ, что еще утромъ въ тотъ день, послѣ торжественной литургіи, преосв. Августинъ намѣревался всю соборную святыню, св. мощи и чуд. иконы, и всѣ драгоцѣнности отправить въ Вологду; но градоначальникъ не разрѣшилъ ему этого, изъ опасенія поселить уныніе въ народѣ.

По дорогѣ народъ встрѣчалъ архипастыря укоризнами, что не истинный онъ пастырь — оставляетъ свое стадо, Москву, что такъ поступаютъ только наемники. И здѣсь, помня свою старую историческую жизнь, народъ иначе мыслить не могъ.

„А народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ тотъ же вечеръ, 1-го сентября, описать нельзя“, говоритъ очевидецъ. По улицамъ начиналась вольная попойка. Возбужденная толпа намѣревалась встрѣтить непріятеля именно вилами, какъ на- учаль ее въ теченіи всего времени самъ градоначальникъ. 2 сентября, въ понедѣльникъ, раноутромъ она собралась у его дома на Лубянкѣ и, по его же обѣщанію, потребовала похода на Три-Горы, чтобъ шель онъ предводительствовать и отражать непріятеля отъ Москвы. ГраФъ вышелъ къ народу и громогласно возвѣстилъ: „Подождите братцы! Мнѣ надобно еще управится съ измѣнникомъ! Вотъ измѣнникъ! вскричалъ онъ. Отъ него погибаетъ Москва!^a—Здѣсь онъ выставилъ народу несчастнаго Верещагина (2 гильдіи купеческій сынъ 23 лѣтъ), вся вина котораго заключалась лишь въ томъ, что онъ перевелъ изъ гамбургской газеты на русскій языкъ письмо Наполеона къ Прусскому королю и рѣчь его, произнесенную къ князьямъ Рейнскаго союза, конечно, враждебная для Рос- сіи, которая скоро распространились въ спискахъ по городу. Растопчинъ въ 14 часовъ времени отыскалъ виновнаго и въ официальномъ объявленіи отъ 3 іюля придалъ этому дѣлу характеръ государственнаго преступленія, беззастѣнчиво назвавши Верещагина сочинителемъ дерзкой бумаги, въ которой Наполеонъ называлъ Русскихъ потомками Чингизь-Ха- на, говорилъ, что желаетъ возстановить Польшу и грозилъ,

что поразить древних Тирановъ Европы и прежде шести мѣсяцевъ будетъ въ обоихъ Россійскихъ столицахъ. Бумага была очень ужасна по той причинѣ, что ея Французское самохвальство на этотъ разъ встрѣтилось лицомъ къ лицу съ самохвальствомъ Русскимъ, ибо градоначальникъ только наканунѣ 1 іюля выдалъ въ народъ первую свою афишу, гдѣ съ прибаутками отъ лица выпившего мѣшанина хвасталъ, что Наполеону: „нетокмо што Ивана Великаго, да и Поклонной Горы и во снѣ не увидать!“ Такимъ образомъ вопросъ о Верещагинѣ заключалъ въ себѣ тотъ смыслъ, что „нраву моему не препятствуй.“ Сенатъ, разсматривавшій дѣло, отмѣтилъ въ доодемъ опредѣленіи, что молодой человекъ „поступилъ изъ одной вѣтренности.“

Бѣдный Верещагину на возгласъ градоначальника, успѣлъ только громко же сказать: грѣхъ, вашему сіятельству, будетъ! Ординарецъ графа тотчасъ „ударилъ его саблею въ лицо; несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ.“ «

Тогда будтобы приведенъ былъ другой преступникъ, родомъ Французу взятый за то, что осуждалъ въ чемъ-то русскихъ. Графъ пригрозилъ ему осторожнѣе говорить о націи, гостепріимно его принявшей, и когда тотъ сталъ оправдываться, велѣлъ ему замолчать и прибавилъ: „Ступай, я прощаю тебя; но прошу, когда придуть сюда разбойники, твои земляки, расскажи имъ, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ.“ Говорятъ, что послѣ того, воспользовавшись смятеніемъ народа съ Верещагинимъ, градоначальникъ, въ заднія ворота своего дома выѣхалъ совсѣмъ изъ Москвы.

Въ ночь на 2 сентября наши обозы и артиллерія отъ Поклонной Горы двинулись въ Дорогомиловскую заставу; за ними передъ разсвѣтомъ послѣдовали войска. „Идемъ въ обходъ!“ отвѣчали солдаты на вопросы любопытныхъ, куда они передвигаются, и тѣмъ какъ-бы предрѣшали уже знаменитое Фланговое движеніе Фельдмаршала. По русскому простому смыслу отвѣтъ былъ такъ сообразенъ, что ничего другаго и сказать было невозможно. Нѣтъ сомнѣнія, что эта солдатская

мысль въ дѣйствительности утвердила намѣреніе полководца обойти непріятели съ тылу. Самъ Кутузовъ у заставы увѣ- рялъ народъ и головою ручался, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ.

Съ войскомъ и за войскомъ тронулись и всѣ москвичи, которые не желали оставаться въ городѣ. Всѣ спасались* кто куда и какъ могъ.

Отступленіе защищаль славный Милорадовичъ. Ему «ельд- маршалъ приказывалъ употребить всѣ мѣры, чтобы задержать непріятели до тѣхъ поръ, какъ наши войска выйдутъ изъ города, и предлагалъ даже, въ случаѣ нужды, почтить древнія стѣны Москвы видомъ сраженія. Утромъ 2 сент. Милорадовичъ былъ въ 10 верстахъ отъ города, у деревни Сътуни. При движеніи Французовъ онъ отступалъ медленно и въ полдень пришелъ на Поклонную Гору. Непріятель потянулся ему въ обходъ, желая отрѣзать его отъ столицы. Между тѣмъ донесено было, что на Дорогомилловскомъ мосту и въ улицахъ ар- тиллерія и обозы сперлись и стоятъ недвижимо. Милорадовичъ послалъ къ Мюрату письмо о принятіи по обычаю войны подъ покровительство раненыхъ и велѣлъ сказать на сло- вахъ, что если Французы хотятъ занять Москву невредимою, то должны дать нашимъ войскамъ возможность спокойно выйд- ти изъ города со всею артиллеріею и обозами, а иначе онъ будетъ сражаться передъ Москвою и въ улицахъ до послѣд- няго человѣка, и вмѣсто Москвы оставить однѣ развалины. Французы вовсе не ожидали такого сюрприза, что столица отдается имъ безъ боя, и очень желали найдти Москву въ по- рядкѣ, желали отдохнуть въ ней отъ долгихъ и изнуритель- ныхъ походовъ и попить на просторѣ, какъ слѣдуетъ. „Желая сохранить Москву, отвѣчалъ Мюратъ, соглашаюсь на предложеніе и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, но съ тѣмъ, чтобы городъ былъ занятъ нами сегодня же.“ Онъ про- силъ успокоить жителей, что имъ не сдѣлаютъ никакого вреда, не возмутъ никакой контрибуціи и всячески будутъ заботиться объ ихъ безопасности. Когда возвратился посланный, то Милорадовичъ, пройдя городъ, былъ уже на Яузѣ.

Наполеонъ шель слѣдомъ. Въ 10 часовъ утра овъ остановился въ одной изъ барскихъ подмосковныхъ, въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ право отъ большой дороги, быть можетъ въ Сколковѣ, или въ Троекурове, или же въ Сиасскомъ- Манухинѣ. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ Мюратомъ и вмѣстѣ съ нимъ повернулъ на церковный дворъ: тамъ они оба расхаживали и разговаривали больше часа, послѣ чего Мюратъ отправился впередъ, а Наполеонъ, на-скоро пообѣдавши, по- слѣдовалъ за нимъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, тихо, соблюдая все- возможные предосторожности. Бывшіе на пути лѣса и овраги приказывалъ осматривать и самъ съ возвышеній дѣлалъ обзоръ. Наполеону оставалось подняться на Поклонную Гору... Было два часа по полудни. Передовые всадники въѣхали на нее; раздались восклицанія: Москва! Москва! Въѣхавъ на Гору и увидя Москву, самъ Наполеонъ радостно воскликнулъ: „На- конецъ—вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ!... Да и порауже!“ прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія. Онъ слѣзъ съ лошади, долго разсматривалъ въ зрительную трубу столицу и ея окрестности, справляясь съ подробнымъ планомъ Москвы, который тутъ же былъ разосланъ по землѣ. Прослѣдивъ во всѣхъ пунктахъ расположеніе своихъ войскъ, онъ приказалъ сдать сигнальный выстрѣлъ, по которому авангарды всѣхъ корпусовъ должны были тронуться. Раздался гулъ орудій. Мюратъ пошелъ въ Дорогомиловской заставѣ, другіе генералы къ Калужской, къ Прѣсенской и Тверской. За авангардами двинулись корпуса.

Непріятель вошелъ въ столицу по пятамъ нашей арміи, такъ что его передовые въ иныхъ мѣстахъ слѣдовали вмѣстѣ съ казацкими полками, охранявшими отступление. Въ однѣ заставы къ востоку выходили русскіе, въ другіе отъ запада входили Французы. Это было въ самый часъ вечерень, когда на Ивановской колокольнѣ по обычному порядку заблаговѣ- стили было къ службѣ. Рассказываютъ, что входъ непріятеля въ городъ былъ заявленъ нѣсколькими пушечными холостыми выстрѣлами въ улицахъ Москвы, по Арбатской и въ другихъ мѣстахъ. Звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ. Въ 47г

часа въ Кремль Троицкими воротами первые взошли польскіе уланы и тутъ же начали рубить стоявшихъ у арсенала съ оружіемъ въ рукахъ запоздалыхъ нашихъ защитниковъ Отечества, только что вооружившихся противъ врага. За- темъ вошла Французская кавалерія, ввезена пушка и сдѣ- ланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ холостымъ заря- домъ, что вероятно было общимъ сигналомъ, что Кремль занятъ.

Самъ' Наполеонъ остановился у Дорогомиловской заставы, на лево отъ дороги, у камеръ-коллежскаго вала. Въ это время Кутузовъ на привале сидѣлъ на скамейке за Коломенскою заставою, близъ старообрядческаго кладбища. Наполеонъ, сойдя съ коня, въ спокойномъ расположеніи духа сталъ расхаживать взадъ и впередъ, ожидая изъ Мо.сквц. депутатовъ и городскихъ ключей, какъ водилось при взятіи городовъ. На траве передъ нимъ лежалъ тотъ же большой планъ Москвы. Ожиданіе было напрасно; но нетерпѣніе его увеличивалось, шаги становились быстрее и быстрее. Онъ неоднократно по- сылалъ узнавать, что дѣлается въ Москве и почему не являются московскія власти. Получивъ извѣстіе, что Москва оставлена жителями, онъ не хотѣлъ этому верить и приказалъ государственному секретарю Дарю ехать въ столицу за депу- татіей, сказавши: „Ступайте туда и приведите ко мне бояръ.“ Но бояре не являлись. Онъ волновался. „Шаги его становились неровны; онъ оглядывался въ разныя стороны, снималъ перчатки и опять ихъ надевалъ; вынималъ изъ кармана пла- токъ, мялъ его, и ошибкою клалъ въ другой карманъ.“ Недо- умѣніе героя распространилось и на окружавшихъ его, темъ более, что еще съ утра сделаны были распоряженія именно къ торжественному побѣдоносному вступленію въ Москву. Привели наконецъ нѣсколько собранныхъ по улицамъ ино- странцевъ, которые рассказали, что городъ пустъ, въ немъ никого нѣтъ. Такая вовсе неожиданная развязка очень смутила и героя и всю его армію. Онъ сѣлъ на лошадь, скомандо- валъ: впередъ и впереди кавалеріи въѣхалъ въ Москву. Однако дальше Дорогомиловскаго моста не поехалъ. На берегу,

съ права отъ улицы, онъ слѣзт! съ коня, и остался ночевать въ ДорогомилСвой ямской слободѣ въ обывательскомъ домѣ. По всей слободѣ разставлены были караулы съ пушками; русскихих жителей въ ней оставалось только четыре дворника. Между тѣмъ въ Замоскворѣчьи въ четырехъ мѣстахъ показался дымъ и занялся пожаръ.

На другой день, 3 сентября, утромъ, Наполеонъ все-таки съ нѣкоторою церемоніею въѣхалъ въ городъ. Онъ сидѣлъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія. Впереди слѣдовали два эскадрона конной гвардіи. Свита его была многочисленна. Играла музыка. Но на лицѣ героя изображалось сильное негодованіе. Оно возрастало при видѣ со всѣхъ сторонъ поднимавшихся пожаровъ. Въ Кремлѣ, вступя во дворецъ и взглянувъ на обширный и красивый видъ Замоскворѣчья, онъ еще лучше могъ видѣть поднимавшіяся со всѣхъ сторонъ облака дыма и пламени. Къ вечеру пожаръ усилился, а въ полночь самый Кремль находился въ опасности. Въ эту страшную ночь не послалось герою-завоевателю. Онъ ипогда'просыпался, выходилъ на балконъ смотрѣть на невиданное имъ зрѣлище и восклицалъ: „Москва погибла! Русскіе сами зажигаютъ!... Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это Скиѣы!—Вся армія раздѣляла изумленіе своего вождя.*

Свита стала ему совѣтовать выѣхать изъ Кремля куда либо за городъ. Онъ было не соглашался, но убѣдившись въ опасности, что можно и самому сгорѣть въ Кремлѣ, рѣшился выѣхать въ Петровскій Дворецъ. 4 сентября въ два часа по полудни онъ отправился; но прямою дорогою по Тверской ѣхать уже было невозможно. Онъ принужденъ былъ воротиться и проѣхалъ снова Дорогомиловою слободою, вверхъ по рѣкѣ, къ пловучему мосту, вѣроятно подъ Шелепихою, откуда мимо Ваганькова кладбища и пробрался уже къ шести часамъ вечера въ новое свое жилище. Тамъ онъ жилъ до 6-го, а по другимъ до 8 сентября, когда общій пожаръ сталъ

утихать.

При разсужденіи о томъ, кто зажегъ Москву, должно прежде всего остановиться па простомъ, но очень важномъ обстоятельстве: кто первый подложилъ огонь, кто заготовилъ поджигательныя средства? Въ этомъ случаѣ явно передовымъ лицомъ выставляется самъ градоначальникъ—Растопчинъ. Пожаръ Москвы таился уже цѣлые два мѣсяца въ томъ патриотическомъ напряженіи народа, которое постоянно поддерживалось и возжигалось его же афишами и воззваніями, и которое, какъ скопленію горючихъ нравственныхъ веществъ, по необходимости должно было ознаменовать себя тѣмъ или другимъ выходомъ или взрывомъ. Дело Верещагина обнаружило, что съ толпою шутить и балясничать не совсѣмъ безопасно. Москвичи со словъ же градоначальника были убеждены, что непріятель къ нимъ придти не посмѣетъ, а если и придетъ, такъ они его отбросятъ вилами, какъ соломенный снопы. А отбросить нельзя, такъ что же дѣлать, какъ не жечь все кру-гомъ, чтобъ не где было врагу и головы приклонить. Вотъ здѣсь, въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве*, передовымъ лицомъ не явно, а очень скрытно является нашъ историческій складъ народнаго ума и воли, который въ теченіи вѣковъ и во всѣхъ случаяхъ одинаково работалъ, когда приходилось бороться съ какимъ бы то ни было врагомъ. Пожаръ въ нашей исторіи, и государственной, и общественной, самый бѣдовый герой. Искони въ нашихъ народныхъ понятіяхъ огонь былъ товарищемъ меча и какъ скоро ослабѣвалъ мечъ, тотчасъ принимался за свое дѣло огонь. Въ добавокъ онъ всегда служилъ выраженіемъ чувства мести. Стародавній историческій русскій обычай на томъ и стоялъ, чтобы нашествіе врага встрѣчать огнемъ, сожигая свои-же дома и тѣмъ досаждая врагу пуще меча. Известно также, что старина почитала за правило, въ случаѣ нашествія непріятелей и осады, сожигать городскую окрестность до-чиста. И въ это время бродила въ народъ мысль, или носился слухъ, еще въ ожиданіи приближенія французовъ къ Москвѣ, что Смоленскій рынокъ съ окрестностью, по всей Дорогомиловской горѣ, будетъ выжженъ для постройки батарей. Такимъ образомъ жечь свои дома и целые

города, въ глазахъ непріятеля, іГогда уже противиться ему нельзя, есть простой всенародный исконивѣчный русскій обычай, русскій способъ войны, вовсе не разсуждающій о томъ, что это какое либо геройство, а почитающій это простымъ естественнымъ дѣломъ защиты. Пожаромъ Москвы лучше всего и оправдалась эта древняя истина русской войны. Въ этомъ пожарѣ Наполеонъ обезсилѣлъ и потому очень сердился, что русскіе воюють по-скиѣски. Въ действительности, по запад- нымъ понятіямъ, это было чистое скиѣство, которое въ полной мѣрѣ обрисовывало извѣстный походъ персидскаго Дарія на нашихъ же Скиѣовъ. ДревнѣйшПі Наполеонъ, этотъ Дарій, точно также едва цѣль ушель изъ опустошенной СкиѣскЪй пустыни. Кто отчаянно себя защищаетъ, тому вѣжливо раскланываться и любезничать уже невозможно и, онъ естественно становится скиѣомъ.

Мысль о необходимости, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, ежечь Москву ходила по городу именно въ той толпѣ, съ которою такъ долго разговаривалъ всегда самъ градоначальникъ. „Лучше ее сжечь“, говорили тогдашніе политики средняго и простаго сословія, когда имъ представлялась возможность, что непріятель ворвется въ городъ. Когда въ первый же день Фран- цузскіе генералы и офицеры бросились въ Каретный Рядъ за выборомъ себѣ хорошихъ экипажей и отмѣтили на нихъ свои имена, кто что беретъ, то купцы-каретники, по общему со- гласію, не долго думая, тотчасъ же запалили всѣ свои лавки. А въ деревняхъ, когда войска отступали и уходили дальше, крестьяне всегда спрашивали: „Не пора ли зажигать избы?“ Вотъ почему и Растопчинъ такъ самонадѣянно писалъ потомъ двукратно къ государю, что еслибы Кутузовъ сказалъ ему за два дня прежде о своемъ намѣреніи оставить Москву, то онъ зажегъ бы городъ. Онъ даже очень сожалѣлъ, что ему не- удалось исполнить этбго подвига. Но, говоря такъ, онъ оче* видно не предавался одному тщеславію, по и вполне надѣял- ся на толпу и не сомнѣвался въ ея образѣ мыслей. Еще 12 августа онъ между прочимъ писалъ къ Багратіону: „Если вы отступите къ Вязьмѣ, я примусь за отправленіе всѣхъ^ го*

сударственныхъ вещей.... Народъ здѣшній, по вѣрности къ царю своему и любви къ родинѣ, рѣшилъ умереть у стѣнъ московскихъ, и если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу, не доставайся злодѣю, онъ обратитъ городъ въ пепель и, вмѣсто богатой добычи, Наволеонъ найдетъ одно пепелище древней русской столицы. ...¹¹

Въ другомъ письме отъ 21 августа онъ говоритъ Багратіо- ну: „Я полагаю, что вы будете драться прежде нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете къ Москвѣ, я выйду къ вамъ на подпору Л 100000 вооруженныхъ жителей; а если и тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы, одинъ пепель достанется....^a Поэтому плану онъ вѣлъ дѣло до последней минуты и былъ въ отчаяніи, что Кутузовъ утаилъ отъ него свое рѣшеніе.

Англичанинъ Вильсонъ, военный агентъ, рассказываетъ, что когда они, и въ томъ числѣ Растопчинъ, стояли на бивакахъ въ его же подмосковной, въ селѣ Вороновѣ, то градоначальникъ всю ночь очень горько жаловался на Кутузова, „за то, что онъ оставилъ Москву, не давъ ему условленнаго преду- вѣдомленія, такъ что и власти и жители столицы лишились возможности явить болѣе чѣмъ римскую—русскую доблесть правильнымъ и народнымъ сожженіемъ столицы, прежде, чѣмъ она была бы осквернена присутствіемъ хищника; и объявлялъ, что никогда не проститъ Фельдмаршалу его об- мана.[№] Въ ту же ночь онъ собственными руками и вмѣстѣ съ Вильсономъ сжегъ въ Воронове свой прекрасный домъ.

Но если не удалось зажечь Москву вовремя и систематически, чтобы, какъ русскому барину, удалому человѣку, отчасти и похвастать передъ Наполеономъ, то все-таки задуманный планъ сталъ исполняться самъ собою съ приказаніями и безъ приказаній, ибо онъ распространѣнъ былъ въ мысляхъ патріотически-возбужденной толпы, особенно между темн, кому потери не были очень чувствительны или вовсе терять было нечего, когда жжешь чужіе дома. После неудавшейся трех^орной экспедиціи, народъ, какъ говорено, тронулъ ка-

баки и началась вольная попойка. Храбрости прибавилось еще больше и когда узнали, что дѣло кончено, наши войска уходить, а непріятель входитъ; когда изъ нашего же лагеря еще наканунѣ проѣзжавшіе городомъ вѣстовые кричали по улицамъ: Спасайтесь! Спасайтесь! то отъ озлобленныхъ мстью и буйныхъ отъ вина людей, которыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ было достаточно, ничего другого и ожидать не следовало, какъ именно пожара—этого единственнаго уже средства всячески повредить непріятелю. Не говоримъ о томъ, что въ иныхъ многихъ случаяхъ было множество и другихъ причину начиная отъ простой неосторожности или небреженія съ огнемъ и оканчивая не простыми замыслами грабежа и воровства. Къ тому же не весьма могли быть крѣпки надежды и на многихъ крѣпостныхъ охранителей боярскихъ домовъ.

При тѣхъ обстоятельствахъ!., въ которыхъ, безъ всякой защиты, внезапно, въ одинъ часъ, Москва была оставлена и со- всѣмъ брошена въ руки врагу, она, по складу и дѣйствию народныхъ разсужденій и соображеній, непременно бы сгорѣла, кто бы ни былъ въ ней градоначальникомъ, Растопчинъ или другое лицо. Ясно было одно, что начальники собирались-собирались крѣпко защитить городъ, собирались быть впереди, когда дѣло до чего дойдетъ, и вдругъ бросили все и сами уходять, да вдобавокъ еще сами же жгутъ провіантъ и запасы. Значатъ гибель! Значитъ одно въ рукахъ остается для врага—истребить его огнемъ. Еслибы даже со стороны власти приняты были всевозможныя мѣры охранить городъ отъ пожара, еслибы эти мѣры строго поддерживались потомъ вступившимъ непріателемъ, то все-таки недолго бы врагу пришлось хозяйничать и господствовать надъ оставшимся населеніемъ: городъ непременно былъ бы запаленъ со всѣхъ сторонъ.

Москва сгорѣла какъ бы сама собою отъ множества разнообразныхъ причинъ, которыя однако всѣ сводятся къ одной, что въ городъ пришелъ непріятель. Противъ него и начавшая война уже не мечомъ, а огнемъ, уже не войскомъ, а самимъ народомъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ и въ огромномъ городѣ, конечно, не могъ показать ничего строго обдуманна*

го и разсчитаннаго, не иогъ совершить театральнаго героическаго подвига. Онъ руководился личными, то есть единичными побужденіями. Начальство зажгло казенные запасы и вывезло всю пожарную команду; каретники зажгли свои давки; иные, вовсе не думая ни о какомъ подвигѣ, поджигали свои дома за тѣмъ, что кому же ихъ оставить—все равно сожгутъ злодѣи-французы. Въ самый тотъ часъ, 2 сентября, какъ Наполеонъ ожидалъ городской депутаціи у Дорогомиловской заставы, въ городе, у Лобнаго мѣста, гдѣ теснилась огромная толпа народа, въ воздухѣ распространялся уже нестерпимый смрадъ отъ того, что лавки москательнаго ряда уже горели и зажигали ихъ будто бы самъ частный приставъ городской части, какой то князь, на котораго, очень можетъ быть, напрасно сваливали вину, еще боясь и не зная, чѣмъ дѣло можетъ кончиться. Къ вечеру столица горела уже во многихъ мѣстахъ: горела Немецкая слобода, Рогожская, Замоскворечье. Съ особою силою пожаръ распространился, въ ночь съ 3 на 4 сентября; то есть на вторые сутки после входа «французовъ». Естественно было ожидать, что, при отсутствіи, пожарныхъ командъ и всякихъ огнегасительныхъ средствъ, начавшійся где бы ни было пожаръ не ограничится двумя-тремя домами или улицами и непременно распространится по всему городу. Въ 1737 г. Москва точно также чуть не вся выгорѣла отъ одной денежной восковой свечи, поставленной къ образу въ Троицынъ день. А въ то время все обыватели и пожарные команды были на лицо—и народными умами не управляль, какъ теперь, ни страхъ нашествія иноплеменныхъ, ни духъ истребленія въ мечь врагу. Такимъ образомъ достаточно было нѣсколькимъ хозяевамъ зажечь свои дома или лавки, какъ сдѣлали каретники, и какъ по такому же примѣру могло и должно было случиться и не въ одномъ каретномъ ряду, то пожаръ и кромѣ другихъ причинъ точно также сделался бы общимъ. Большинство оставшегося населенія было исполнено теми же чувствами и мыслями, какія заставили цивилизованнаго европейца-Наполеона взорвать старый нашъ Кремль. Онъ это сдѣлалъ изъ злобы и мести и притомъ въ безсиліи, что неудалось спокойно и въ

довольствѣ водвориться въ городѣ, дабы потомъ захватить въ свое владычество всю страну, даже и самый Петербургъ; а наши>скиѣ жгли свой городъ тоже изъ злобы и мести, но единственно для того только, чтобы защитить себя и выжить вонъ изъ своей земли врага.

Наполеонъ, за одно со всею Европою прославляя насъ татарами, калмыками, скиѣами, вовсе однако не ожидалъ себе такого скиФскаго сопротивленія. „Все, мною видѣнное, говорилъ онъ, отъ границъ до Москвы, убѣдило меня въ томъ, что Россія прекраснѣйшая страна. Вся она обработана, населена, но дома нашель я пустыми, либо зажженными. И вы сами раззоряете вашу прекрасную землю. Зачѣмъ? Это не помѣшало мнѣ дѣлать впередъ...” Особенное негодованіе онъ изливаль на насъ, за то, что сожгли Москву. По этому поводу онъ писалъ государю:

„Прекрасная великолѣпная Москва уже не существуетъ! Растопчинъ сжегъ ее: 400 человѣкъ зажигателей схвачены на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что действовали по приказанію губернатора и оберъ-полиціймейстера.... Три четверти домовъ сгорѣли.... Поступокъ ужасный и безсознательный! Для того ли сожгли городъ, чтобы лишить насъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, куда огонь не достигъ. Стоило ли для достиженія столь мало-важной цѣли истреблять одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свете, сооруженный въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ? Такъ поступаютъотъ сааааг Смоленска; 600 тысячъ семействъ доведены до нищеты.... Человечество, выгоды Вашего Величества и сего обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную русскою арміею. Необходимо было оставить въ ней управленіе и гражданскую стражу. Такъ было въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадритѣ, такъ поступали и мы въ Миланѣ, при вступленіи туда Суворова. Пожаръ подаеть по-водъ къ грабежу; солдаты присвоивають себе то, что не сдѣлалось жертвою пламени... Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ озлобленія. Если бы прежде послѣдняго сраженія, или вскоре после него, Вы написали мне записку, я оста-

новиль-бы армию и охотно пожертвовал бы выгодною вступить въ Москву

Эти опоздавшія миролюбивыя и ласковыя, но коварныя песни очень хорошо обнаруживали, что пожаръ Москвы въ сущности былъ самымъ сильнымъ и самымъ чувствительнымъ по-раженіемъ не только гордыни новаго Чингизь-Хана, но и дѣй-ствительнымъ поражениемъ его разноплеменныхъ полчищъ; былъ, слѣдовательно, настоящимъ, истиннымъ спасителемъ отечества.

Французъ очень ропталъ и негодовалъ, что со стороны русскихъ война ведется съ большимъ озлоблениемъ и увѣрялъ, что пришелъ покорять пясъ безъ всякаго озлобленія, по рыцарски, какъ вообще воюють народы просвещенные и цивилизованные. Русскій же народный смыслъ никакъ не могъ понять такой премудрости. Для него было непостижимо это цивилизованное рыцарское беззлобіе войны, когда на его же глазахъ люди истреблялись, какъ мухи. Онъ очень хорошо видѣлъ, что просвещеннейшая въ міре нація вовсе не церемонится съ своимъ врагомъ, идетъ, тѣснитъ, громитъ все на пути и обѣщаетъ пощаду и вниманіе только темъ, кто покорно отдавался ей. Но, не испытавъ всѣхъ средствъ сопротивленія, покорно отдаваться врагу—русскаго не пріучила его исторія. Она вся целикомъ одно только и свидѣтельствуетъ, что русскій покорялся лишь въ техъ случаяхъ, когда противиться уже не представлялось и малѣйшей возможности, да и покорившись, по отчаянной необходимости, онъ ни одной минуты не переставалъ мыслить о томъ, какъ бы избавиться отъ напасти. Въ этомъ отношеніи онъ всегда былъ скиномъ, то есть всегда любилъ политическую народную независимость. Само доморощенное наше покореніе—крѣпостное рабство, котормъ позорили насъ западные иноземцы и иные русскіе же люди, смотревшіе на свою землю и на свою исторію съ иноземной точки зрѣнія,—если будетъ хорошо разслѣдовано, докажетъ тоже самое. Крепостное рабство происходило отъ жестокихъ экономическихъ, а вовсе не политическихъ усло-эій быта, въ чемъ есть великая разница, и чего въ Исторіи

обойти не было возможности. Но одна уже философия Позднихъ доказываетъ, каково было свойство этой покорности.

Словомъ сказать, русскій безъ отчаяннаго сопротивленія во всѣхъ видахъ и до послѣднихъ силъ, до послѣдней возможности, никогда и никому покоряемъ не былъ. Какъ же онъ могъ'безъ сопротивленія пойти въ неволю наступившему на него Французу? И могъ ли онъ пожалѣть свой любимый, старый святой городъ, въ ту минуту, Аогда защищать его не было уже никакой возможности?

Нѣкоторые Французы, писавшіе уже изъ Москвы домой, къ своимъ, говорили объ насъ, что они „не видавали болѣе варварскаго народа, что этотъ народъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнь передъ непріателемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ русскихъ, еслибъ даже вмѣсто одного было десять Бонанартовъ.“ Иные офранцузенные и просвѣщенные россияне очень оскорблялись такимъ отзывомъ, и нужна была особая храбрость, дабы доказывать, вопреки всему, то есть вопреки этому просвѣщенному умоначертанію, что въ сущности здѣсь кроется великая похвала народу.

Въ виду непріятельскаго нашествія, очень многіе, и бедные и богатые, москвичи, побрасавши свои дома,иобежали изъ Москвы, конечно, не желая видѣть своего покоренія и униженія; богатые оставили свои дома на храненія своимъ крѣпостнымъ, бѣдные оставили ихъ безъ всякой охраны. Не ясно ли было, что они покидали свои имущества на произволь судьбы, на произволь всякихъ случайностей. Такимъ образомъ, собственникомъ города сделалось остававшееся населеніе, которое въ добавокъ въ послѣднюю минуту собиралось еще до последней крайности защищать его. Не ясно ли, послѣ того, что остававшіеся храбрецы имѣли полное право распорядиться городомъ, какъ научалъ ихъ русскій народный смыслъ, который въ такихъ обстоятельствахъ[^] подь носъ непріятелю, всегда сожигалъсвою деревню. Сколько бы ни было такихъ храбрцевъ и кто бы они ни были—это все равно. Они действовали въ этомъ случае въ полномъ смыслъ всенародно, въ духе и въ смысле сдоей народности. Въ первое время пожаръ Мо\$*

к вы официально, политически приписывали «ранцузамъ и на половину это было вѣрно, ибо она сгорѣла потону, что вошелъ въ нее Французъ. Но всѣ умные люди очень хорошо знали, кто былъ настоящимъ виновникомъ пожара и такъ какъ Раstopчинъ былъ головою Москвы, то голову потомъ всѣ и обвиняли въ этомъ несчастіи, а онъ, какъ видѣли, очень даже сожалеалъ, что ему не удалось совершить этого дѣла героически, какъ слѣдуетъ, на уди*леніе врагу.

Впрочемъ въ первое время, когда опасность стояла еще передъ носомъ и не было еще видно, что гроза ослабѣваетъ, Раstopчина не только не обвиняли, но, если не всѣ, то очень многіе были имъ довольны и даже оправдывали всѣ его дѣйствія. Истинные простые русскіе люди иначе никогда и не рассуждали. Но цивилизованное общество прощало ему все и самую гибель Москвы, то есть гибель своихъ имуществъ, по той особенно причинѣ, что всегда больше, чѣмъ Наполеона, опасалось своего крѣпостнаго призрака, угашеніе котораго приписывало исключительно Раstopчину.

„Я не сержусь на Раstopчина, писала въ то время одна очень умная и образованная и притомъ коренная москвичка изъ верхняго слоя,—хотя знаю, что многіе имъ недовольны. По моему, Россія должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, за то сохранили нѣкотораго рода внутреннее спокойствіе. Ты не знаешь, что было въ Москвѣ съ конца іюля. Лишьчеловѣкъ подобный Раstopчину могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи, и тѣмъ предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея, все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. *) Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы про-

*) Тогда было извѣстно, что Наполеонъ собирался, взвѣсивъ Москву, плѣнить Сепатъ, заставить его издать актъ о низложеніи императора и о провозглашеніи властелиномъ Россіи его, Наполеона. Для привлеченія же въ себя народа онъ нагревался по взятіи Москвы обнародовать уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Русскій Архивъ 1872 стр. 3293,

тивъ негодя и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна. Растопчинъ прекрасно распорядился. Чтобы успѣть въ необходимому пришлось пожертвовать богатствами, потому что, еслибы для сохраненія ихъ онъ напугаль заранѣе толпу, Богъ знаетъ, чтобы изъ этого вышло.' Притомъ же, какъ ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузовъ, едва прибывъ въ армію, писалъ къ жителямъ Москвы и клялся, что онъ не допуститъ враговъ къ стѣнамъ древней столицы? Письмо это было напечатано, всѣми читалось и безъ сомнѣнія и мяло болѣе всѣхъ, нежели могли имѣть слова Растопчина, который однако никого не удѣрживалъ и радовался, видя, что господа и прислуга уѣзжаютъ изъ города... Онъ зналъ то, чего Мтф не вѣдали, а именно, что крестьяне во всей Московской губерніи, удивленные и испуганные множествомъ людей всѣхъ сословій, бѣгущихъ изъ Москвы, говорили дерзости проѣзжающимъ и могли бы зайти далѣе, еслибы за ними не было бдительнаго присмотра... Я чувствую къ нему (Растопчину) великую благодарность и вижу Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ. Будь у насъ прежній начальникъ (гвФъ Гудовичъ), Богъ знаетъ, чтобы съ нами было теперь: всѣхъ бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ея послѣдствія. Наполеонъ это хорошо зналъ и обратился не къ Петербургу, а ударилъ въ сердце Россіи.^{*)} *)

Такъ судили въ то время, когда еще не было вполне известно, что всякая опасность мину вала, т. е. когда непріятель еще не былъ изгнанъ изъ Отечества. Но когда стало всѣмъ известно, что его побѣдоносно выпроваживаютъ даже по Европѣ къ Парижу, то толки постепенно стали измѣнять свое направленіе и вскорѣ, во всемъ виноватымъ оказался Растопчинъ, но главное въ томъ, что Москва сгорѣла и погибло все богатство имущихъ людей. Спустя съ небольшимъ недѣлю двѣ, таже москвичка уже писала: „Я отказываюсь отъ многого изъ сказаннаго мной о Растопчинѣ; говорятъ, онъ вовсе не такъ безу-

*) Русскій Архивъ 1872, письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской.

коризней, какъ я полагала... „Затѣмъ черезъ мѣсяць она уже говорить: „Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Растопчину...“ А на послѣдокъ, еще черезъ двѣ недѣли, пишеть: „Я ненавижу Растопчина и имею на то причины.... Вообрази, прибавляетъ она: теперь открывается, что величайшая неистовства совершены были въ Москвѣ нѣмцами и поляками, а не Французами. Такъ говорятъ очевидцы. И такъ мѣняеть свой обликъ общественная молва, прибавимъ мы.

Растопчинъ съ своей стороны принужденъ былъ оправдываться и не безъ остроумія писалъ, 1813 г. марта 29, въ Русскомъ Вѣстникѣ (№ 5, Май): „Хотя Бонапарте и содѣлалъ своими ругательствами имя мое незабвеннымъ; хотя въ Англіи народъ хотѣлъ имѣть мой гравированный портретъ; въ Пруссіи женщины модамъ даютъ мое имя; хотя честные и благоразумные люди отдають мнѣ справедливость и оказываютъ признательность: но есть много русскихъ, кои меня бранятъ за то, что они отъ нашествія злодѣя лишились домовъ и имущества, и многіе ничего не имѣвшие — миллионѣ. Мое дѣло было сохранить спокойствіе въ Столицѣ; и тишина въ ней пребыла до 2 числа сентября. Взятіе Смоленска, приближеніе непріятеля къ Москвѣ и Бородинская баталія не были тайны... Спрошу у вопіющихъ героевъ, решившихся отчаянно защищать Столицу, выѣхавъ изъ оной! За что вы на меня негодуете? Отвѣтъ. За то, что, повѣря вашимъ словамъ, и полагая, что въ Москвѣ не было опасности, оставили все свое имущество въ домахъ, и оно сожжено и разграблено. Вопросъ. А вы гдѣ же изволили быть? Отвѣтъ. О! да мы давно уехали! Заключение іе: Стало, вы или мнѣ не вѣрили, или боялись оставаться, или не имѣли способовъ отправить вамъ принадлежащее.... Но можно ли было увезти всю Москву въ мѣсяць? Невѣроятно и то, что крестьянскія волости съ 15 августа по 2 сентября по наряду выставили 63000 подводъ для отвоза казенныхъ вещей и для арміи; а 29 августа въ Троицкую, Коломенскую и Рогожскую заставы выѣхало по запискѣ 2600 экипажей...^a Въ концѣ Растопчинъ напоминаетъ обществу о его легкомысленномъ пристрастіи къ Французамъ, говоря, что

это старое заблужденіе и ослѣпленіе не только не исчезло и теперь, но еще усилилось отъ учтиваго какого-то состраданія къ несчастнымъ съ восклицаніями на ихъ языкѣ; что и 1812 г. не можетъ искоренить этого нравственнаго магнита, притягивающаго насъ къ Французамъ; что такихъ русскихъ не тронетъ печальный видъ 7000 сожженныхъ домовъ, слѣды варварства, мужество-крестьянъ, геройство воиновъ, слава Россіи, но огорчить, что въ Москвѣ и ея губерніи истреблено 100 тысячъ Французовъ... Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, рассуждая о томъ, что изъ птицъ онъ предпочитаетъ пѣсню жаворонка передъ пѣсней соловья, Растопчинъ говоритъ: „Соловья я никогда не любилъ. Мнѣ кажется, что я слышу московскую барыню, которая стонетъ, плачетъ и проситъ, чтобъ возвратили ей ея вещи, пропадшія во время разгрома Москвы въ 1812 г. Филомела мифологіи воспѣвала свои страданія, свою тоску и любовь. Филомелы Москвы стонутъ, чтобъ излить свою жѣлчь и свою хандру!^a *)

Наполеонъ вышелъ изъ Москвы уже по другой дорогѣ, на Калугу, мимо Воробьевыхъ горъ. Разгромленная жизнь Москвы стала быстро собираться на свое пепелище и черезъ пять зимнихъ мѣсяцевъ, ранней весной, 14 марта 1813 года, поэтъ Мерзляковъ такъ описывалъ обновленіе любимаго города:

„Съ нами совершаются чудеса божественныя, которыхъ Москва была такъ сказать, наслѣдница давнобытная.—Сколько разъ она горѣла? Сколько разъ была въ рукахъ непріятелей самыхъ лютейшихъ. Нѣтъ силы на землѣ, которая бы уничтожила Москву, любимѣйшій небомъ городъ, или, другими словами, нѣтъ силы столько враждебныя, которая бы могла охладить любовь москвичей къ ихъ родной и ветхой дѣди маминкѣ. Ни весь адъ съ милліонами Наполеоновъ не въ состояніи этого сдѣлать. По сую пору Москва, разрушенная, опустошенная, уже лучшій городъ Россіи. Уже все, что нужда, удобность, удовольствіе, самая роскошь можетъ требовать, находится въ ней съ изобиліемъ... Топоръ стучитъ въ тысячахъ

*) XIX вѣкъ изд. г. Бартенева II, стр. 125,

рукъ, кровли наводятся; цѣлыя опустошенныя переулки становятся по прежнему застроенными; улицы заставлены обозами съ лѣсомъ и матеріалами; народу тѣма; нигдѣ нѣтъ проѣзду, а особливо въ теперешнее время дѣятельность неизъяснимая. Навѣрное полагають, что къ веснѣ будетъ готово домовъ около тысячи отдѣланныхъ.* *)

Хотя, по словамъ грибоѣдовскаго Скалозуба, пожаръ Москвы способствовалъ ей много къ украшенью, но за то онъ нанесъ рѣшительный ударъ старинному непомѣрно широкому барскому житью. Онъ сильно поколсбалъ въ Москвѣ именно ту стихію жизни, которая въ своей вершинѣ прославлялась республикою. - Съ того времени и широкое житье и республика стали клониться къ упадку. Они уже не обновлялись свѣжими силами, а переживали, и такъ сказать, донашивали лишь то, что оставалось въ наличности, какъ старыя развалины, отъ екатерининской эпохи.

Съ тогѣ времени „Отечество Россійскаго Дворянства“, какъ говаривалъ еще Сумароковъ, или „Столица Россійскаго Дворянства“, какъ писалъ Карамзинъ, мало по малу стали преобразовываться въ „Столицу Россійскаго Купечества“ или, вѣрнѣе сказать, въ столицу русской промышленности и торговли. Барскій и крѣпостной людъ съ своимъ крѣпостнымъ трудомъ, запиравшимъ, какъ несокрушимая плотина, движеніе промышленности, сталъ постепенно исчезать, удаляться, а на мѣсто его овладѣвалъ житію и движеніемъ города людъ промышленный, торговый и Фабричный, а главное, вольный трудъ. **) Великолѣпныя замки и роскошныя подмосковныя виллы московскихъ старинныхъ бояръ, созданныя исключительно только силами крѣпостнаго труда, оказались вдругъ черезчуръ

*) Русскій Архивъ 1865 г. стр. 1072.

**) До Француза, въ пятнадцатіе 1788—1794 г. мѣщанъ и ремесленниковъ въ Иосифъ считалось обоюго пола 9100. Въ пятнадцатіе 1834—1840 г. ихъ считалось уже 75.300, то есть больше слишкомъ въ восемь разъ. Однако прибыль купцовъ въ то же время была незначительна, всего на одну треть ихъ числа, между тѣмъ, какъ прибыль лворянь увеличилась почти на половину; но за то прибыль дворовый увеличилась не болѣе какъ на одну десятую ихъ числа, что, конечно, противъ прибыли вольный промышленниковъ, обнаруживаетъ застою или понороть къ убыли.

обширными, слишком просторными и потому вовсе неудобными для'жизья, оказались вдругъ излишнимъ и очень неу- добнымъ бременемъ для новыхъ направлений жизни. Эти досто- памятные руины крѣпостнаго вѣка, теперь поступаютъ или въ руки казны и общества, подъ учебныя и разныя благотворительныя заведенія, или въ руки купцевъ, подъ Фабрики и заводы, иногда подъ собственное житье, которому капиталъ, этотъ новый и уже вольный крѣпостникъ вольнаго труда, расиро- странилъ дорогу на всѣ стороны.

Крѣпостной вѣкъ отдавалъ владычество и господство въ обществѣ барину, и по праву крепостника, и по праву пере- доваго челоука, европейски образованнаго. Промышленный вѣкъ отдалъ владычество и господство капиталу, а въ сущности промышленнику во всѣхъ родахъ и видахъ и во всякомъ значеніи, такъ что и самъ баринъ несетя къ тому же промышленному идеалу жизни.

Въ XIV ст., когда Москва стала Великимъ Кыяжевіемъ, въ Сѣтунскомъ Ставу ближайшія къ городу земли по стороне Москвы-рѣки принадлежали великокняжескимъ вотчинамъ, а по стороне Сѣтуни — вотчинамъ первыхъ московскихъ митрополитовъ. Въ то время вся эта местность была покрыта глухвмъ лѣсомъ, который начинался отъ самаго Дорогомилова. У теперешней заставы и Дорогомиловскаго кладбища.существовалъ еще въ начале XVIII ст. Самсоновъ боръ, носившій одно имя съ Самсоновымъ лугомъ, какъ прозывалась въ XV веке луговая мѣстность подъ теперешнимъ Дѣвичьимъ монастыремъ, переходившая и за рѣку къ упомянутому бору. Она тогда принадлежала къ селу Семчинскому (церковь Успенья на.Остоженкѣ). Дальше по Сѣтуни, близъ Троицкаго-Голенищева, впадающая въ Сѣтунъ рѣчка и до сихъ поръ называется Раменкою, по древнему, Рамень, Раменье, что означало вообще большой матерой, не только строевой, но и корабельный лѣсъ. Вотъ именно эту-то глухую, пустынную, безмолвную местность особенно любилъ митрополитъ Кипріанъ (f 1406), родомъ сербинъ, другіе говорятъ—болгаринъ, „всякаго любомудрія и разума божественнаго исполненный, вельми княжень и духовецъ, добродѣтельнымъ житіемъ подвизался, ученіемъ и наставленіемъ наслаждавшій всѣхъ[№]. Такъ изображаетъ этого знаменитаго святителя древняя лѣтопись. Здѣсь, посреди дебри, въ лѣсномъ безмолвіи, между рекъ Сетуни и Раменки, онъ устроилъ себе дачу на Острелище, или на Стрѣлице, на стрѣлкѣ, т. е. на возвышенномъ остромъ углу впаденія Раменки въ Сѣтунъ и надъ прудомъ, близъ теперешней деревни Каменной Плотины.

«
Мѣсто было тихо, безмолвно, покойно отъ всякихъ плещей, какъ тогда обозначали шумъ и суету городской жизни или вообще тревоги свѣта. Святитель устроилъ здѣсь и опричную, особую для себя церковь во имя Трехъ Святителей и очень часто приѣзжалъ сюда на житье, а на старости постоянно здѣсь жилъ и въ этой опричной церкви ставилъ даже епископовъ, не могши, вѣроятно по слабости, выѣхать для торжества въ городъ. И тутъ часто любилъ пребывать и жить; говорить лѣтопись, и книги въ наставленіе душевное своею рукою писалъ*, т. е. составлялъ, сочинялъ и переводилъ на славянскій съ греческаго. Составилъ книгу о соборахъ, бывшихъ на Руси, описалъ многія житія святыхъ русскихъ, а также житія и благочестивыя дѣла князей русскихъ по степенямъ родословія. Иныя книги составлялъ въ наставленіе плотское, каковы для правды и суда (Кормчю), и Лѣтопись Русскую отъ начала Русской Земли. И много книгъ для этого собралъ, повелѣвъ при смерти докончить начатое архимандриту спасскому Игнатію, который все и исполнилъ.

Такимъ образомъ это старое Голепищево получаетъ для насъ не малое значеніе, какъ первый въ Москвѣ ученый и литературный пріютъ въ родѣ Академіи, какимъ впоследствии были Крутицы, Заиконоспасскій и Андреевскій монастыри, точно также обогатившіе старую нашу книжность многими очень важными и полезными трудами. Но еще любопытнѣе для насъ то обстоятельство, что во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія, и слѣд. ровно за четыре столѣтія до просвѣщенія насъ Французами, существовалъ человекъ, который обладалъ чувствительною душою, едвали въ меньшей степени, чѣмъ чувствительное наше племя койца XVIII ст., такъ много говорившее о высотѣ своего душевнаго развитія; обладалъ чувствомъ природы безъ всякаго хвастовства передъ грубостью и невѣжествомъ своихъ собратій, и скромно посвящалъ свои досуги точно также литературнымъ трудамъ, цѣлью которыхъ однакожъ было не одно услажденіе своего сердца, не одно чувствительное пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее своихъ мыслей, чѣмъ по большей части руководилъ

лись сентиментальные литераторы; а пользы всего народа и даже пользы отдаленного потомства.

Конечно, по своей жизни, по особому труду этой жизни, святитель Килріяиъ далеко не былъ человѣкомъ рядовымъ. Онъ много путешествовалъ, объѣздилъ мѣста отъ Царягорода до Новагорода, много видѣлъ, много зналъ, былъ просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ своего времени; но тѣмъ не менѣе онъ жилъ въ вѣкъ, отличавшійся грубостью и дикостью и татарскимъ порабощеніемъ и все-таки сохранилъ, подобно очень многимъ изъ своихъ современниковъ, это влеченіе къ безмолвнымъ красотамъ природы, посреди которыхъ съ особенною любовію проводилъ уединенную жизнь труженика науки и литературы, такъ точно, какъ съ тѣмъ же влеченіемъ къ безмолвной жизни и съ тою же любовію къ природѣ его современники устраивали новыя пустыни и новые монастыри.

Святитель Кипріяиъ и скончался въ своемъ любимомъ Голенищевѣ, 16 снт. 1406 г. Въ это время пустынная сѣтунская мѣстность преобразилась въ многолюдную улицу столицы. Услышавши о кончинѣ пастыря, епископы, священники, иноки, все духовенство поспѣшили въ Голенищево; скоро за ними съѣхались князья и бояре, собралось многое множество людей и оттуда торжественно всѣ проводили тѣло въ Успенскій соборъ. За 4 дня предъ кончиною святитель написалъ грамоту, которую заповѣдалъ, когда положить его въ гробъ, прочесть надъ нимъ въ слухъ людямъ, всему народу. Это была грамота прощальная, гдѣ архипастырь, подавая всѣмъ миръ и любовь, благословеніе, послѣднее цѣлованіе и прощеніе во всемъ, и самъ испрашивалъ у всѣхъ прощенія и мира и любви. Въ заключеніе онъ написалъ нѣчто философски, какъ выражается лѣтопись. Въ этомъ послѣсловіи излагались мысли о тлѣнности и всяческой суетѣ нашей жизни, въ которой начало и конецъ плачь: отъ чрева матери съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ во гробъ; а по среди суета житейская: все сонъ, все мечта, все исчезаетъ, какъ тѣнь идытъ. Одно только остается на эіемлѣ, вѣщаль покойникъ, это: оставить людямъ васлѣдіе въ наученіе и наставленіе, то

есть оставить по себѣ духовное наслѣдіе мысли, наслѣдіе просвѣтительныхъ для общества идей. Вотъ еще когда была глубоко понята (на берегахъ глухой Сѣтуни) истинная цѣна науки и литературы, истинная цѣна человѣческой духовной дѣятельности.

Ростовскій епископъ Григорій, основатель Дорогомиловской дачи, прочелъ надъ покойникомъ грамоту велегласно и при- вель предстоявѣиихъ въ слезы. Прощальную грамоту Кипріяна лѣтопись называетъ ч у д н о ю, «къ томъ смыслѣ, что она въ дѣйствительности была диковиною въ тогдашнихъ церковныхъ обычаяхъ. Однако митрополиты усвоили этотъ обычай и, переписывая собственноручно грамоту, заповѣдывали каждый и надъ своимъ гробомъ прочитывать ее во услышаніе всѣмъ.

Каѳедра Всероссійскихъ митрополитовъ была перенесена въ ВДоскву еще св. Петромъ и Кипріяномъ былъ четвертымъ въ ряду святителей, основавшихъ свое пребываніе въ будущей столицѣ государства. Точно также и на Сѣтуни не онъ первый основалъ себѣ уединенное жилище. По всему вѣроятію, первымъ владѣльцемъ этой мѣстности былъ также св. Петръ, построившій и первый каменный соборный храмъ въ Москвѣ въ честь Успенія Богородицы. Этому храму или „Дому Пресвятой Богородицы* и принадлежала собственно Сѣтунская дача, которая быть можетъ тогда же и была ему отдѣлена изъ великокняжескихъ вотчинъ.

Преемникъ св. Петра, митр. Ѳеогностъ устроилъ здѣсь новое село. Вверхъ по рѣчкѣ Раменкѣ жилъ тогда митрополичій коровникъ, прозваніемъ Селята; на томъ мѣстѣ святитель поставилъ церковь во имя св. Николы чуд. и стало называться это мѣсто Селятино, къ которому приписаны были и окрестныя деревни. Это теперешнее село Никольское, въ верховьи Раменки.

На мѣстѣ же теперешняго Троицкаго-Голенищева, внизъ по Сѣтуни отъ Кипріяновой дачи или Стараго Голенищева, обиталъ преемникъ Ѳеогноста, св. Алексѣй чудотворецъ; по- крийней мѣрѣ извѣстно, что здѣсь былъ его садъ, а подлѣ сада безсомнѣнія стояли его клѣти и кельи. Въ 1474 г. у это

го чудотворцева Алексіева сада митрополить Геронтій поставилъ церковь Іоанна Богослова и дворъ себе срядилъ, я съ **теремомъ**, съ погребами и съ ледниками, устроилъ слѣдовательно всякое хозяйство. Подобно Кипріану, онъ также приходилъ сюда часто, ибо место было тоже тихо и покойно отъ многихъ плищей. Такимъ образомъ выстроилось Новое Голенищево, существующее доселе. Вся эта Голенищевская мѣстность съ деревнями, рѣками, прудами, мельницами, лугами, лѣсами, болотами и со всеми угодыями постоянно принадлежала митрополичьему, а потомъ патріаршему дому, на который крестьяне работали всякую страдную работу.

Съ какого времени Голенищево стало прозываться Троицкимъ, т. е. съ какого времени поставленъ вънемъхрамъ Троицы, неизвѣстно; но въ 1627 г. при патр. Филарете упоминается уже въ селѣ церковь Троицы съ придѣломъ Леонтія Ростовскаго, еще деревянная, построенная клѣтски, т. е. какъ клѣтъ, по образцу клети.

Въ это время при селѣ находилось 5 мельницъ по р. Сѣтуни: Ѳедурна, Холкина, Поповка, Барановка и одна на ея устьѣ; одна деревня Гладышева на Раменкѣ съ прудомъ, и 26 пустошей по р. Раменкѣ и Сѣтуни, въ числѣ которыхъ обозначена на устьѣ рѣчки Раменки пустошь Тресвятское—Власово. По всему вѣроятію это мѣсто прежняго жилища митр. Кипріана, гдѣ, какъ упомянуто, былъ храмъ Трехъ Святителей, престолъ котораго быть можетъ впоследствии, при патріархѣ Іовѣ, былъ перенесенъ въ Москву, въ митрополичій или патріаршій домъ, какъ можно судить по находившейся тамъ нѣ когда церкви этого же вѣмья. Въ числѣ принадлежащие къ селу 26 пустошей, большая часть была расположена по рѣчкѣ Раменки и по впадающимъ въ нее оврагамъ. Это показываетъ, что Раменская мѣстность съ глубокой древности была значительно заселена, что утверждаютъ и группы кургановъ, разсѣяныя по этой мѣстности въ такомъ количествѣ, какого не встречается въ другихъ углахъ Сѣтунскаго стана.

Кромѣ того къ селу принадлежали также три печи, для выделки кирпича, съ 6 сараями, устроенныя патр. Филаретомъ-*

на Москвѣ рѣкѣ у Воробьевскихъ кручь и затотовлявшія кир- пичъ про обиходъ патріарховъ. Вѣроятно съ того времени отсюда по всей Сѣтуни до самаго Голенищева распространились кирпичные заводы, существующіе и теперь.

Очевидно, что патріаршее хозяйство въ Голенищевѣ при патріархѣ Филаретѣ еще только возстановлялось послѣ опустошеній и разореній Смутнаго времени. Оттого при селѣ въ эту пору числилась только одна деревня Гладышева. Во второй половинѣ XVII ст. къ Гладышеву прибавились новыя деревни, разселенныя на старыхъ пустошахъ, Матвѣевская и Никольская, что было прежде Селятино, на рѣчкѣ Селятинкѣ какъ стала прозываться въ этой деревнѣ рѣчка Раменка. По- слѣ моровой язвы 1655 г., опустошившей вѣроятно не одну эту местность, въ деревню Никольскую были призваны изъ воли и поселены въ качествѣ дѣловыхъ или вольно-наемныхъ людей бѣлорусцы изъ разныхъ польскихъ городовъ. Къ концу столѣтія явилась еще деревня, Каменная Плотина, расположенная по всему вѣроятію на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворъ митроп. Кипріяна. Въ самомъ селѣ, въ 1644 г., вмѣсто деревянной церкви Троицы построена каменная каменныхъ дѣлъ мастеромъ Иларіономъ Мих. Ушаковымъ по чертежу государева подмастерья Антипы Кон^антинова. Очень любопытно, что она построена по шатровому образцу, какъ строить въ XVII ст. повсюду воспрещалось самими же патріар- хами, между тѣмъ какъ этотъ образецъ былъ чистымъ произ- веденіемъ своеобразнаго русскаго зодчества, особенно развив- шагося въ половинѣ XVI ст.

По случаю переписи села Троицкаго-Голенищева въ начала XVIII ст., церковь описана слѣдующимъ образомъ: Церковь Живоначальныя Троицы каменная Шатрова я да при той же церкви съ дву сторонъ два предѣла, Іоны митроп., да мученика Агапія; а на церкви и на предѣлахъ главы три опае- ны бѣлымъ желѣзомъ; около церкви съ дву сторонъ паперть— два рундука... церковь, предѣлы и паперть крыты тесомъ; въ нихъ полы кирпичные. Въ храмѣ 14 окошекъ съ слюдяными оконницами. Надъ папертью колокольня каменная шатровая

на ней 5 колоколовъ, въ болыномъ вѣсу 25 пуд. Внутри: царскія двери резныя, иконостасъ, въ числе мѣстпыхъ иконъ обрѣзъ Ионы митроп. въ житіи; паникадило большое медное о дву ярусахъ съ 16 подсвѣшниками, подъ нимъ яйцо страхо- коииловое съ кистью; на правой стороне у западныхъ дверей место патріаршее обито сукномъ вишневымъ, на немъ чехоль крашенинный зеленый. Въ алтарѣ: потиръ, дискось и блюда оловянные, звезда и лжица серебряныя. Въ приделе св. Ионы показана только звезда нѣдная.

Съ западной стороны отъ церкви стоялъ патріаршій домъ, построенный вероятно на старомъ мѣстѣ, но уже въ XVII ст., быть можетъ при патріархе Іоакимѣ, который повидимому очень любилъ эту патріаршую дачу и часто въ ней бывалъ. Нижній ярусъ былъ весь каменный и заключалъ въ себе разныя служебныя паіаты. Надъ нимъ возвышались двухъ-ярусные жилые хоромы патріарховъ съ теремомъ на верху. По той же переписи патріаршій дворець описывается следующимъ образомъ:

Въ селѣ Троицкомъ—дворецъ, каменныя палаты, на техъ палатахъ деревянныя хоромы; крыльцо выходное каменное на двухъ столбахъ, верхъ шатровой, крытъ тесомъ. На крыльцѣ белокаменный рундукъ (площадка), который назывался краснымъ и имѣлъ съ трехъ сторонъ по шести ступеней. Съ крыльца главныя двери вели въ палаты, а дверь побочная— въ верхніе деревянныя хоромы. Надъ главными дверьми находились три образа въ деисусѣ, писанные на золотѣ въ рѣзномъ вызолоченномъ кіотѣ съ шпренгелемъ и съ крестами на верху. Изъ дверей входили въ сѣни, въ которыхъ было три окошка красныхъ съ оконницами изъ слюды вмѣсто стекла и два вверху слуховыхъ; полъ кирпичный^ по стѣнамъ лавки, поставецъ одинакой на ножкахъ съ ящикомъ, столикъ дубовый съ шахматною доскою и двѣ скамьи. Изъ сѣней выходила дверь въ нужный чуланъ. Затѣмъ слѣдовали палаты: 1) скатертная съ 4 слюдяными окнами, въ переднемъ углу образъ, полъ кирпичный, по стѣнамъ лавки. 2) Дворянская: въ переднемъ углу образъ, 3 окошка, по стѣнамъ лавки, полъ кир-

личный, печь муравленая зеленая; три двери, одна въ чуланъ другая въ нужный чуланъ, третья въ казенную палату, поставецъ двойной, крашенный черною краскою. Передъ палатою были особыя боковыя сѣни и въ нихъ дверь съ каменнымъ крылечкомъ. 3) Пѣвчeskая, въ ней двѣ картины на полотнѣ: Авраамово явленіе да образъ Богородицы и Маріи Магдалины; 4 окошка, у стѣнъ лавки, скамья, печь муравленая зеленая, пятеро дверей, въ томъ числѣ въ сѣни, въ чуланъ и въ нужный чуланъ, полъ кирпичный. 4) Палата, гдѣ живаль посольскій старецъ, *) домоправитель, передъ сѣнями крылечко каменное, 6 окошекъ, чуланъ, полъ дощатый, 6 дверей, въ сторонѣ палатка съ двумя окнами и съ погребомъ 5) Казенная палата: 3 окошка, полъ кирпичный, печь ценинная (синяя) круглая. Подлѣ этихъ двухъ послѣднихъ палатъ находилась каменная лѣстница въ верхніе хоромы и въ церковь.

Жилые патріаршіе деревянные хоромы расположены были надъ этими служебными каменными палатами и заключали въ себѣ отдѣленія слѣдующихъ наименованій: Передняя сѣни, въ нихъ три образа въ деисусѣ, въ рѣзномъ тройномъ кіотѣ, подложенномъ слюдою, столъ большой еловый, гдѣ ставили кушанье, окна съ внутренними затворами, расписанными красками. Передняя столовая: три образа въ деисусѣ на золотѣ въ рѣзномъ же кіотѣ съ херувимами и серафимами на верху; столъ дубовый большой сдвигной, двѣ скамьи; 4 окошка съ внутренними раскрашенными затворами и съ слюдяными оконницами; дверь передняя обитая съ обоихъ сторонъ зеленымъ сукномъ гвоздями по жести, съ луженымъ приборомъ; печь ценинная. Крестовая, въ ней большой образъ Распятія, съ мѣдною золоченою лампадою, по сторонамъ котораго было еще расположено 7 большихъ и малыхъ иконъ: Спаса Нерукотвореннаго, Богородицы, Апто-нія Сійскаго, Московскнхъ чудотворцевъ, Троицы, Иисуса, стоящего у креста, писанный на полотнѣ, и деисусъ. Предъ

■ *) Посельскіе старцы отмѣнены я назначены на мѣсто нѣ иривашики увпзюиъ 1701 года 25 марта,

образами стояль книжный налой, расписанный красками, съ луженымъ приборомъ. На стѣнѣ висѣла картина Моисея и Аарона, писанная на полотнѣ живописнымъ письмомъ, въ большихъ золоченыхъ рамахъ. Въ комнатѣ было 12 окошекъ слю- даныхъ съ затворами извнутри, печь ценинная, три дубовыхъ большихъ стола, въ томъ числѣ одинъ сдвижной; поставецъ, расписанный красками и на верху съ рѣзнымъ вызолоченнымъ шпренгелемъ, двѣ липовыхъ скамьи. Передняя дверь была расписана красками и имѣла завѣсъ на желѣзныхъ прутахъ. Дверь съ лѣва, изъ Крестовой, обитая по жести зеленымъ сукномъ, выводила въ сѣнцы съ тремя красными окнами, въ которыхъ стояли двѣ скамьи; въ сѣнецъ была дверь въ нужный чуланъ да на заднее крыльцо на переходы.

Другая дверь изъ Крестовой, створная, расписная красками, вела въ Келью патріарха черезъ малыя сѣнцы, въ которыхъ въ углу находился образъ—деисусъ въ серебряномъ басменномъ вызолоченомъ окладѣ и въ рѣзномъ золоченомъ кіотѣ съ мѣднымъ подсвѣчникомъ. Въ сѣнцахъ было два окошка съ затворами извнутри, расписанными красками. Въ кельѣ также находился деисусъ въ серебрянномъ вызолоченномъ окладѣ въ золоченомъ кіотѣ. Въ ней было семь окошекъ съ затворами извнутри, небольшой столъ, маляваный зеленою краскою, дверь расписанная съ обѣихъ сторонъ красками и съ двумя прутами для завѣса, покрытыми тоже красною краскою, печь ценинная круглая. Въ задней маленькой кельѣ, служившей вѣроятно спальнею, было 4 иконы въ серебр. вызолоч. окладахъ; дубовый круглый столъ на одной ногѣ, поставецъ расписной красками; три окна съ расписными затворами извнутри, расписная дверь. Изъ обѣихъ келей другія двери выводили въ особыя заднія сѣни, съ семью окнами, въ коихъ былъ образъ въ золоченыхъ рамахъ и липовый столъ. Изъ нихъ одна дверь вела въ нужный чуланъ, а другая на заднее крыльцо съ каменною лѣстницею.

Изъ тѣхъ же сѣней былъ всходъ въ верхній покой, въ большой чердакъ или теремъ, по двумъ лѣстницамъ. Въ уремѣ моленный уголъ былъ убранъ иконою деисуса въ зо-

лоченомъ кіотѣ и тремя живописными образами на полотнѣ въ золоченыхъ рамахъ. Обширный покой освѣщался семнадцатью окнами съ затворами извнутри; въ комнатѣ былъ только липовый столъ. Однѣ изъ дверей вели въ передніясѣни, а изъ нихъ въ верхнюю лѣтнюю келью, въ которой было четыре красныхъ окна и одно маленькое волоковое; въ углу — живописный образъ Богородицы на полотнѣ въ золоченой рамѣ. Изъ кельи была дверь на лѣстницу въ самый верхній чердакъ, который имѣлъ 12 оконъ слуховыхъ съ створчатыми затворками.

Подлѣ этой лѣтней патриаршей кельи, въ особой постройкѣ, соединенной съ нею переходами и состоявшей изъ сѣней и двухъ отдѣльныхъ покоевъ, находилась въ одномъ покоѣ келья архидіаконская; въ ней было 3 окна, дубовый сдвижной столъ, двѣ скамьи, по стѣнамъ лавки. Въ другой кельѣ, было 5 оконъ, въ молснномъ углу образъ св. Сергія, дубовый столъ, печь ценинная, которая нагрѣвалась изъ сѣней. Переходы были оперилены дощатыми балясами—гудками

Всѣ хоромы были покрыты тесовою кровлею, надъ которою по мѣстамъ возвышались круглыя большія трубы. Во всѣхъ комнатахъ двери по большей части были обиты зеленымъ сукномъ, при чемъ вмѣсто ремней употреблена вырѣзная жость; дверные и оконные приборы вездѣ были желѣзные луженые; окна вездѣ также съ оконницами изъ слюды вмѣсто стеколъ и по большей части съ внутренними затворами.

Къ служебнымъ постройкамъ принадлежали: изба съсѣнями и на верху съ чердакомъ или теремомъ, вѣроятно прикащичья. Въ ней было 6 оконъ, столъ большой дубовый раздвижной, двѣ скамьи, у стѣнъ лавки, печь муравленная. Въ сѣняхъ тоже находился образъ, два окошка, лавка, чуланъ. Въ теремѣ было два окна красныхъ и 5 волоковыхъ.

Неподалеку стояла хлѣбная поварня съ очагомъ и съ печью приспѣшною. Подлѣ поварни стояла баня, а позади бани длинный сарай, простиравшійся до заднихъ воротъ двора, у которыхъ находилась конюшня и денникъ. Кромѣ того на дворѣ стояло сушило съ погребомъ. Въ сушилѣ хранились

различныя старыя вещи изъ-хоромъ и въ томъ числѣ 16 картинъ Фряжскихъ старыхъ въ рамахъ.

Около двора, съ трехъ сторонъ, отъ рѣки Сѣтуни, отъ церкви и отъ саду, стояла каменная ограда съ двумя башнями на углахъ передней линіи, которая была расположена противъ церкви. Здѣсь же находились переднія широкія ворота одвухъ щитахъ или створахъ.

Сверхъ того на селѣ была большая конюшня и скотный дворъ съ яслями, хлѣвами, сараями, омшениками и скотными избами.

Царь Алексѣй Мих. и сынъ его Ѳедоръ нерѣдко ѣзжали съ Воробьевыхъ горъ въ Троицкое къ обѣднѣ, по большей части, конечно, во время пребыванія тамъ хозяина—патріарха.

Когда, по смерти патріарха Адріана, съ упраздненіемъ патріаршаго сана, патріаршія вотчины поступили въ общее государственное управленіе, то верховники не замедлили протянуть руки и къ этимъ имѣніямъ. Любимецъ Петра II, кн. Ив. Долгорукій, которому вѣроятно очень любезны были мѣстности Сѣтунскаго стана, ибо онъ много хлопоталъ, какъ увидимъ, даже и о завладѣніи Кунцовымъ, получилъ было Троицкое-Голенищевое въ собственность, но владѣлъ имъ съ не-большимъ мѣсяцъ, такъ что едвали усоуль сдѣлать какія либо распоряженія по этому случаю. Указъ объ этомъ пожалованіи гласилъ слѣдующее: „1729 года декабря въ 13 день Его Императорское Величество пожаловалъ оберъ-камеръ-гера и кавалера князь Ивана Алексеевича Долгорукова, указалъ въ Московскомъ уѣздѣ бывшее патріаршее село Троицкое, Голенищевое тожь, со всѣми къ тому селу деревнями и принадлежностями, отдать ему князю Ивану Алексеевичу въ вѣчное владѣніе А что съ того села въ казну было денежныхъ и хлѣбныхъ и протчихъ какихъ доходовъ, оныя платить ему въ патріаршъ ДворцовоИ Приказъ повсягодно, и о томъ въ Сенатъ и для вѣдома въ Синодъ послать указы. У подлинного подписано тако: Канцлеръ граФЪ Головкинъ, князь Василій Долгорукой, князь Дмитрей Голицынъ. Василій Степановъ.^a Но 19 января

1730 г. императоръ скончался, а съ нимъ окончилось и время Долгорукихъ.

Съ того времени патриаршій дворець все болѣе ветшалъ и разваливался. Однако во время моровой язвы въ Москвѣ 1770—1772 г. онъ успѣлъ отслужить послѣднюю службу на общее благо. Въ 1771 г. въ немъ былъ устроенъ предохранительный домъ или карантенъ для „сумнительныхъ людей, кои въ одномъ покоѣ съ зараженными жили“, но больными не оказывались и которые по этому съ осторожностію вывозились изъ города сюда и какъ скоро заболѣвали, то въ тотъ же часъ были отправляемы въ Угрѣшскую больницу. Карантинъ оправдалъ заботы начальства и язва въ немъ не распространялась, какъ въ другихъ мѣстахъ. Въ то же время сюда высылались на житье и всѣ несчастныя дѣти — сироты, лишившіяся въ моръ отцовъ и матерей, а съ ними собралось множество нищихъ и всякихъ бѣдныхъ и бездомныхъ людей, которые не малое время и кормились здѣшними запасами. Преданіе вообще свидѣтельствуеъ, что Голенищевская местность была безопасна во время этого мора.

На устьѣ Сѣтуни существовала также въ началѣ XVII ст. небольшая деревенька Ивашова, принадлежавшая Саввинскому монастырю, что теперь приходская церковь Саввы у Двѣчьяго поля и монастыря. Въ ней жили два бобыля, но въ 1639 г. ту деревню разбойники разбили и бобылей сожгли и деревня стала пуста, какъ отмѣчено о ней въ переписи 1646 г.

Монастырь св. Саввы, вмѣстѣ съ мельницею на устьѣ Сѣ- туни отданъ былъ въ домовую вотчину митрополитовъ еще при св. Іонѣ, въ 1454 г., на поминъ души по своему родѣ боя- ринѣ Петромъ Константиновичемъ. Тогда же, въ 1457 г. къ монастырю отдано и сельцо Воишевское, упомянутая деревня Вошево или Ивашева, тоже на поминъ по своему родѣ, боярами князьями Патрикьевыми. *) Черезъ 200 лѣтъ сельцо превратилось въ деревню и наконецъ въ пустошь; самое имя изъ Воишева, Вошево, переделалось въ Ивашево.

*) Юридическіе акты, собран. Н. В. Каіачовымъ I, 446.

Въ 1646 г. къ селу Голенищеву было причислено сельцо Аминево, тоже на Сѣтуни, на правомъ берегу, повыше Волынского, на устьѣ рѣчки Навексы, въ последующей переделка—Навешки, а теперь Новишки. Оно въ этомъ году вымѣнено въ Патріаршій домъ патріархомъ Юсифомъ у знаменитаго боярина Бориса Ив. Морозова, которому досталось отъ стараго вотчинника, князя Вас. Ив. Туренина, куплею въ 1634 г. Сельцо некогда было селомъ и въ немъ стояла деревянная церковь Успенія Богородицы, вѣроятно сгоревшая въ Смутное время, и потомъ вновь построенная уже при патріархахъ. Третье поле этого сельца находилось на противоположномъ берегу Сѣтуни, къ Можайской большой дорогѣ, въ межахъ, съ одной стороны, съ пустошью Борисовскою, а съ другой—по оврагъ, съ пустошью Жуковою. Подъ сельцемъ была мельница Аминева, а въ числѣ пустошей — Красная или Красникова на рѣчкѣ Навекѣ.

Старѣйшимъ владѣльцеиъ Аминева по всему вѣроятію былъ Иванъ Аминево (нач. XV или конца XIV вѣка) изъ рода Каменскихъ-Курицыныхъ, отъ знаменитаго боярскаго рода Акин* Фомы*Свибл*Фомы; такъ какъ старѣйшимъ владѣльцеиъ села Волынскаго, находящегося между Голенищевымъ и Аминевымъ, тоже на Сѣтуни, по всей вероятности былъ знаменитый ратоборецъ Мамаева побоища Дмитрій Михайл. Бобряковъ — Волынкій, прозванный такъ потому, что пріехалъ къ в. к. Дмитрію Донскому изъ Волынской земли. Онъ былъ женатъ даже на сестре Донскаго, Аннѣ, и на Куликовскомъ полѣ въ битвѣ съ Татарами рѣшилъ дѣло, выскочивъ во время изъ приготовленной засады.

При царѣ Иванѣ Вас., Волынское, село и въ то время, принадлежало государевымъ вотчинамъ. Въ духовной 1572—1578 г. царь отказывалъ его старшему сыну Ивану Ив. и съ деревнями, со всѣмъ, какъ было при немъ, подтверждалъ государь.

Въ XVI ст. Волынское принадлежало дядьке царя Федора* Ивановича, окольничему Андрею Петров. Клешнину, умершему въ 1599 г. Онъ былъ самымъ близкимъ челоукомъ Годунову,

а жена его, урожденная княгиня Волконская, неотступно всегда находилась при супругѣ царя Ѳедора, царицѣ Иринѣ, сестрѣ Годунова. Поэтому на Клешина падаетъ половина черныхъ Годуновскихъ дѣлъ по захвату Годуновымъ въ свои руки царскаго престола. Его усердному содѣйствію приписывается и убіеніе царевича Димитрія. Очень естественно, что онъ потомъ скончался схимникомъ, (въ ПаФнутьевомъ-Боровскомъ монастырѣ, гдѣ и погребенъ). При Клешинѣ въ Волынскомъ была построена церковь во имя св. мчч. Ѳеодора да Андрея Стратигатовъ, тезоименитыхъ Ангеловъ царя Ѳеодора и его дядьки, владѣльца села. Въ Смутное время храмъ былъ сожженъ Тушинскими ворами. Въ то время къ Волынскому принадлежали: деревня Давыдково и Борисовская или Борискова пустошь съ мельницею—два колеса нѣмецкія, деревня Травино, Сѣтунская слобода тожъ, и деревня Очаково.

Въ началѣ ХУІІІ ст. Волынское находилось во владѣннхъ кн. Аван. Васильев. Лобанова-Ростовскаго, по смерти котораго было отдѣлено теткѣ царя Михаил. Ѳедор., боярынь Иринѣ Никитичнѣ Годуновой, вдовѣ Ив. Ив. Годунова, честно и прямо погибшаго въ Смутное время въ Калуга, въ глазахъ своей жены, отъ Мих. Бутурлина, злодѣя изъ Тушинцевъ.

Сельцо Очаково, на рѣчкѣ Навексѣ или Вешкѣ, теперь Новышкѣ, осталось за князьями Лобановыми-Ростовскими, двоюродными братьями прежняго вотчинника, Ив. Ив. и Ив. Сем., отъ которыхъ потомъ перешло къ кн. Никитѣ Ив. и къ его вдовѣ Аннѣ НикиФоровнѣ Лобановой-Ростовской, которая была мамкою царевны Софьи. Послѣ ея смерти (1709 г.) оно досталось кн. Якову Ив. Лобанову-Ростовскому, который очень замѣчательнѣе тѣмъ, что въ 1688 г. съ Ив. Микулинымъ ѣздилъ на разбой по Троицкой дорогѣ, къ урочищу Красной Соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ государевою казною, т. е. вѣроятно съ податными сборными деньгами, которыя мужики обязаны бывали сами доставлять въ Москву. „И тѣхъ мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти. И про то ихъ воровство розыскано, и по розыску онъ князь Яковъ Лобановъ взялъ съ двора

и привезенъ былъ къ Красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье, битъ кнутомъ въ Жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни имамы, княгини Анны Никиф. Лобановой-Ростовской. Да у негожь, князь Ивана, отнято за то его воровство безпоровотно четыреста дворовъ крестьянскихъ. А челоѣка его Калмыка, да казначея, за то воровство повѣсилн. А Ивану Микулину за то учинено наказанье, битъ кнутомъ на площади нещадно и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно, и розданы въ раздачу, и сосланъ былъ въ ссылку въ Сибирь, въ городъ Томскъ.*

Такова была правда царскаго суда при Софѣ для князей, дворянъ и для ихъ крѣпостныхъ. Въ 1694 г. при Петрѣ въ потѣшномъ Кохуховскомъ походѣ кп. Яковъ былъ уже капитаномъ, въ числѣ Потѣшныхъ, начальнымъ челоѣкомъ въ 3-й ротѣ. Въ 1695 г. капитаномъ же ходилъ подъ Азовъ, но въ 1700 г. послѣ несчастнаго для насъ побоища подъ Нарвою, онъ опять въ чемъ то провинился и былъ взятъ за карауль и привезенъ въ Преображенскій Приказъ. Въ 1709 г. онъ однако состоитъ вотчинникомъ сельца Очакова.

Возвратимся къ селу Волынскому. Въ 1646 — 1676 г. имъ владѣлъ уже Касимовскій царевичъ Сеитъ-Бурханъ, въ крещеніи Василій, Араслановичъ. При селѣ въ это время числилось двѣ деревни, Давыдково и Травино, и мельница съ 2 колесами. Въ 1704 оно принадлежало его сыну, Ивану Васильевичу, при которомъ упоминается уже и каменная церковь Спаса Нерукотвор., построенная около этого времени. Тогда въ Давыдково находился сокольничій дворъ царевича. Въ 1729 г. Волынское находится во владѣннн кн. Праск. Юрьев. Долгоруковой.

Выше Давыдково на лѣвомъ же берегу Сѣтуни, находится пустошь Жуковка, по старому Жуково, обозначенное въ 1627 г. бывшимъ селищемъ, т. е. оставленнымъ селомъ, или сбльцемъ. Она въ то время принадлежала дворянамъ Пушкинымъ, Воину да Петру, и заключала въ себѣ 18 десятинъ, въ трехъ поляхъ, сѣна 15 копень, лѣсу 5 десятинъ.

Еще выше по СФтуню, на правонъ ея берегу, въ 1627 г. находилась деревня Манухино, Оксеново тожь, съ мельницею— нѣмецкое колесо, противъ которой на лѣвомъ берегу стояла деревня Мельниковъ Жеребей, принадлежавшая къ сельцу Хорошову, Троекурово тожь. Въ началѣ XVII ст. этимъ мѣстомъ владѣлъ Ларіонъ Суинъ, извѣстный поссорѣ съ кн. Ромодановскимъ, въ которой попрекалъ, что Пожарскій, при вѣбраніи царя Михаила, будто бы и самъ подкупался на царство. Отъ Сумина оно перешло къ братьямъ Воину да Петру Пушкинымъ въ 1622 г. Тогда къ этому владѣнію принадлежала и пустошь Жѣковка, какъ упомянуто выше. Въ концѣ XVII ст. эта местность поступила во владѣніе извѣстнаго Арт. Серг. Матвѣева вмѣстѣ съ селомъ Одинцовымъ на большой дорогѣ, за Мамоновымъ и деревнею Акишевою на прудахъ, пожалованными ему изъ дворцовыхъ волостей и принадлежавшими въ 1617 г. братьямъ Совинымъ. На землѣ Манухина Матвѣевъ устроилъ село, подальше отъ рѣки, на горѣ, въ прекрасномъ мѣстоположеніи. Онъ же вѣроятно построилъ здѣсь каменную церковь Спаса, отчего село стало прозываться Спасское-Манухино тожь. Въ Одинцовѣ также стояла въ 17(т) г. деревянная церковь*св. муч. Артемона, построенная если не самимъ Матвѣевымъ, то его сыномъ Андреемъ, которому всѣ эти земли достались потомъ въ вотчину. По церкви Однцово называлось Артемоновскимъ. Недалеко отъ своей мельницы, по обѣ стороны дороги, Андрей Артемоновичъ поселилъ новую деревню Запрудную, названную такъ потому что по дорогѣ отъ Москвы она была за прудами, тогда же выкопанными. Теперь эта деревня называется СФтуню.

Извѣстна печальная участь Матвѣева—отца, родственника царицы Наталіи Кирилловны и потому очень близкаго человека къ царскому дому и именно къ родству Петра В. Эта-то близость и вліяніе на дѣла были причиною гибели боярина, который сначала былъ удаленъ отъ Двора и даже сосланъ на сѣверъ, въ Пустозерской острогъ, а потомъ, съ воцареніемъ наіолѣтнаго Петра, возвратившись въ Москву, былъ убитъ ктрѣльцами на Красномъ Крыльцѣ въ 1682 г.

Одинъ изъ его неаивистннковъ, окольничій Александръ Савост. Хитрово, тоже вотчвнннжъ Сѣтунскаго Стана, я сосѣдь Матвѣва, владѣлецъ села Окулова, Покровское тожъ, я деревни Яскино, дальше по большой дорогѣ, за Одинцовымъ, воспользовался паденіемъ знатяго чловѣка изъ его села Спасскаго я Артемоновскаго - Одинцова забралъ себѣ не только многіе пожитки я всякіе боарскіе заводы вмѣстѣ съ людьми, но даже перевозъ къ себѣ и хоромное строеніе; но потоиъ съ переиѣною счастья со. стыдомъ долженъ былъ все возвращать сыну погибшего, Андрею Артемоновичу.

Окулове въ 1627 г. принадлежало Андр. Ив. Загрязскому; а Яскино на прудѣ Андр. Ив. Чепчугову, какъ старинная родовая его вотчина. Въ 1709 г. Окулово находится уже во владѣніи Сибирскаго царевича Дмитрія Алксѣев., а Яскино осталось у Хитрово сына Ѳедора и въ 1704 г., было за его вдовою. Въ немъ была въ то время построена деревянная церковь Іоанна Богослова, но стояла неосвященною.

Недалеко, въ одной верстѣ за Спасскимъ, вверхъ по Сѣтуні, находится село Троекурово. Въ XVI ст. оно было себѣцомъ и принадлежало окольничему Ив. Ив. Годунову, о котормъ мы упомянули выше, потомъ перешло къ кн. Ив. Ѳед. Троекурову, а отъ него къ его сыну кн. Борису Ив. Троекурову (1627 г.), и затѣмъ ко внуку Ив. Борис. (1678 г.), при котормъ вѣроятно построена въ немъ каменная церковь во имя Никола съ придѣломъ Алексѣя митр., какъ о томъ значится въ 1704—1709 гг., когда село принадлежало уже дѣтямъ Ив. Борис., Алексѣю, Петру, Александру и племянницѣ Прасковья Ѳед. Троекуровымъ. Въ то время село обыкновенно называлось Хорошовымъ, по красотѣ мѣстоаоложенія, и Троекуровынь стало прозываться уже по имени постоянныхъ на цѣло столѣтіе его владѣльцевъ.

За Троекуровымъ въ 3-хъ верстахъ прямо къ югу въ древнее время (1627 г.) лежала пустошь Вавули некая, принадлежавшая московской церкви Введенія Богородицы Златоверхой, что въ Китай городѣ, близъ Гостиннаго двора. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на втой пустоши было барское село, сок-

женное и разоренное Французами въ 1812 г. Не это ли мѣсто принадлежало при Екатеринѣ гепераль-поручику Петру Богд. Пассеку, изъ вотчины котораго, на Можайской дорогѣ въ 13 верстахъ, продавало^ въ 1769 г* множество кирпичу, теса- наго бѣлаго камню, желѣзныхъ связей и проч., заготовлен- ныхъ вероятно для устройства дома и разныхъ строенщ, остатки которыхъ съ обширнымъ уже спущеннымъ прудомъ и двумя курганами существуютъ и доселѣ.

Въ 3 верстахъ за Ваулинымъ на Новокалужской дорргѣ примѣтимъ деревню Суково, въ началѣ XVII ст. сельцо, принадлежавшее известному Тушинскому боярину кн. Дм. Тимоф. Трубецкому, потомъ его вдовѣ АннѣБасильевнѣ, перешедшее за тѣмъ (1646 г.) къ боярину кн. Алексѣю Никити- чу Трубецкому, который живаль въ старинной своей вотчинѣ, селѣ Говоровѣ, на прудѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Сукова на востокъ, на большой Боровской дорогѣ. Въ Говоровѣ тогда существовала деревянная церковь Рождества Богородицы съ придѣломъ Ѳедора Начертаннаго (1627 г.) Въ 1678 г. село принадлежало князю Юрью Петровичу Трубецкому,, а потомъ (1704 г.) его сыну Юрью. Такимъ образомъ эта мѣст- ность по южной границѣ Сѣтунскаго стана находилась въ старинномъ владѣнн князей Трубецкихъ.

Еще дальше къ востоку три версты лежитъ тоже пограничное съ Ратуевымъ станомъ древнее село^Т ропарево на Тропаревскомъ оврагѣ. Въ XVII ст. оно принадлежало Ново- дѣвичьему монастырю. Въ немъ изстари существовала церковь Чуда архистратига Михаила, сожженная вѣроятно въ Смутное время, ибо въ 1627 г. въ селѣ значится только пустое церковное мѣсто. Въ селѣ находился монастырскій дворъ, управлявшій монастырскимъ хозяйствомъ; въ немъ жили мо- настырскіе дѣтеныши, какъ назывались тогда крестьяне и слуги, вышедшіе изъ сиротъ, призрѣваемыхъ монастырями. Имя Тропарева сохранилось по всему вѣроятію отъ перваго его владѣльца, какого- то боярина, о которомъ въ лѣтописи 1393 г. читаемъ: „Сентября въ 21 день преставися Иванъ Ми-

хаиловичъ, нарицаемый Тропарь, въ бѣльцѣхъ и положенъ въ своемъ монастыри на селѣ своемъ...*

Въ 3-хъ верстахъ вверхъ по Сѣтуни отъ Троекурова ле- жить деревня Сколково. Въ началѣ XVIIст.ею владѣла вдова думного дьяка Петра Алексѣева Третьякова, Варвара съ дѣтьми. Тогда деревня была селомъ на прудѣ, съ деревянною клѣтски церковью Рождества Богородицы съ придѣломъ Петра Аѳонскаго, отчего прозывалась и Рожественнымъ.

Думный дьякъ Третьякову скрѣпившій грамоту объ избра- пии на царство Михаила, оставилъ по себѣ и еще память въ замысловатой надписи на собственной серебряной братипѣ, которую въ 1618 г. его вдова поднесла въ даръ государю, быть можетъ, какъ наиболее дорогой семейный свой памятникъ. Братина русскаго хорошого издѣлія, украшена чеканными изображеніями звѣрей и травъ, между которыми въ четырехъ клеймахъ старинною вязью написано: „Братина Петра Алек- сеевича Третьякова*. Внутри, на днѣ вокругъ изображенія бражника надпись гласить: „Человѣче! Что на мя зриши? Не проглоти/ь ли мя хоцещи? Азь есмь бражпикъ. Воззри, чело- вѣче, во дно братины сеи и открывши тайну свою.* Надпись продолжается снаружи по вѣнцу сосуда: „Вѣси убо, человѣ- че, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра, питіежь во время жажды; сиче же—ис- тинный другъ во ^ремя утѣшенія и скорби. И вси убо прика- сающіеся сладости сей съ любовію, по разуму, вѣсытость,— веселіе со други и тѣлесемъ красоту и сердца и ума простран- ствіе почерпають и радостию со други своими веселяшеса ис- піють. Хотящимъ же убо къ сему приступити со враждою, не сытное ихъ убо достоинъ отъ сего дому всегда отгоняти за- ботно.*

Въ 1646 г. Сколковымъ владѣлъ окольнічій Григорій Гавр. Пушкинъ, въ 1678»околын. Матв. Степ. Пушкинъ; а въ 1704 г. оно было за губернаторомъ, знаменитымъ Александр. Данилов. Менщлковымъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ. Къ Сколкову тогда принадлежали и деревни: Мамонова на суходоле, въ 3-хъ верстахъ, на большой дорогѣ, л Нѣмчинова на

Сѣтуни, въ (Одой вѣрстѣ. Свѣтлѣйшій князь вместо ветхой построилъ здесь новую церковь, деревянную же, одноглавую, а себѣ каменный дворецъ, въ которомъ не однажды живаль во время пребыванія въ Москвѣ. Дабы ознакомиться съ подмосковнымъ жилищемъ свѣтлѣйшихъ лицъ первой четверти XVIII ст. предложимъ здѣсь вкратцѣ описаніе этого дворца, которое впрочемъ относится уже къ 1740 году и потому за- стаетъ жилище въ опустѣломъ состояніи.

Первая палата большая, называемая залтѣ, которая стоитъ въ срединѣ всѣхъ палатъ; въ ней 9 оконъ; передъ палатою крыльцо, подъ крыльцомъ выходъ, передъ выходомъ цо- гребъ. Съ крыльца по правую сторону находилось рядо'мъ шесть палатъ, каждая съ тремя окнами, съ особыми передъ ними обширными сенями; столько же и такихъ же палатъ находилось и по лѣвую сторону отъ залта, также съ тѣснѣями. Весь корпусъ стоялъ на Фундаментѣ въ длину на 24, а поперекъ на 20-ти саженьяхъ. Полы во всѣхъ комнатахъ и въ сѣняхъ были дощатые, оконницы изъ стеколъ въ свинцѣ; потолки накатные, подмазанные штукатурною работою. Въ палатахъ было 27 дверей, въ томъ числѣ 10 расписанныхъ красками, съ желѣзнымъ луженымъ приборомъ; печей было 10 изразцовыхъ; изъ остававшейся мебели 9 шкафовъ и 3 круглыхъ стола писаны красками. На дворѣ стояли особо деревянная поварня, коцюшня и приворотная изба. При дворце находился плодовой садъ, гдѣ росли яблони, груши, вишни, крыжевникъ, смородина; садъ и дворъ были огорожены плетнемъ.

Относительно селеній, Мамонова и Нѣмчинова, должно заметить, что въ началѣ XVII ст. первое принадлежало Троице-Сергіеву монастырю, а потомъ Дементью Погожему и было селомъ, на прудѣ; владелецъ въ 1627 г. построилъ въ немъ церковь Вознесенія, клѣтски, на мѣсте прежде бывшей, сожженной въ Смутное время. Деревня Немчинова тогда тоже принадлежала Троицкому монастырю, и называлась еще Бедринымъ, -Баса лаево тожъ.

Въ этой же окрестности, по южному предѣлу древняго Селунскаго Стана, замѣтимъ еще селенія Орловой Румяц-

цево, которые въ XVII ст. принадлежали Чу^ву монастырю. Въ числѣ ихъ пустошей находилась одна, гдѣ бываеъ изстрри Погостъ Покровскій на оврагѣ у рѣки Сѣтуни. Съ этого древняго погоста деревянная церковь Покрова въ началѣ XVII ст. была перенесена въ Орлово, которое потону и стало селомъ.

Картмазовона Сѣтуни—въ XVII ст. сельцо, владѣнье князей Дологоруковыхъ, боярина Владиміра и стольника Ивана Дмитріевъ., перешедшее потомъ къ ихъ дѣтямъ. Въ 1704 г. въ нень была уже церковь Успрніа Богородицы.

Въ трѣхъ-верстахъ отсюда на востокъ въ селѣ Саларевѣ (древняго Сосеннаго стана) - изъ прудовъ вытекаетъ рѣчка Сѣтунь.

Губ кино, на оврагѣ да на прудѣ, упоминаемое въ грамо- тахъ еще въ половинѣ XV вѣка. Въ концѣ XVI ст. оно быдо во владѣнни боярина кн. Дм. Ив. Хворостипина и сына его Юрѣя, а въ 1628 г. куплено кн. Дм. Петр. Пожарскимъ-Лопатою, который поставилъ здѣсь себѣ дворъ. Въ 1704 г. имъ владѣлъ стольникъ кн. Вас. Гр. Щербатовъ.

По западной границѣ Сѣтунскаго Стана расположены:

Отъ Окулова (на большой дорогѣ) на сѣверъ къ Москвѣ рѣкѣ, въ 4-хъ верстахъ, Л а й к о в о—М е л т е х и в о, на оврагѣ, старинная вотчина князя Юр. Дм. Хворости! и на, въ 1678 г. принадлежавшее кн. Борису Алексѣев. Голицыну, близкому человѣку Петра В.

- Дальше еще на 4 версты, близь Москвы рѣки, У с о в о, Спасское тожъ; въ 162? г. село съ деревянною церковью Спаса, клѣтски, съ придѣлами Михаила Малеипа да Ѳедора Страти- лам, вотчина кн. Ѳед. Сицкаго, потомъ въ 1646 г. вотчина боярина Глѣба Ив. Морозова, а въ 1678 и 1704 стольниковъ Ивана и Мих. Аван. Матюшкиныхъ. Изъ 10-ти его пустошей при- мѣчатѣдны, Любятина на прудѣ, Болотова у болота и „Городище на рѣкѣ на Москвѣ, усть рѣчки Медвенки.*

За тѣмъ, въ той лее мѣстности версты на 4 ближе къ-Москвѣ, Подушкино, въ 1627 село, Рождествено тожъ, на оврагѣ, у рѣчки Самынки, съ дерев., церковью Рождества Богородицы и

придѣломъ Покрова, клѣтски. Въ XVI ст. оно было вотчиною Сем. Висковатаго; потомъ имѣвладѣльмосков. гость Ив. Гавр. Сверчковъ, родъ котораго извѣстепъ и въ XVII ст. Одинъ изъ его потомковъ построилъ церковь Успенія на Покровке. Въ 1678 Г. Подушкино находилось въ вотчинѣ окольнич. Матв. Богд. Милославскаго и въ его родѣ у сына Алексея оставалось и въ начале XVIII ст., 1704—1709 г. Въ одной версте па западъ отъ села, за рѣчкою Самынкою, находится древнее городище.

Отъ Подушкина недалеко — Шулъгинѣ, въ 1627 г. сельцо на прудѣ, некогда принадлежавшее боярину Ив. Вас. Голицыну, погибшему въ смутное время за прямое стоянье Противъ Поляковъ и измѣнничьихъ интригъ другихъ боярь. Въ 162[^] г. и 1646 г. оно принадлежало окольничему Льву Ив. Долматову-Карпову, а потомъ въ 1678 г. монастырю Саввы Сторожевскаго.

Раздоры, деревня на рѣчке Шаченкѣ, въ 1704 г. находилась за стольникомъ, а въ послѣдствіи очень знаменитымъ верховникомъ кн. Дмитр. Мих. Голицынымъ; ему же досталась за женою отъ кн. Якова Никит. Одоевскаго прежняго вотчинника (1678 г.). Кн. Голицынъ былъ владѣльцемъ и села Архангельска[™], которое онъ первый сталъ устраивать съ бароюю широтою и великолепіемъ *).

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ Раздоровъ находится деревня Дубровка — Поповка, принадлежавшая въ XVII ст. ключарю Успенскаго собора Якову Иванову. Она тогда состояла изъ одного только двора и при переписи въ 1704 г. совсѣмъ пропала. „Той деревни, по нынешнему наезду, отмечено въ писцовой книгѣ, несыскано и Сѣтунскаго Стану старосты и крестьяне нигде не указали и кто ею владеетъ не сказали“. Въ старину подобныя пропажи очень часто случались.

Речкою Медвенкою, съ городищемъ на ея устье, Сетунскій Станъ отделялся отъ Медвепскаго, въ которомъ ближайшія селенія, принадлежали: Сарыеву Родіону Матв. Стрешневу;

*) Сг. наши Опыты взуіенія Руссиигъ Древностей и Исторіи, часть 2, стр. 330,

Перхушково, откуда вытекает Медвенка, князьям Черкасским; Соларево, Солословлево тожъ и Бузаева, Фед. Ив. Шереметеву съ родичами (Бузаевой прежде владѣль дьякъ Елизаръ Вылузгинъ; тогда въ ней была и церковь св. Троицы); Денисово—Знаменское, въ началѣ XVII ст. принадлежавшее Алексѣю Луговскому, а послѣ боярину Кириллу Полуехтовичу Нарышкину,--потомъ боярину Борису Ив. Прозоровскому, котораго братъ Петръ Ив. владѣль селомъ Петровскимъ на той сторонѣ Москвы рѣки, вблизи Ильинскаго.

Сѣверный уголь Сѣтунскаго Стана, округляемый Москвою рѣкою, въ которомъ теперь находятся селенія: Рублево, Лугъ, Мякинино, Строгино, Троицкое, въ началѣ XVII ст. принадлежалъ частію боярамъ Романовымъ, частію князьямъ Лыковымъ. Именно Острогипо находилось въ вотчинныхъ земляхъ великой инокини Марѣи Ив., матери царя Мих. дед., вмѣстѣ съ селомъ Хорошовымъ и Щукинымъ на томъ берегу Москвы-рѣки и Крылатскимъ, на этомъ берегу.

Село Троицкое-Лыково, на Москвѣ рѣкѣ, нѣкогда было деревню Черевково и пожаловано съ окрестною местностью при царѣ Васильѣ Шуйскомъ въ вотчину за службу, за Московское осадное сидѣнье, кн. Борису Мих. Лыкову, изъ его же прежняго помѣстья. Послѣ того Лыковъ выстроилъ здѣсь деревянную церковь Троицы (клѣтски); назвалъ деревню селомъ Новымъ Троицкимъ, а деревню перенесъ на мѣсто стараго села Троицкаго. гдѣ она и теперь находится подъ именемъ Черепкова. Къ этому Новому Троицкому принадлежалъ починокъ, что прежде была пустошь, Верхнее Рублево, которую Лыковъ купилъ въ 1620 г. у князя Ивана Вишневецкаго; также пустошь Лукино, теперешняя деревня Лугъ. Послѣ Лыковыхъ ихъ вотчина поступила въ дворцовое* ведомство, откуда въ 1690 г. сентября 1 была пожалована боярину Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину, а въ 1698 генв. 11 по именному указу справлена за бояриномъ Львомъ Кирилловъ, и его матерью, вдовою Кириллы Полуехтовича, боярынею Анною Леонтьевною, матерью царицы Наталіи Кирилловны. Въ 1704 г. составъ этого владѣнья заключался въ сѣѣ Троицкомъ, въ ко-

торомъбыло две церкви, каменная во имя Троицы, и деревянная во имя Успенія Богородицы, и въ деревняхъ Черепковой, Рублевой, Мякининой, Луки, Острогино съ часовнею на старомъ кладбищѣ. О дальнейшемъ переходе этой, вотчины скажемъ ниже.

Приближаясь отъ этихъ мѣстъ внизъ по Москве-реке, къ Кунцову, встрѣтимъ на пути древнее село Крылатское, на Москве р. и на рѣчкѣ Мелепкѣ, съ деревнею (Татарово). Въ 1423 г. оно принадлежало в. к. Василию Дмитриевичу, а прежде было за какимъ-то Татаромъ, оставившемъ свое имя въ названіи деревни Татаровой, бывшей въ 1572 г. селомъ же. Со времени Василя Дм., Крылацкое постоянно находилось въ числе государевыхъ вотчинъ и было очень любимо царемъ Иваномъ Вас. Грознымъ, который, возвращаясь по этой дороге изъ Волоколамскаго или Можайска, всегда въ немъ останавливался. При немъ оно называлось Крылецкимъ и въ духовной царя, 1572—78 г., было отказано царевичу Ѳедору, второму сыну, который после былъ царемъ.

Въ 1554 г. осенью на возвратномъ пути изъ объезда въ Клинскіе леса, на Волокъ и въ Можайскъ, царь останавливался въ Крылацкомъ по случаю освященія въ немъ церкви.

Въ 1563 г. въ Крылацкомъ же встрѣчалъ царя младшій сынъ Ѳедоръ, при возвращеніи изъ Литовскаго очень счастливаго похода, когда завоеванъ былъ Полоцкъ. 20 марта здесь былъ большой пиръ, а на другой день, когда государь выехалъ въ Москву и ехалъ Крылацкимъ полемъ, къ нему явился бояринъ Троханіотовъ съ новою радостью, что Богъ даровалъ царице сына Василя, который однако скончался младенцемъ, черезъ 5 недель.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. Крылацкое съ Хорошовымъ принадлежало боярамъ Романовымъ, какъ можно судить по указанію, что оно числилось въ вотчинахъ инокини Марѣы Ив., матери царя Михайль Ѳед. и супруга Ѳедора Никитича, а потомъ Филарета—патріарха. Такимъ образомъ при ц. Михаиле оно снова поступило въ дворцовыя вотчины. Въ 1680 г. въ сѣде стояла деревянная ветхая церковь Рождества

Богородицы построенная изстари, быть можетъ еще при царѣ Иванѣ Грозномъ. Въ Хорошовѣ со временъ царя Михаила существовалъ деревянный царскій дворецъ, подлѣ церкви, въ которомъ во время охотничьихъ отъѣздовъ цари часто останавливались и выѣзжали нерѣдко сюда' на летнее* временное житье.

Остается упомянуть о деревнѣ Мневники на томъ берегу Москвы рѣки противъ Крылатскаго, которая въ старину тоже была дворцовая и прозывалась Ъхаловымъ. Въ ней жили государевы рыбные ловцы и ничѣмъ больше не были обязаны, какъ только ловить на государевъ обиходъ па Кормовой дворецъ рыбу Мни, отчего вѣроятно и деревня стала прозываться, съ ловцами за одно, Мневниками. Въ 1646 г. въ ней была 16 дворовъ ловецкихъ, людей 42 человека, дворъ бобыльскій съ 3 чел., и дворъ нищенскій. Она и поселена была на урочище Мнявнильемъ Истоке.

Общее обозрѣніе и изученіе древняго Сѣтунскаго Стана приводитъ къ слѣдующимъ свѣдѣніямъ: кроме указанныхъ главныхъ поселеній, въ немъ было множество такъ называемыхъ пустошей, то есть оставленныхъ, запустѣлыхъ мѣстъ прежняго населенія, прежнихъ деревень, который, состоя по старому обычаю изъ одного, или двухъ-трехъ дворовъ, были разсыпаны по всюду, и показываютъ, что если населеніе не было густо, то было повсеместно, на всякой сколько нибудь удобной для хозяйства местности. Это же подтверждаютъ и разсыяныя купы кургановъ, а вместе съ темъ и нерѣдкія городища, какъ древнѣйшіе пункты защиты и надежный убежища дляокрестныхъ деревенекъ, уходившихъ отъ опасности въ эти завѣтныя трущобы.

Многочисленность однодворныхъ поселеній, какъ'имъ въ начале было и само Кунцово, обнаруживаетъ^ что въ древности весь Сетунскій Огань былъ покрытъ непроходимымъ лесомъ, въ которомъ первобытное населеніе пролагало себе дорогу для удобства жизни посредствомъ розчистей леса для новой цашни, что въ собственномъ смысле и обозначало деревню. Въ

первобытное время это. слово могло означать именно лѣсное местожительство, такъ какъ и целое славянское племя, жившее въ лѣсахъ, называлось тоже: Древляне, иначе Деревляне, Деревя. Но корень этого слова какъ основательно толкуютъ, скрывается въ глаголе драть, деру, *) чл въ глубокой древности, по смыслу многихъ производныхъ словъ, значило ронять, сѣчь, разчищать лѣсъ, откуда дрова, и отсюда же областное слово доръ, то есть разчищенное место въ лесу для пашни, розчисть, а также и дворъ— поставленное на этой розчисти жилье; дерть и дерти прямо означаютъ мѣсто срубленнаго леса съ кустарникомъ отъ пней, сечу. Драть вместе съ темъ значить вспахивать целизну; а следовательно и пфолгать дорог у.

Все это приводитъ насъ къ той отдаленной древности и къ темъ первоначальнымъ условіямъ быта, когда способъ жизни для обитателя нашихъ лесныхъ пространствъ, заключался единственно только въ устройстве лесной розчисти, въ вырубке леса и для пашни, и для сенокоса, и для двора, и для проезжей дороги. Эта-то розчисть, добытая вырубкою, деренемъ леса и называлась тоже, быть можетъ, деренью (дернь, одерень) или деревнею. Самое прозваніе Древлянъ обозначало именно обитателей разчищенныхъ въ лесу местъ, ибо они жили хотя и въ лесахъ, но оседло и занимались пашнею.

Такимъ путемъ расселеніе Русской Земли продолжалось до позднейшаго времени. Для примера, какъ оно происходило, приведемъ свидетельство 1491 г.. Въ томъ году дворецкій митрополита отдаетъ напр, некоему Савѣ Никифорову пустошь Новипскаго монастыря, где-то вблизи, „на Перепечике (въ 1410—1431 деревня Перепечина) у Москвы у реки, на березе,“ т. е. на берегу, и говорить между прочимъ, что „Сава хочетъ на той пустоши себе дворъ ставить и лѣсъ сечи и розсѣливати^a, а если крестьянъ сзоветъ, прибавляетъ дворецкій, то льготы ему отъ всякихъ проторовъ и тягла на 4 года.

*) Справ. «О зекеевскихъ вѣдѣвіяхъ нитропоітовъ і пр., т. Горчаюва, стр, 199,

Прозваніе деревень и особенно пустошей по большой части давалось отъ іичпыхъ прозвищъ первы'хъ заселителей такихъ мѣсть. Конечно, топографическія особенности мѣсть внесли сюда также не мало именъ, но наибольшая ихъ часть указы- ваеть на прозвища^ичныя, какими нашъ языкъ былъ рчень богатъ и въ позднѣйшее время. Въ томъ же Сфтунскомъ Стану, въ 1704 году, обитали крестьяне съ такими^ наир, прозвищами: Максимъ Расхохоня, Пыка, Зога, Вага, Бормотъ, Бордунъ, Балака, Бирдасъ, Басалай, Дудоръ, и пр.

Первое известие о Кунцовской местности относится к 1454 г., когда, Февраля 15, старейший язык боярь в. к. Василия Дмитриевича и его сына Василия Васильев. Темного, намѣстникъ Ростовскій Петръ Константиновичъ, *) отдалъ на поминокъ своихъ прародителей и родителей и по своей душѣ и по всему своему роду, св. митрополиту Ионе, въ Домъ Пречистыя Богородицы, къ Успенскому собору, принадлежавши ему монастырь св. Саввы на Москвѣ, на Посаде, теперь приходская церковь близъ Дѣвичьяго монастыря. Къ тому монастырю кроме его земель опъ придалъ еще свою мельницу на устьѣ Сетуни да две деревни у Крылатска (у Крылатскаго), ОлФерчиково да Ипское, **) и со всемъ съ темъ, что къ нимъ изстари по-тягло. Какая местность скрыта подъ именемъ ОлФерчикова, намъ неизвестно, но про Ипское можемъ достоверно сказать, что эта деревня съ темъ же именемъ существовала до конца XVII ст. на месте теперешней Кунцовской липовой рощи и была переселена потомъ къ Мазилу.

*) Фамилія и нѣ прозвище втораго неизвѣстны, ибо въ древнее время яныше- свѣ дровниини и бояре рѣдко при своихъ именахъ употребляли прозвище. Тогда боярь было не много ■ всяоумо было извѣстѣю, іто таювь Петръ Константинович!'. Пріпомнимъ, что въ 1433 г. на свадьбѣ вел. ін. Василия Вас. втотъ Петръ Константиновичъ узналъ на Васильѣ Еосомъ подмѣенный у Дмитрія Донслаго золотой поясъ я сіазаль о томъ Софѣѣ Витовтовнѣ, юторая тотчасъ его и отняла у Косаго. Въ 1408 г. воевода Одоинсвій, ЭднгеВ, нагавшій страіѣ осадюю Иосявы и потомъ внезапно ушедшій, писалъ съ дороги Великому Князю, совѣтуи ему, если ючетъ вить въ мирѣ съ Ордою, то сіушалъ бы доброй думы старыхъ боярь и очень выхвалялъ за эту добрую думу Петра Константиновича.

**) Въ XV в. въ большомъ ходу было суіно Ипсюе, называемое таіѣ отъ на- іото либо города али страны, отуда прививилое на Русь.

Такимъ образомъ ОлФерчиково находилось гдѣ либо не вдалеке. Боярипъ Петръ Конст. въ той же вкладной грамотѣ говоритъ, что тѣ деревни онъ вымѣнялъ у владыки Ростовскаго Григорія, строителя Дарогомйловскаго архіерейскаго двора. Когда, какъ увидимъ, Кунцовская местность, переходъ изъ рукъ въ руки, въ 1689 г. снова поступила въ домъ Пречистыя Богородицы, къ Успенскому Собору, то при этомъ въ отказной книгѣ, тогдашнемъ крѣпостномъ документѣ, было помянуто, что отдана земля въ домъ Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ по прежнему. Это свидѣтельствоvalo объ очеь старой памяти, что земля когда-то была митрополичья, какъ вполнѣ и подтверждаетъ упомянутая вкладная грамота 1454 г.

Ростовскому владыкѣ Григорію Кунцовская местность тоже вѣроятно была отдана ра помипъ души изъ боярскихъ же или великокняжескихъ удѣльныхъ вотчинъ, ибо близлежащими землями по Ходынскому полю владѣлъ въ то время кн. Владиміръ Андреевичъ, братъ Донскаго, у котораго и дворець былъ па Трехъ Горахъ и который потомъ завФЩаль эти земли Новинскому монастырю.

Какъ бы ни было, но исторія Кунцова можетъ начинаться отъ начала XV в., слѣд. чуть не за 500 лѣтъ до нашихъ дней.

Однако первое извѣстіе о самомъ Кунцовѣ и съ его именемъ относится къ началу XVII ст. Это имя встрѣчается не рѣдко при обозначеніи топографическихъ мѣстностей или урочищъ. Подъ Смоленскомъ етъ село Кунцово—Милово, прозваніе котораго быть можетъ и возстановляетъ древній смыслъ этого имени, ибо въ разговорномъ языкѣ XVI ст. слово-кунка означало напр, тоже что милая; въ областномъ языкѣ кунить значитъ хорошеьтъ, купочкою зовется хорошо одѣтая дѣвочка(Г, такъ какъ к у ниц ею величаютъ въ свѣтствѣ дѣв- ку—невѣсту, к у на к ъ значитъ пріятель, кунюшка — милый, любезный; и въ добавокъ купа, кунка, куночка значитъ горсть, пригоршни, даже чаша, что въ отношеніи къ Кунцовской мѣстности можетъ указывать на лежащую передъ нею широкую и совсѣмъ круглую чашу—котловину москворѣц-

ваго дуга. Куноворотъ тоже означаетъ кругъ, водоворотъ, пучину, водовертъ, что также можетъ указывать на крутые и круглые переверты Москвы-рѣки именно въ виду Кунцова.

Въ началѣ XVII ст. именемъ Кунцова прозывалась небольшая деревушка, стоявшая на лѣвомъ берегу рѣчки Хвилки, вѣроятно гдѣ либо противъ теперешняго пруда. Деревушка принадлежала селу Хвилямъ (Покровское), а село со всею окружною мѣстностью по рѣчкѣ Хвилкѣ, начиная почти отъ ея истока и до впаденія въ Москву-рѣку, было старинною родою вотчиною князей Мстиславскихъ. Въ 1622 г. послѣ смерти послѣдняго изъ князей Мстиславскихъ, боярина Ѳедора И^а, село съ деревнями и пустошами царь Михаилъ Ѳедоровичъ укрѣпилъ за сестрою боярина, за княжною-старицею Ириною Ивановною, послѣднею изъ Мстиславскихъ. Такимъ образомъ исторія Кунцова совпадаетъ съ исторіею княжескаго рода Мстиславскихъ и можетъ начинаться съ тог^аже времени, когда этотъ знаменитый боярскій родъ сдѣлался извѣстнымъ въ отечественной исторіи. Князья Мстиславскіе происходили отъ Гедмина, великаго князя Литовскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Рюрикова колѣна, отъ великихъ князей Тверскихъ. Родоначальникъ ихъ Михаилъ Ижеславскій былъ праправнукъ Евнутія, (Явнута + 1366), третьяго Гедминова сына, а его супруга, княжна Ульяна, была праправнукою четвертаго Гедминова сына Ольгерда (-J* 1377), женатаго на дочери в. к. Тверскаго Александра Михайловича, тоже именемъ Ульянѣ.

Отъ соединенія великокняжескихъ колѣнъ, литовскаго и русскаго, и притомъ въ одномъ же своемъ литовскомъ племени произошелъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, прозванный такъ по матери, за которою въ приданое данъ былъ городъ Мстиславль.

Извѣстно, что Литва въ первое время своей исторіи сильно тянула къ православной Руси, сильно подчинялась вліянію русскому, русскимъ нравамъ, обычаямъ, русскому языку и вѣрѣ. Литовскіе князья съ своимъ цародомъ годъ отъ году все больше русѣли. Они были завоевателями Руси въ несчаст-

ное для нея время княжеских усобицъ и земскаго раздробленія. Они тогда захватили всю юго-западную половину русской земли и какъ лесные дикари по необходимости должны были принимать русское образованіе, по той простой причине, что какъ бы ни было мало это образованіе, оно все-таки было христіанское и стояло неизмеримо выше литовскаго, только что выходившаго изъ лесовъ и отъ грубаго язычества.

Но Литва жила на рубеже между Польшею и Русью, а лучше сказать между Западною и Восточною церковью, между католичествомъ и православіемъ. Очевидно, что по той же причине, какъ язычница, она должна была подчиняться и вліянію католической Польши и вместе съ нею, находясь между двумя сильными и христіански-образованными народностями, рано ли, поздно ли, должна была утратить свою самостоятельность и независимость и совсѣмъ слиться съ кемъ либо изъ своихъ христіанскихъ соседей. Поэтому ея исторія и жизнь постоянно склонялись то на ту, то на другую сторону, а отъ того и лучшіе ея люди постоянно переходили или къ Польше или къ Руси, особенно когда Русь стала крепка и тверда Москвою, стала способною защищать себя и своихъ добрыхъ слугъ.

Таисимъ путемъ, многіе изъ литовцевъ и самые князья Гедиминовичи, начиная еще съ сыновей Ольгерда, довольно часто переходили изъ Литвы служить в. князьямъ московскимъ. Ольгердовичи выехали еще къ Дмитрію Донскому въ Мамаевъ приходъ; о боярахъ и другихъ менее знатныхъ людяхъ нечего и упоминать. Москва сильно тянула къ себе всехъ недовольныхъ Литвою, а особенно техъ, которымъ приходилось жить между двухъ огней, где либо на рубеже; они по неволе должны были искать, где бы лучше и покойнее пріютиться: православные, разумеется, выбирали православную Москву. Быть можетъ по темъ самымъ причинамъ въ 1526 г. отъѣхалъ служить въ Москву и князь Федоръ Михайловичъ Мстиславскій. Путь ему былъ указанъ еще его отцемъ, кн. Михаиломъ Ижеславскимъ, котораго въ 1514 г. во время литовской войны отдался безъ сопротивленія в. к. Василию Ив. и съ сво-

имъ вотчиннымъ городомъ Мстиславлемъ, хотя вскорѣ, по случаю успѣховъ литовскаго короля, опять возвратился въ подданство Литвы. Но это показывало только крайнюю беззащитность и шаткость положенія тогдашнихъ малыхъ удѣльныхъ княжествъ. Его сынъ, кн. Ѳеодоръ Мих., рѣшился со всѣмъ покончить съ своею вотчиною независимостью и отѣхалъ не службу въ Москву. Здѣсь государь принялъ его съ большимъ радушіемъ, пожаловалъ ему въ кормленіе много вотчинъ, въ числѣ которыхъ были даже и города, Ярославецъ (Малый) и Кашира. Въ то же время ему непременно дано было и подмосковное помѣстье, — что почиталось тогда необходимою для каждаго боярина и близкаго къ государю челоука. Но была ли это именно Кунцовская мѣстность, неизвѣстно, хотя и нѣтъ повода въ этомъ сомнѣваться, потому что она всегда называлась старинною вотчиною Мстиславскихъ; старинная значило самая первая по времени владѣнья.

Однако нововыѣзжему князю, какъ видно, не полюбилось житье въ Москвѣ, подъ крутою и крѣпкою властью московскаго государя, и онъ сталъ помышлять о возвратномъ пути въ Литву; но это было не совсѣмъ легко. Москва тѣмъ особенно и отличалась, что любила всякое дѣло дѣлать основательно и ставить его твердо. У ней былъ такой обычай: если что разъ переходило въ ея область и въ ея руки, то почитала она своимъ навѣки, не смотря ни на какія превратности счастія и обстоятельствъ. Этимъ кореннымъ ея обычаемъ она и успѣла создать русское крѣпкое государство. Она шутить не любила и играть въотѣзды боярамъ воли не давала. По ея понятіямъ, такой поступокъ, какъ отѣздъ къ чужому государю, почитался государственною измѣною. Между тѣмъ бывшіе удѣльные князья и бояре разсуждали иначе и думали, что вольнымъ слугамъ, — воля на всѣ четыре стороны, и что если невозможно уйдти открыто, то возможно убѣжать тайно. О такой именно мѣсли сказами государю про Мстиславскаго, сказали, что онъ помышляетъ уйдти опять въ Литву. Можетъ быть это была и клевета. Самъ государь этому не повѣрилъ и по прежнему жаловалъ князя; но князь, чтобы очистить себя отъ подозрѣ-

иія, далъ на себя государю крѣпкую завѣсь съ поручительствомъ митрополита Даніила (котораго поученія мы приводили выше), и всего духовенства, всего духовнаго собора; и на томъ цѣловаль крестъ у гроба чудотворца Петра, что никакъ не измѣнить московскому государю. Государь пожаловалъ его больше прежняго и женилъ даже на своей племянницѣ, княжпѣ Настасѣ Петровне, дочери казанскаго царевича Петра, который, принявъ православную вѣру, былъ женатъ на государевой сестрѣ Евдокиѣ.

Однако въ это-то время Мстиславскій уже серьезно помыслилъ уехать изъ Москвы и отдаться Литовскому королю. Должно быть очень не нравился ему московскій обычай и московскіе порядки жизни. Тогда, узнавши объ измѣнѣ, государь прогнѣвался и положилъ на него свою опалу. По заступленью митрополита и владыкъ, а главное по случаю всеобщей радости о рожденіи государю наследника (Ивана Грознаго) Мстиславскій успѣлъ выпросить прощенье въ своей винѣ и далъ новую крѣпкую запись, что служить будетъ верно и государево дѣло дѣлать прямо, безъ всякой хитрости. После того Мстиславскій не думалъ уже объ отъезде. Пользуясь своимъ знатнымъ происхожденіемъ, на службѣ онъ занималъ всегда передовое место и съ честью не одинъ разъ разбивалъ татарскіе полки, по тогдашней московской украинѣ, на Оке и Волгѣ. До сихъ поръ въ Оружейной Палатѣ сохраняется его богатырская сабля, заслуживающая особаго вниманія по своей величинѣ и тяжести. На ней подписано: „сабля княжъ Ѳедора Михайловича Мстиславскаго“¹¹. Слово княжъ обозначаетъ что сабля принадлежала ему еще тогда, когда онъ не былъ бояриномъ, а былъ молодымъ человѣкомъ. На ней есть также арабская надпись: „работа Абдуль Али, уроженца ка-шемирскаго.“[№]

Супруга Ѳед. Мих., Настасья Петровна, въ то же время первенствовала при Дворѣ у в. кн. Елены (Глинскихъ), занимая всегда первое место при торжественныхъ ея столахъ и приемахъ. И по муже, и по происхожденію, какъ урожденная царевна и притомъ родственница государю, она на самомъ дѣлѣ

была первою особою государынина Двора. Съ исторією Купцовской местности связано быть можетъ ея имя, ибо подъ Дорогомиловымъ кладбищемъ, на Москвѣ рѣкѣ, гдѣ нѣкогда производились каменные ломки, еще въ XVII ст. существовало урочище, прозывавшееся Настасѣинымъ плесомъ итуть же была пустошь Настасѣина. Вся эта загородная местность, по берегу Москвы-рѣки до самаго Кунцовскаго городища, могла въ самомъ дѣлѣ принадлежать князю Мстиславскому и стало быть его супругѣ, именемъ которой впоследствии и прозвано быть можетъ ея любимое, урочище.

Князь Ѳеодоръ Мих. скончался въ 1540 г. іюня 20 и погребенъ въ Симоновѣ монастырѣ.

У первыхъ Мстиславскихъ былъ только одинъ сынъ Иванъ Ѳеодоровичъ; онъ приходился племянникомъ Ивану Грозному, хотя и былъ нѣсколько старше его по годамъ. Само собою разумеется, что уже одно родство ставило его въ самыя близкія отношенія къ малолѣтнему государю, а потому онъ скоро занимаетъ очень важную должность. Въ 1541 г. одиннадцатилѣтній государь жалуетъ его къ себѣ крайчимъ, котораго обязанность была стоять у государева стола и подавать, отвѣдывая, кушанья и питья, т. е. охранять государево здоровье въ пищу и питье.

На свадьбѣ государя, когда Грозный женился въ 1547 г. на Настасѣе Романовой, Мстиславскій тоже является въ числѣ самыхъ близкихъ людей къ государю: онъ спитъ у постели новобрачнаго съ Никитою Романовымъ Юрьевымъ и находится въ спальникахъ и мовникахъ въ мыльнѣ у государя съ темъ же Романовымъ и съ любимцемъ Алексѣемъ Адашевымъ.

Почти въ одно время съ государемъ и по его назначенью женится и Мстиславскій на княжнѣ Ирине Александровне Горбатово—Суздальской. Свадьбу справляетъ самъ государь на дворцовый счетъ и общаетъ притомъ, что и впередъ хочеть жаловать своего племянника съ его новобрачною и новымъ родствомъ—великимъ своимъ жалованьемъ. Дѣйствительно, общаніе это было въ точности исполнено и Мстиславскій во все царствованіе Грознаго постоянно былъ впереди всего

боярства не по одной знатности своего рода, но и по особому расположению к нему государя, такъ часто опалявшася почти на всѣхъ своихъ приближенныхъ. Конечно при Грозномъ мудрено было не попасть въ какую либо бѣду, и не поселить въ государѣ какого либо подозрѣнія къ своимъ дѣйствіямъ. Случалось это и съ Мстиславскимъ. Но гроза къ счастью проходила благополучно. По всему видно, что князя спасала его характеръ, не отличавшійся ни особымъ честолюбіемъ, ни способностью заводить интриги и крамолы. Князь вовсе не принадлежалъ къ тому разряду приближенныхъ лицъ, изъ котораго выработался въ послѣдствіи Борисъ Годуновъ. Онъ былъ вполне преданнымъ и самымъ послушнымъ племянникомъ государю, и всегда удалялся отъ всякой борьбы съ боярами, и отъ всякаго участія въ ихъ крамолахъ.

Въ 1548 г. Мстиславскій пожалованъ изъ кравчихъ въ бояре и по знатности рода занялъ тотчасъ самое видное мѣсто въ кругу бояръ. Во время знаменитаго похода подъ Казань, въ 1552 г., онъ былъ первымъ воеводою въ большомъ полку, что равнялось званію генераль-Фельдмаршала. Точно также и во время похода на Ливонію въ 1559 г. былъ тоже первымъ воеводою. И тамъ и здѣсь онъ ратоборствовалъ успѣшно, хотя и не отличился ни какимъ особенно блистательнымъ дѣломъ.

- При раздѣленіи государства, на Опричнину и Земщину, Грозный оставилъ и Мстиславскаго въ Земщинѣ вторымъ после Ив. Дм. Бѣльскаго. Это значило, что онъ былъ во главѣ Земскаго или общегосударственна[™] правительства. Съ этой поры, какъ известно, дела въ государстве приняли другой оборотъ и новые походы и войны оказывались весьма неудачными.

Такъ, въ 1571 г. шелъ къ Москвѣ Крымскій Ханъ Девлетъ Гирей: московскіе воеводы, въ томъ числе вторымъ Мстиславскій, не успѣли дать отпоръ Хану и пропустили его къ самой столице. Москва была сожжена и разграблена. Конечно, не одинъ Мстиславскій былъ виноватъ въ этомъ несчастіи. Тогда отъ внутренней, собственно царской и дворской смуты все русскіе люди были поколеблены нравственно и готовы были изменять и желать всякаго врага своему же государству. Но

Грозный обвинил именно Мстиславскаго въ томъ, что онъ съ товарищами боярами измѣнилъ, навелъ на Русскую Землю Хана; и въ добавокъ соблазнился въ вѣрѣ и помышлялъ отъѣхать въ Литву. Оправдываться было нечего, ибо царь обвинялъ сколько самого Мстиславскаго, столько же вообще все боярство, котораго Мстиславскій былъ только представителемъ. По ходатайству митрополита и духовенства, первенствующей бояринъ былъ прощенъ, отъ него взята клятвенная запись за поручительствомъ троихъ бояръ, обязавшихся внести царю 20000 р., если князь отъѣдетъ; за бояръ еще поручилось 285 человекъ, разверставши эту сумму, кто сколько могъ уплатить, такъ что порука стала самая крѣпкая. Князь общалъ къ иной вѣрѣ не приставать, вѣру христіанскую держать твердо.

Ровно черезъ десять лѣтъ опять онъ попадаетъ и съ двумя сыновьями въ какія то измѣнныя вины и дѣло опять оканчивается только новою клятвенною записью, по которой бояринъ съ сыновьями даетъ клятву не отъѣхать ни къ которому государю, ни къ Турецкому, ни къ Цесарю; ни къ королю въ Литву, ни къ королямъ Испанскому, Французскому, Чешскому, Угорскому, Датскому, Свейскому, ни въ Англію, ни въ какія Нѣмецкія государства, ни въ Крымъ, ни въ Нагаи.

Грозный, какъ извѣстно, очень боялся боярской измѣны и отбиралъ такія записи по первому сомнительному поводу отъ cadaго знатнаго боярина, стоявшаго впереди другихъ. Однако за Мстиславскаго бояться было нечего: это былъ чело- вѣкъ смиренный и неспособный сдѣлать какое либо рѣшительное дѣло. Грозный вѣроятно очень хорошо зналъ это и не ли- шалъ князя своего прежняго родственнаго расположенія. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1572 г. онъ оградилъ его и со стороны пожалованныхъ вотчинъ, завѣщавъ сыновьямъ следующее: „А что отецъ нашъ, в. к. Василій пожаловалъ кн. Феодора Мстиславскаго и что я придалъ сыну его кн. Ивану, и сынъ мой въ ту у него вотчину и у его дѣтей не вступается; а отъѣдетъ куда нибудь, и-та вотчина сыну Ивану.*

Такимъ образомі, если Кундовская местность-не была пожалована еще первому Мстиславскому, кн. Ѳедору Мих.,то уже несомнѣнно она была отдана Грознымъ кн. Ивану Ѳед. Мы делаемъ эту оговорку только по той причине, что не имеемъ никакихъ свѣдѣній о первомъ пожалованіи, между темъ при внукахъ Ѳедора Мих. она называется уже старинною вотчиною Мстиславскихъ.

По смерти Грознаго кн. Иванъ Ѳед. остался въ боярской Думе первыиъ, а сынъ его кн. Ѳедоръ Иван, пнтымъ. Есть свидѣтельство, что Грозный именно Мстиславскаго съ Никитою Романовымъ назначилъ опекунами къ сыну, царю Ѳедору. Но вскоре главнымъ опекуномъ молодого и неспособнаго царя явился его шуриный, Борисъ Годуновъ, пролагавшій себе прямо путь къ престолу. На этомъ пути упомянутые два человека ему очень мешали. Неизвестно, какъ было дело, но вскоре Романовъ заболелъ и въ 1586 г. померъ. Съ Мстиславскимъ Годуновъ сталъ жить въ великой любви и дружбе; называлъ его себе отцомъ, а тотъ его сыномъ; заодно радѣли о государевомъ* деле. Но это продолжалось недолго. Противники Годунова, другіе бояре, особенно Шуйскіе, подговорили (будто бы) перваго боярина стать заодно съ ними противъ Годунова и извести его. Бояринъ долго не соглашался, а потомъ решился устроить пиръ у себя въ доме, позвать Годунова, тогда и убить его. Но заговоръ былъ открытъ и Мстиславскій былъ сосланъ въ Кириловъ монастырь, постриженъ въ монахи и вскоре тамъ умеръ, въ томъ же 1586 году. Трудно поверить, чтобы Мстиславскій, смиренный и всегда осторожный въ своихъ отношеніяхъ къ хогдашимъ дворскимъ интригамъ и смутамъ, сделался вдругъ заговорщикомъ и даже назначилъ свой пиръ и свой домъ для преступнаго злодейства. Нетъ сомнѣнія, что вся эта басня сочинена человекомъ, которому было надобно удалить перваго боярина, след, самимъ Годуновымъ, очень хорошо знавшимъ только одно, что Мсти-< ела век ій не былъ на его стороне, враждовалъ ему, а главное былъ первымъ въ Думе, и по старшинству, и по знатности ро->

да, стало быть всегда служилъ помѣхою для пріобрѣтєвія царскаго сана.

Имя кн. Ивана Ѳед. поминалось и при первомъ Самозванцѣ. Рассказывали, что Мстиславскій былъ ему, т. е. истинному царевичу Дмитрію, крестнымъ отцомъ и лжецарь сохранялъ дорогой его крестъ, какъ прямое доказательство истинности своего царскаго происхожденія.

У кн. Ивана Ѳед. было два сына и двѣ дочери. Младшій сынъ Василій померъ еще при Грозномъ въ 1582 г. Дочь Настасья также еще при Грозномъ была замужемъ за названнымъ царемъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, которому Грозный передалъ царство, даже вѣнчалъ его царскимъ вѣнцемъ, назвавшись самъ простымъ государеуъ (владѣльцемъ) княземъ Ивановомъ, Иванцомъ Московскимъ. Все это дѣлалось во время Опричнины. Титулованная царица Настасья скончалась схимницею съ именемъ Александры въ 1607 г.

Другая дочь Ирина осталась дѣвицею и потомъ была пострижена въ монахини. Единственнымъ представителемъ этого знатнаго рода и послѣднимъ въ родѣ былъ старшій сынъ, князь Ѳедоръ Ив., который, подобно отцу, занималъ между боярами и въ Думѣ первенствующее положеніе до своей смерти, въ теченіи всего Смутнаго времени нашей исторіи. Службу онъ началъ, какъ и отецъ, тоже кравчимъ въ 1575 г. и черезъ два года былъ пожалованъ въ бояре. Годуновъ, удалившій со сцены отца, оставилъ сына въ покоѣ. Это показываетъ, что Ѳедоръ Ив. не былъ по своему характеру опасенъ для будущаго обладателя царствомъ.» Действительно, это былъ человекъ тѣхъ же осторожныхъ нравовъ, какъ и отецъ. Онъ но вмѣшивался въ боярскія интриги, стоялъ отъ нихъ подальше и всегда особникомъ, защищая только интересы того государя, которому обѣщался крестнымъ цѣлованьемъ служить; а служилъ онъ и Годунову, и Растригѣ, и Шуйскому, гдѣ Владиславу и на остатокъ дней царю Михаилу Романову. Для господствовавшей въ каждое время власти онъ былъ дорогой человекъ, какъ главный авторитетъ всего боярства, всей правящей среды, и между тѣмъ человекъ спокойный, вовсе

честолюбивый и неспособный ни къ какой интригѣ. Годуновъ однако и его побаивался и рассказываютъ, что будто бы и жениться ему не позволялъ, дабы вовсе прекратить родъ такого опаснаго совмѣстника для полученія царства. Неизвѣстно когда это было; быть можетъ еще въ бамомъ началѣ стремленій Годунова проложить себѣ путь на престолъ. Известно только, что Ѳедоръ Ив. былъ женатъ три раза. Первая его жена Уліанія скончалась 1586 г. апр. 6. Со второю—Прасковьею Иванов, онъ былъ въ 1606 г. мая 8 посаженнымъ отцемъ, а она матерью, у Растриги, который будто бы и устроилъ этотъ бракъ, дозволивъ боярину жениться послѣ запрещенія Годунова. На третьей—Оринѣ Мих., дочери кн. Михаила Гр. Темкина-Ростовскаго, онъ женился 21 января 1617 г. Она пережила своего мужа и скончалась инокинею, съ именемъ Донники, 1630 г. іюля 7. Такимъ образомъ если и действительно Годуновъ препятствовалъ его женитьбѣ, то это могло случиться, какъ и вѣроятно, невѣ царствованіе Годунова, а еще прежде, при царѣ Ѳедорѣ Ив., именно послѣ 1586 г., когда умерла первая супруга, при чемъ Годуновъ могъ действовать еще именемъ царя Ѳедора.

Въ теченіи своей службы Ѳедоръ Ив. совершилъ нѣсколько походовъ въ Ливонію, противъ Шведовъ, противъ польскаго короля Баторія, противъ Татаръ (1577—1592). Особенно удачно онъ воевалъ противъ Шведовъ въ 1590 и 1592 г. Но въ Смутное время ему несчастливо случилось. При Годуновѣ, встрѣтивъ Самозванца подъ Новгородъ-Сѣверскимъ, въ декабрѣ 1604 г., онъ проигралъ битву и былъ такъ израненъ (получилъ 15 ранъ), что попалъ было въ плѣнъ, но вскорѣ былъ отбитъ. Точно также онъ потерпѣлъ пораженіе и при Шуйскомъ отъ полчищъ Болотникова. Первенствуя въ царской Дунѣ между боярами, онъ и въ походахъ всегда назначался первымъ, старшимъ воеводою.

Какъ ни былъ Мстиславскій остороженъ и далекъ отъ всякой интриги, но по особенно видному своему положенію въ государстве не разъ попадалъ, по крайней мѣрѣ своимъ именемъ, въ огонь боярскихъ суетъ и заговоровъ, противъ бояр-

скихъ же царей, Годунова и Шуйскаго. Въ одинъ изъ такихъ заговоровъ потерпела и его старшая сестра Ирина. Еще при царѣ Ѳедорѣ Ив., когда всѣмъ явно стало, куда направляетъ свои виды шуринаго, Годуновъ, лучшіе, наиболее предприимчивые бояре, именно Шуйскіе, съ совѣта митроп. Діонисія и при пособіи всего московскаго купечества рѣшились перейти временщику дорогу. Такъ какъ у царя Ѳедора дѣтей не было и царица Ирина, сестра Годунова, не обещала чадородія и въ будущемъ, то упомянутыя лица составили совѣтъ и рукописаньемъ утвердились: бить челомъ государю, чтобы онъ оставилъ первую царицу, отпустилъ бы ее въ иноческій чинъ и, ради чадородія и наслѣдника, женился бы на другой. Невестой была избрана сестра Мстиславскаго Ирина Ивановна. Само собою разумеется, что Годуновъ тотчасъ провѣдалъ этотъ заговоръ и Ирину тайно увезли изъ дома и постригли. Шуйскіе и ихъ советники тоже были все разосланы въ ссылку и тамъ изведены. Несчастливая княжна пережила всехъ своихъ враговъ и всехъ своихъ родичей. Она скончалась 15 нояб. 1639 г., живя въ Вознесенскомъ монастыре и пользуясь постоянно царскимъ почетомъ при супруге царя Михаила Евдокіи Стрѣшневыхъ. Она же изъ Мстиславскихъ была последнею вотчинницею села Хвилей со всею Купцовскою местностью.

При избраніи на царство Василья Шуйскаго, многіе думали избрать лучше Ѳедора Ив. Мстиславскаго и говорятъ что, еслибы созванъ былъ Земскій Соборъ, то такъ бы и случилось, потому что Мстиславскій былъ самый знатный человекъ въ государстве и къ тому же былъ совсемъ непричастенъ ни къ какой изъ боярскихъ партій. Однако князь решительно отказывался отъ царскаго венца и говорилъ, что пострижется въ монахи, если его выберутъ. Между темъ многіе поспешили и безъ Земскаго собора выбрать Шуйскаго. Тогда противная партія, должно быть по преимуществу сторонники и родственники Мстиславскаго, затеяла смуту его имени, надеясь посадить его на царство даже и противъ его желанія, лишь бы низвергнуть Шуйскаго и пріобрѣсти при цовомъ царе новыя выгоды. Но розыску оказалось, что Мсти-

славскій ни въ чѣмъ не былъ виновать, а зачиншикоюиъ явился бояр. Петръ Никитич. Шереметевъ, родственникъ Нагихъ. (За Мстиславскимъ была женою двоюродная сестра царицы Марѣы Нагихъ).

Окончилось потомъ и царство Шуйскаго, а Мстиславскій все оставался первымъ, оставался какъ бы корнемъ московскаго боярства, котораго очень многія вѣтви частію были порублены, частію сами обломались въ эту бурную и грозную эпоху нашей исторіи.

Когда, по низведеніи Шуйскаго, настало Междоцарствіе, кому же было взять въ руки правленіе государствомъ, по крайней мѣрѣ на время, до избранія царя, какъ не боярской Думѣ. Въ думѣ оставалось семь бояриновъ и во главѣ ихъ стоялъ тотъ же Мстиславскій. Временное правительство и скрылось въ его имени: грамоты писались и всѣ распоряженія дѣлались отъ боярина Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи.

Недолго существовало это правительство; только два мѣсяца оно наслаждалось властью, какъ говоритъ лѣтописецъ, и само отдалось въ руки Поляковъ. „Оскудѣиа премудрые старцы, эти седмочисленные бояры, изнемогаша чудные совѣтники! Отнялъ Господь крѣпкихъ земли!“ восклицаетъ лѣтописецъ, описывая событія этого времени. Боярская среда здѣсь вполне обнаружила, что Грозный былъ правъ, постоянно обвиняя и подозрѣвая ее въ измѣнѣ. Она въ лицѣ своихъ представителей и самыхъ бойкихъ и дѣятельныхъ людей тянула въ Польшу, выбрала себе въ цари королевича Владислава, готовилась присягнуть и самому королю Сигизмунду. Со стороны бояръ такая измѣна являлась необходимою, по той причинѣ, что они ставили личныя свои пользы, свое честолюбіе и властолюбіе, выше выгодъ отечества; они готовы были для своей чести и корысти пожертвовать самыми существенными интересами Русской Земли. Эту-то боярскую натуру очень хорошо и понималъ Грозный.

Вотъ, открылась боярамъ дорога къ престолу: одинъ за другимъ взбираются на эту высоту и продаютъ. Годунова оци низ*

вергли посредствомъ Самозванца, возвели Шуйскаго; ясно, что и этотъ былъ ненадобень, потому что оставались еще кандидаты. Стремится на ту же высоту кн. Голицынъ (Вас. Вас.). Но было уже достаточно тяжелыхъ опытовъ боярскаго царствованія. Изъ среды же бояръ и самый старшій и первый изъ нихъ становится около престола и окончательно отрѣзываетъ къ нему путь. То былъ Ѳ. И. Мстиславскій. Онъ прямо объявилъ, что самъ онъ царемъ быть не желаетъ, да и никого не желаетъ видѣть на царствѣ изъ своей братіи бояръ, и предложилъ избрать въ цари кого либо изъ царскаго племени, разумея именно польскаго Владислава. Старое родство съ Литвою взяло свое. Тотчасъ разосланы были грамоты по городамъ, чтобы земство собиралось въ Москву избирать царя. Но земство молчало и въ Москву не ехало. Между тѣмъ на Москву наѣхалъ второй Самозванецъ, Тушинскій Царикъ, и стоялъ уже въ Коломенскомъ. Москва при руководствѣ Мстиславскаго и по тайнымъ проискамъ другихъ бояръ поспешила присягнуть королевичу Владиславу. Одинъ только патріархъ Гермогенъ и за нимъ весь народъ, то есть черные люди, желали избрать кого либо изъ прирожденныхъ русскихъ и указывали на Голицына и на Михаила Романова, какъ родственника царю Ѳедору Ивановичу. Вероятнее всего, что и тогда царство осталось бы за Романовымъ, еслибъ избраніе совершилось всею землею. Романовъ былъ именно такой юноша, который стоялъ далеко отъ всехъ партій и больше боялся царскаго сана, чѣмъ желалъ его, ибо очень хорошо виделъ, какъ эта высота опасна. Такъ по крайней мере разсуждала его мать, инока Марѳа Ивановна, — когда совершилось уже всенародное избраніе ея сына въ цари. Она долго и настойчиво отказывала Земскому Собору, припоминая все несчастныя событія съ бывшими царями и упирая вообще на криводушіе и изменчивость избирателей. Действительно, надо было пройти многимъ испытаніямъ, надо было, чтобы боярство употребило все послѣднія хитрости и интриги, когда наконецъ всталъ самъ народъ спасать отечество собственными руками и когда онѣ, ротомъ вцсказавъ о выборе царя свое решительное слово,

Такимъ образомъ Мстиславскій поступалъ не въ интересахъ всего народа, всей земли, а въ интересахъ той же боярской среды, въ которой онъ былъ первымъ человекомъ. Въ немъ крѣпко сидѣлъ боярскій духъ; оцъ былъ очень ревнивъ къ боярской чести и если самъ не хотѣлъ царскаго сана, зная впередъ, что не сѹмѣетъ устоять въ немъ; то- изъ ревности къ тому же сану не хотѣлъ, чтобы и другой кто изъ равныхъ овладѣлъ имъ. Нейтральнымъ человекомъ являлся ему только чужой, а по старымъ родовымъ преданіямъ и связямъ съ Литвою, именно польскій королевичъ Владиславъ. Въ этомъ случаѣ повторилось тоже, что всегда бывало между враждующими ревнивыми боярскими родами: дабы удовлетворить всѣ стороны и умирить замешательство и раздоръ, они призывали Рюрика, третье чужое для всѣхъ лицо.

Когда приверженное къ Польскимъ интересамъ боярство довело дѣло до того, что рѣшилось присягнуть даже королю Сигизмунду или отдаться въ его полную волю, и когда оно стало принуждать и патріарха, чтобы утвердилъ эту мысль грамотою, то патріархъ Гермогенъ проклиналъ это боярское начинаніе.

Разсказываютъ, что у патріарха съ боярами была большая ссора по этому случаю, что наиболѣе дѣятельный зачинщикъ этого дѣла и всего зла предводитель, Михайла Салтыкову понося и позоря владыку, отъ ярости выхватилъ на него ножъ. Гермогенъ громко отвѣтилъ, что не боится его ножа, что силою креста вооружается противъ ножа и тутъ же проклиналъ измѣвника. А Мстиславскому сказалъ: „Ты долженъ начинать, господинъ; ты знатностью теперь надъ всѣми большой; тебѣ должно подвизаться за православную вѣру; если же и ты также прельстился, какъ и прочіе, то скоро Богъ прекратитъ жизнь твою и родъ твой возметъ весь отъ земли живыхъ, и не останется рода твоего ни одинъ.“^a

Такъ и сбылось это пророчество, прибавляетъ позднѣйшій лѣтописецъ.

Бояре продавали отечество за боярскія почести и корысти, а потому и великій подвигъ счастья отечество отъ иноплемен

ной и собственной внутренней вражды достался не первому боярину, а первому простолюдину, выборному человѣку Русской земли, Козьмѣ Минину. Первый бояринъ остался по прежнему первенствовать въ царской Думѣ, то есть все осталось въ прежнему порядке, а народомъ уничтоженъ былъ только беспорядокъ, надѣланный теми же боярами.

При царѣ Михаилѣ Ѳед. Мстиславскій могъ доживать свой вѣкъ очень покойно. Смуты окончились и старое даже и измѣн- никамъ не поминалось. Все было забыто и всѣмъ последовало всенародное прощенье. Вина всѣхъ смуть была принята на себя всѣмъ народомъ, а потому и у престола молодаго царя собрались и вожди очищенія земли отъ враговъ, вожди спасе- ния, и вожди измѣны и прежнихъ смуть и интригъ.

Пророчество Гермогена о Мстиславскомъ сбылось. Въ 1617 г., какъ сказано, бояринъ—женился на дочери кн. Мих. Григор. Темкина-Ростовскаго, Ирине Михайловнѣ. Но потомства и именно въ мужскомъ колѣне князь не оставилъ. Известно только, что отъ всѣхъ трехъ браковъ у него былъ сынъ Васи- лій, рано умершій, и двѣ дочери, Ольга (+ 1609 г.) и Ирина († 1620 г.).

Князь Ѳедоръ Ив. умеръ 19 4>евр. 1622 г., оставивъ послѣ себя супругу Ирину Мих. и сестру старицу инокиню Ирину Ив., жившую въ Вознесенскоиъ монастырѣ. Дворъ боярина и дальнія вогчины оставались за его вдовою до ея кончины въ 1630 году іюля 7. Изъ боярскихъ вдовъ, бывавшихъ при дворе царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневыхъ, она была вдова бол ын а я, т. е. сакая знатная, первенствующая, разумеется по бывшему первенству ея мужа. Иногда при случаяхъ торжественнаго приѣма иноземныхъ посольствъ отъ ея двора выставлялось для посольской встречи 25 и 30 человѣкъ дво- ровыхъ людей, конныхъ и въ цвѣтномъ нарядѣ. Это показыва- я, что дворъ Мстиславскихъ былъ не только знатенъ, но и достаточно богатъ, потому что число высылаемыхъ отъ бояр- скаго двора людей всегда определялось его богатствомъ; иные вдовьи дворы выставляли только 4 чел., и потому 30 чел.

было болыпимъ числомъ даже и вообще для богатаго боярскаго двора.

Подмосковная вотчина Кунцовская, какъ старинная родовая вотчина князей Мстиславскихъ, была укрѣплена государемъ по смерти Ѳедора Ив. за его сестрою старицею Ириною Ив., послѣднею въ родѣ.

Въ 1622 г. ей дана была на владѣнье и жалованная грамота. Несчастная невѣста царя Ѳедора, бывшая теперь инокинею Вознесенскаго монастыря, конечно изъ монастыря же и владѣла своею вотчиною, изрѣдко, быть можетъ, въ лѣтнее время, прїѣзжая посмотреть на свое хозяйство и сдѣлать лично какія либо распоряженія. Вотчиною управлялъ прикащикъ Третьякъ Резанцевъ, который и жилъ при боярскомъ домѣ вмѣстѣ съ другими дворовыми людьми; а ихъ всего было 2 конюха да дѣловыхъ, работныхъ, три человѣка.

Взглянемъ на состояніе Кунцовской мѣстности въ это время. Резиденціею вотчины было село Хвилы, на рѣкѣ на Москвѣ, усть рѣчки Хвилки. Подъ селомъ былъ прудъ, какъ и теперь, а въ селѣ церкви: Покровъ Богородицы съ придѣломъ Зачатія св. Анны, деревянная, строенная клѣтски, т. е. такъ, какъ клѣтъ—изба. Въ церкви: образы, свѣчи, книги, наколокольницѣ колокола и всякое церковное строеніе было вотчинниково. Причѣтъ состоялъ изъ поііа, дьячка, пономаря и проскурницы (просвирни). Вблизи церкви стоялъ дворъ вотчинниковъ — боярскій дворъ. Намъ неизвѣстно, каковы были сельскіе боярскіе хоромы князей Мстиславскихъ, но по всему вѣроятію они не отличались отъ того общаго типа боярскихъ сельскихъ домовъ, какой былъ господствующимъ въ XVII в., а стало быть и въ XVI ст. Хоромный составъ такого двора заключался въ нѣсколькихъ горницахъ съ комнатами, раздѣленныхъ сѣнями и стоявшихъ на жилыхъ подклѣткахъ, т. е. па нижнемъ служебномъ этажѣ; черезъ сѣпи же стояли повалуши, родъ жилыхъ высокихъ башенъ въ три яруса. Въ богатомъ дворѣ надъ горницами строился третій ярусъ — чердаки или терема.

Таковы были части жилых хоромъ, находивтіяся въ одной связи. Боярскіе хоромы стояли всегда въ глубине двора, огороженнаго заборомъ по большой части на всѣ четыре стороны. Во дворъ вели одни или двое воротъ, переднія, съ правда, и заднія, съ поля. Хоромы иногда стояли посреди двора, противъ воротъ, или посреди же двора къ какой либо одной сторонѣ отъ воротъ. Въ остальномъ пространстве двора помещались, смотря по удобству, и по хозяйскимъ надобностямъ, ближе или дальше отъ хоромъ, разныя служебныя и обиходныя избы и клѣтки, поварня, погребъ съ выходомъ, или осыпной, или съ напоребицею, ледникъ съ анбарцемъ наверху, анбары, сушило — иногда о трехъ житяхъ (ярусахъ); мыльня обыкновенно въ саду у пруда или рѣчки, строенная на режахъ съ сѣньми; житница, солодовня, конюшня, денникъ для лошадей, сенница для сена, и т. п. Всѣ такія клетки ставились обыкновенно подле забора, такъ что вообще оне составляли окружное строеніе въ отношеніи къ главнымъ хоромамъ. Со стороны двора поближе къ этимъ хоромамъ раскидывался садъ, обыкновенно плодовой, огороженный тоже заборомъ или плетнемъ. У воротъ же всегда строилась сторожевая изба, а если вотчина была большая и значительно населенная, то тутъ же у воротъ ставилась изба схожая для крестьянскихъ сходокъ, которая называлась также и судебною, потому что здѣсь происходилъ вотчинный судъ.

Въ такомъ составѣ вероятно устроены были и сельскіе дворы князей Мстиславскихъ, по крайней мѣрѣ при самихъ князьяхъ. Разумеется, когда владѣла имъ княжна-старица, нужды которой, какъ монахини, не были обширны, то и дворъ ея вероятно не отличался обширнымъ составомъ. Въ то время, какъ вдованная княгиня Мстиславская выставяла для посольскихъ встрѣчъ по 25 и 30 человеке своихъ дворовыхъ, конныхъ и цвѣтныхъ нарядомъ, у княжны-старицы въ ея подмосковной, какъ упомянуто, жило всего 6 человеке и съ прикащикомъ.

Но селе Хвиляхъ у ней было 5 крестьянскихъ дворовъ, а въ нихъ 12 чел. мужескаго пола; три двора бобыльскихъ, въ нихъ 6 чел. бобылей; и сверхъ того три двора пустыхъ, одинъ

бобыльскій и два крестьянскихъ. Земли подь селомъ числилось пашенной 97 четвертей въ полѣ (48у₂ десятинь), въ томъ числе 25 десят. пахали наѣздомъ, а 23 десят. было подь перелогомъ и лѣсомъ поросло. Сѣна накашивалось по Москвѣ-рѣчкѣ и по Хвилкѣ 400 копень. Начиная отъ Кобыльяго оврага у теперешней бойни и почти до теперешней деревни Мазиловой росъ лѣсъ, коего числилось въ длину съ перемежками на 2 версты, а поперегъ на полверсты, на четверть версты и меньше. Къ селу принадлежали деревни, каждая съ особымъ количествомъ земли:

Деревня Гусарево на Москвѣ-рѣчкѣ, гдѣ стоитъ бывшая дача Нарышкина; въ ней было всего два двора, въ одномъ жили двое дѣловыхъ людей, а въ другомъ одинъ крестьянинъ.

Деревня Ипское, тоже на Москвѣ-рѣчкѣ, гдѣ теперь, идя отъ Гусарева, начинается Кунцовская липовая роща; въ ней было три двора, въ двухъ жило по одному крестьянину, и въ одномъ два бобыля.

Деревня Кунцово, зародышъ нынѣшней прекрасной дачи, находилась на рѣчкѣ Хвилкѣ, вѣроятно на берегу теперешняго пруда, на Звенигородской дорогѣ. Въ ней былъ всего одинъ дворъ, въ которомъ жилъ одинъ крестьянинъ, Ивашка Ивановъ, да съ нимъ бобыль, КирилкоМикитинъ. Это были первые извѣстные намъ поселенцы этого мѣста, да едвали и на самомъ дѣлѣ они не были первыми. У крестьянина было пашни средней земли полчетверика (16¹/₂ десятины) въ полѣ; да наѣздомъ онъ пахадъ 3 чети (12¹/₂ десят.); подь перелогомъ и лѣсомъ было безъ малаго 2 десят.; сѣва 15 копень; лѣсу непашеннаго 2 десятины. Вотъ объемъ Кунцовской-дачи въ 1622 г., т. е. за 250 лѣтъ назадъ.

Тутъ же на Хвилкѣ, по ту сторону, стояла дѣррвня Мазилово, по числу дворовъ превышавшая даже боярское село. Въ ней было 6 дворовъ крестьянскихъ, изъ которыхъ въ четырехъ жило по одному крестьянину, а въ двухъ по двое; и 4 двора бобыльскихъ съ шестью бобылями, въ двухъ по одному, и въ двухъ по два.

Кромѣ этихъ четырехъ деревень къ селу Хвилямъ принадлежали еще Ѳ пустошей по речке Хвилкѣ, изъ которыхъ по-граничрныя съ Кунцовскою землею были пустоши Бетино и Шевелево. Остальныя прозывались: Шульгино, Игнатьево, Матренино, Якимово, Корѣлкино, Петройково.

Всего въ вотчинѣ Мстиславскихъ считалось одно село, 4 деревни, Ѳ пустошей, дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ, 5 дворовъ людскихъ, 15 дв. крестьянскихъ; людей 22 чел., 3 бобыля и 9 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 14 челов.

Въ этомъ короткомъ описаніи первоначальнаго состоянія Кунцовской местности мы однако не находимъ ни слова о первой ея красоте, о такъ называемыхъ въ старину береговыхъ Заразахъ или кручахъ; а это заставляетъ предполагать, что можетъ быть берегъ Кунцова въ то время паходился еще въ дворцовомъ владѣннн.

Действительно, все береговныя кручи до старой Липовой роши принадлежали тогда дворцовой пустоши Плуткиной и назывались вообще зараземъ. Прозванье же Плуткино происходитъ отъ слова плутать, блуждать, бродить, незная дороги, что вполне верно определяло тогдашній характеръ этой местности, дикой, отчасти болотистой, изрытой въ разныхъ направленихъ оврагами и ручьями и поросшей густымъ непроходимымъ лѣсомъ.

По смерти княжны Мстиславской ея вотчина въ полномъ составе поступила опять, какъ выморочная, въ дворцовое ведомство.

Приказъ Большаго Дворца владель ею ровно 10 летъ. Въ это время на царство вступилъ Алексей Михайловичъ, государь молодой и къ тому же страстный охотникъ. Тогдашній верховникъ и временщикъ, дядька и воспитатель царя, бояринъ Борисъ Ив. Морозовъ пользовался этою страстью съ большимъ усердіемъ и умениемъ, доставляя очень часто случаи совершать потешныя охотничьи походы по всеблизжайшимъ окрестностямъ Москвы, весною и летомъ на птицъ съ соколами, осенью и зимою на волковъ и медвѣдей съ собаками и съ рогатинами. Глухая Кунцовская местность въ этихъ походахъ

тоже доставляла не мало удобствъ для увеселенія и темъ больше, что она лежала на пути между загородными дворцами, съ одной стороны Коломенскимъ и Воробьевскимъ, а съ другой Хорошовскимъ'ъ.

Государь нередко перебрасывалъ свои потехи изъ Коломенскаго прямо въ Хорошово, след. проѣзжалъ черезъ Воробьеве, черезъ Сѣтунскую и Кунцовскую местность. Такъ въ начале декабря 1646 г. были горячіе лисьи и волчьи осоки подъ Коломенскимъ и подъ Хорошовымъ; а подъ Хорошовымъ въ этомъ же походе даже объехали волка, что почиталось большимъ охотничьимъ искусствомъ. Героями этого подвига были боярскій челоѣкъ князя Черкаскаго, Яковъ Черкашенинъ, да придворный псарь, Худянка Сидоровъ. Ровно черезъ мѣсяць 12-января 1647 г. ловчаго пути охотники (придворные) Осипъ и Любимъ Молчановы сочили медвѣдя подъ селомъ Крылатскимъ, а черезъ неделю, 20 января, псари боярина кн. Черкаскаго сочили волковъ въ селе Рожественномъ (Сколково тожъ, дальше Кунцова, на Сетуни). Должно вообще заметить, что старинныя Можайская и Звенигородская дороги, пролегавшія изъ Москвы какъ разъ по Купцовской зем- ле, среди старыхъ густыхъ лесовъ, славились въ то время изобиліемъ всякаго лѣснаго зверя, волковъ, медведей, лисицъ, и зайцевъ. Большая часть ближайшей къ Купцову местности вместе съ Хорошовскими лугами искони принадлежала двор- цовымъ волостямъ и была съ своими лесами заповедною сто- роною, охраняемою собственно для царскихъ охотъ, звериной и птичьей. Въ Крылатскомъ не одинъ разъ бывали охотничьи стоянки царя Ивана Вас. Грознаго, а для царя Алексея Мих. Звенигородская дорога была особенно любезна по тому обстоятельству, что онъ часто ездилъ по ней тоже на охоту въ вотчину своего воспитателя, втораго своего отца, Бориса Ив. Морозова, именно въ село Павловское на Истре, а также и въ любимый свой Саввинскій Звенигородскій монастырь.

Въ январе, 16 числа, 1648 г. царь Алексей женился на Марье Ильиничне Милославской, дочери небогатаго дворя-

ниня Ильи Даниловича Милославскаго, а дядька, второй отецъ и пріятель царя, Борис. Ив. Морозовъ, тогда-же женился на ея сестрѣ Аннѣ Ильиничнѣ.

Двѣ свадьбы сыграны были, одна за другою, очень весело. Но еще за мѣсяць и больше передъ этими свадьбами великіе женихи, одинъ молодой, другой достаточно уже пожилой и притомъ вдовый, съ такимъ же весельемъ провожали свою холостую жизнь въ отъѣздѣхъ полѣ. Въ концѣ ноября 1647 г. предпринятъ былъ охотничій походъ по Звенигородской, Можайской и Боровской дорогамъ, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что госу дарь былъ въ это время въ Павловскомъ у Морозова и вѣроятно также на богомольи въ Саввинскомъ монастырѣ подъ Звенигородомъ, ибо 5 декабря справлялась память Нреп. Саввы Освященнаго. Обратный путь въ Москву направился на дороги Можайскую и потомъ Боровскую. Въ этихъ мѣстахъ были многочисленные волчьи соки и медвѣжьи бои.

Послѣ царской женитьбы, по царскому обычаю, стало скоро возвышаться и пріобрѣтать знатность, силу и богатство царицыно родство, дворяне Милославскіе. И въ самомъ дѣлѣ этому роду выпало на долю необыкновенное счастье и счастье это ему устроили только двѣ дочери Ильи Даниловича.

Сдѣлавшись царскимъ тестемъ и тестемъ перваго временщика въ государстве, Милославскій тотчасъ занялъ очень видное положеніе во дворцѣ. На другой день свадьбы, 17 янв., оиѣ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе, а черезъ двѣ недѣли, 2 Февр., ему сказано боярство. Ясно было, что послѣ Морозова онъ станетъ такимъ же сильнымъ временщикомъ и полновластнымъ управителемъ и дворца и государства.

Надо сказать, что по своимъ дарованіямъ и познаніямъ онъ вполне соответствовалъ своему возвышенію. Еще въ 1642 г. онъ ѣздилъ посланникомъ въ Царьградъ къ Турецкому Салтану, а въ посланники плохихъ людей государь не выбиралъ. Милославскій и молодость свою провелъ въ домѣ посольскаго человѣка; онъ былъ держальникомъ (пажемъ) у печатника (хранившего царскую печать), думнаго дьяка Посольскаго Приказа, Ивана Тарасьевица Грамотина, и исправлялъ у него дол

жность крайчаго. Въ умномъ домѣ нельзя было не обогатить свой природный умъ полезными и практическими свѣдѣніями, которыя вполне замѣняли для тогдашнихъ людей образованіе. Но всему видно, что Милославскій, бывши еще стольникомъ, обращалъ на себя вниманіе государя, что вѣроятно заставило его завистниковъ подкинуть на него письмо съ объявленіемъ, что онъ владѣетъ волшебнымъ перстнемъ дьяка Грамотина. По тому времени дѣло было опасное. Милославскаго взяли, до нитки обыскали его домъ и пожитки и ничего не нашли. Онъ былъ освобожденъ. Но онъ въ самомъ дѣлѣ владѣлъ волшебнымъ перстнемъ дьяка, т. е. его умомъ и опытностью въ дѣлахъ; вотъ противъ чего и подымались завистники. Дарованія однако не мѣшали ему быть взяточникомъ. По свидѣтельству англичанина Коллинса, Илья Даниловичъ Милославскій былъ „красивый мужчина, крѣпокъ сложеніемъ, какъ Геркулесъ, смѣль, имѣлъ большія способности и такую огромную память, что помнилъ имена всѣхъ должностныхъ чиновниковъ ӨО-ти тысячнаго войска, зналъ, гдѣ они живутъ и какую должность каждый изъ нихъ занимаетъ. Царь больше боялся его, чѣмъ любилъ, но царица всегда держала его сторону. Его сдѣлали государственнымъ казначеемъ (министромъ финансовъ) и дали ему еще 6 или 7 должностей, которыя онъ всѣ исполнялъ очень дѣятельно, только не безкорыстно. Царь мало обращалъ на это вниманія, потому что ему было совершенно извѣстно, что весь этотъ серебряный потокъ, послѣ долгаго теченія, изольется въ море^a, то есть въ государеву-же казну.

Въ первое время, Милославскаго особенно сильно подняло еще и то обстоятельство, что царица, его дочь, въ тотъ же годъ разрѣшилась отъ бремени сыномъ первенцемъ: Богъ даровалъ царю наследника царевича Дмитрія и царской радости по этому случаю невозможно было пересказать. При этомъ и самое событіе случилось съ благословенною обстановкою. Царевичъ родился въ ночь съ 21 на 22 окт., съ субботы на воскресенье, когда, празднуя Богородицѣ Казанской, государь, былъ у всенощной въ Казанскомъ соборѣ, и „какъ начали пѣть на заутрени антифоны и въ то время пріѣхалъ съ вѣстью къ

государю отъ государыни царицы, что Богъ да» царевича, самъ же бояринъ Илья Даниловичъ. И всѣ тутъ поздравляли государя, патріархъ со властью, бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе, дворяне*. Утромъ государь торжественно шествовалъ въ крестномъ ходу къ празднику. Надо знать старое русское благочестіе, чтобы понять, какъ въ самомъ дѣлѣ были всѣ обрѣдованы этому рожденію государева наслѣдника.

Пользуясь особымъ благоволеніемъ государя, торжествуящій тесть, конечно, не упускалъ случая устраивать свои домашнія дѣла. Черезъ полгода, весною 1649 г., онъ выпросилъ себѣ у государя небольшую подмосковную землицу для дачи. Землица эта была именно мѣстность Кунцовская, находившаяся въ то время, какъ сказано, въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ. Однако государь отдалъ ему эту мѣстность не пожалованіемъ, въ даръ, а она была продана ему въ вотчину, хотя деньги вѣроятно заплачены самимъ же государемъ.

Вѣроятно также, что такая сдѣлка была необходима по какимъ-либо дворцовымъ и боярскимъ отношеніямъ государя; можетъ быть пожаловать прямымъ путемъ было невозможно въ виду разныхъ соперниковъ и совмѣстниковъ царской милости, которые могли оскорбиться, что одноіру дано, а имъ ничего не дали. Царь Алексѣй, отличавшійся сердечною добротою, всегда былъ очень чутокъ къ такимъ боярскимъ толкамъ и недовольствамъ.

Какъ бы ни было, но 31 мая 1649 г. изъ Приказа Большого Дворца въ Помѣстный Приказъ послана была память за приписью дьяка Ивана Ѳедорова, что „продано въ вотчину изъ дворцовыхъ сель боярину Ильѣ Дан. Милославскому въ Московскомъ уѣздѣ въ Сѣтунскомъ Стану пустошь Плуткино на Москвѣ-рѣкѣ 10 четей (5 десятинъ или 15 въ трехъ поляхъ), занимавшая весь берегъ Москвы-рѣки въ кручахъ или Заразахъ до конца Липовой роши; да къ пустоши Плуткиной церковная земля Покрова Пречистыя Богородицы середь Заразовъ, на Городищѣ; затѣмъ — пустошь Резанцово на Хвилкѣ, 25 четей съ осминою, и пустошь, а уже не деревня, Кунцово, на Хвилкѣ же, 15 четей; да пашеннаго лѣсу 3

чети; да непашеннаго лѣсу 2 десятины, да поверотнаго лесу въ длину на версту и больше, поперегъ на полверсты и больше". 11 июня Тѣ пустоши Поместный Приказъ отмежевалъ боярину по старымъ межамъ и по отводу старожильцевъ, тутога- нихъ и окольныхъ людей, въ числѣ которыхъ были крестьяне изъ окрестныхъ деревень.

Межа начиналась отъ Москвы-реки, на берегу, подъ Заразь- емь, и шла по границе дворцовой земли деревни Ипской, прямо въ гору до дорожки, что ездилъ изъ деревни Ипской на пустошь Плутки, потомъ прямо по межнику къ долинкѣ, долиною на лужокъ... на право къ дорожкѣ, что ѣздятъ изъ деревни Ипской на пустошь Кунцово, а у дорожки столбъ;— отсюда межею на лево въ По перешный врагъ или оврагъ, Кунцовской тожъ, а середь врагу въ водомойню; Попереш- нымъ врагомъ къ рѣчкѣ Хвилкѣ, а рѣчкою вверхъ до бочевины (бочагъ) и т. д. Подробное описаніе этой межи любопытные найдутъ въ концѣ этой книги.

Такъ образомъ Милославскому была продана дворцовая земля только въ пустошахъ, безъ населенія, безъ людей. Изъ трехъ пустошей для собственной селитьбы онъ однако избралъ пустошь Кунцово, которая при красоте местоположенія, со стороны берега, доставляла и немало удобствъ хозяйственныхъ, прилегая къ рѣчкѣ Хвилкѣ и къ Звенигородской дороге. Бояринъ построилъ здѣсь дворъ вотчинниковъ со всякимъ дворовымъ строеніемъ; но крестьянъ не поселилъ и велъ хозяйство только дворовыми людьми; да и хозяйство это главнымъ образомъ заключалось, какъ видно, только въ сѣнныхъ покосахъ, такъ что на самомъ дѣлѣ это была лишь подмосковная боярская дача, куда въ лѣтнее время бояринъ выѣзжалъ прохладиться. Дворъ былъ поставленъ на высокомъ берегу Москвы-рѣки, вероятно на томъ же мѣстѣ, где и теперь стоитъ барскій домъ. Съ той поры Кунцово стало называться сельцомъ и сделалось главною мѣстностью въ отношеніи другъ- гихъ пустошей. Въ документахъ обозначали уже такъ: Сельцо Кунцово «Ъ'ПуСТОШЬМИ.

Такимъ образомъ, исторію Кунцова, какъ боярской дачи; какъперваго боярскаго поселенія, должно начинать съ 11 іюня 1649 г., съ Ильи Даниловича Милославскаго, перваго строителя этой дачи. Онъ владѣлъ ею девятнадцать лѣтъ, до своей кончины въ 1668 году. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что царствующій зять, царь Алексѣй Михайловичъ, во время своихъ охотничьихъ выѣздовъ по Звенигородской дорогѣ, не одинъ разъ бывалъ въ новой усадьбѣ своего умнаго тестя, заѣзжая на охоту - отдохнуть, позавтракать или попировать съ своими полчанами. Къ сожалѣнію наши свѣдѣнія объ этомъ очень скудны. Офранцуженное боярство XVIII вѣка вовсе не дорожило ни какою памятью о своихъ предкахъ и съ пренебреженіемъ выбрасывало изъ старыхъ сундуковъ всѣ ихъ дорогія письма и разныя хозяйскія домашнія записки объ ихъ житьѣ-бытьѣ, тщательно сберегая только бумаги - крѣпости на владѣнныя людьми и вотчинами. По этому самыя вѣроятныя догадки и предположенія о домашнихъ, близкихъ отношеніяхъ людей того времени, начиная съ самого государя, очень рѣдко могутъ утверждаться на точныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствахъ. Не имѣя въ наличности самаго любопытнаго и наиболѣе живаго источника Исторіи, именно домашнихъ - писемъ и записокъ, архивная изыскательность принуждена, ограничиваться только одними казначейскими, **официальными**, а потому всегда голыми и неполными свѣдѣніями.

О поѣздкѣ въ Кунцово царя Алексѣя Михайловича, при И. Д. Милославскомъ, въ Дневальной Запискѣ царскаго караула на Красномъ Крыльцѣ за 1661 годъ, находимъ между прочимъ слѣдующее:

„Октября въ 17 день въ четвертокъ Великій Государь хоходилъ въ походъ тѣшитца на іюле; а столовое кушанье было: въ селѣ Хорошовѣ; а тѣшился подъ селомъ Хвилями да въ Кунцово и хъ Заразхъ. А съ Москвы пошелъ въ отдачу часовъ nocturnыхъ (на разсвѣтъ, въ 7 часовъ утра), а къ Москвѣ пришелъ во 2 часу ночи (въ 7 часу вечера, слѣдовательно охотился весь день). И лѣ тотъ деѣ было съ утра до

3 часа пасмурно, а до вечера вѣдрено, а въ ночи было холодно и былъ морозецъ.^a

Но и такія, очень скудныя и случайный извѣстія въ тѣхъ же казенныхъ отмѣткахъ ограничиваются по большіой части голымъ сказаніемъ, что такого-то числа государь изволилъ идти тешиться на поле, вовсе не указывая, въ какую загородную местность. Уиолчаніе источника позволяетъ однако сообщать, что охотничьимъ полемъ царя не одинъ разъ, какъ упомянуто, бывала и красивая Кунцовская местность съ своими глухими береговыми обрывами — заразами, среди которыхъ водились тогда и медведи, и волки, не говоря о мелкомъ звере.

Для птичьей же соколиной охоты расположенныя вокругъ, Хорошовскія и Хвильскія, болота представляли еще больше удобствъ. Царь очень заботился объ этихъ болотахъ и строго приказывалъ беречь на нихъ всякихъ птицъ и постороннимъ отнюдь не ездить и не травить соколами, особенно когда требовалось править, т. е. учить царскихъ соколовъ. Въ 1650 г. іюня 11 онъ писалъ между прочимъ къ начальнику своей охоты, Аѳ. Матюшкину: „А въ Голенищеве приказать бы вамъ прикащику патриархову, чтобы берегли орлаковъ и всякихъ птицъ; а про Хвильскія и про Хорошовскія болота приказать Нетрунке Жидовскому, чтобы бѣрегъ орлаковъ и ни ктобъ не ездилъ...“ Очевидно, что вся эта окружная Кунцовская местность была знакома охотнику-царю, какъ свои пять пальцевъ.

Спустя две недели после описанной Кунцовской октябрьской охоты 1661 года царь былъ опечаленъ кончиною своего возлюбленнаго свояка и воспитателя, боярина Б. И. Морозова, котораго не стало въ 3 часу дня 1 ноября. Но былъ готовъ, на место стараго, новый временщикъ и обладатель царской воли и всего государства.

Заступивъ тотчасъ подле молодаго государя место Морозова, Илья Дан. Милославскій прославилъ себя непомернымъ корыстолюбіемъ, и взяточничествомъ, какъ уже замечено выше. Одно дело ему иѣе прошло даромъ. Въ 1658 г. царь съ та-

ними мудрыми для своего кармана совѣтниками придумаль выпустить, вмѣсто обычной серебряной монеты, мѣдную, уверенный, что цѣнность мѣдной не упадетъ и будетъ она ходить, какъ серебряная. Но разница мѣди отъ серебра была тотчасъ же понята и торговля запуталась и замѣшалась. Строгіе указы считать мѣдь за серебро не дѣйствовали, а при этомъ было также очень хорошо понято, что изъ мѣди и всякому можно чеканить монету, лишь бы не знала о томъ казна. Всѣ, кто умѣлъ, во многихъ городахъ, стали чеканить мѣдныя копѣйки и столько ихъ начеканили, что въ 1663 г. за 100 серебряныхъ копѣекъ нужно было давать мѣдныхъ полторы тысячи.

Между тѣмъ стали хватать воровъ-чеканщиковъ, Фальшивыхъ монетчиковъ; казнили ихъ смертною казнью, отсѣкали руки, прибывали тѣ руки у Денежныхъ дворовъ на стѣнахъ. Но иные не смотрѣли и на это и продолжали дѣлать деньги, особенно люди разбогатѣвшіе, которые, зная ходы, всегда откупались отъ бѣды, давая взятки царскому тестю, боярину Ильѣ Дан. Милославскому да думному дворянину Матюшкину, царскому дядѣ; а также дьякамъ и подьячимъ. Это поощрило многихъ корыстныхъ и богатыхъ людей даже изъ гостей, приставленныхъ на Денежный дворъ именно затѣмъ, чтобъ зорко смотрѣть за поддѣлкою: и они стали на Денежномъ же дворѣ чеканить деньги изъ своей мѣди для себя. Наконецъ дѣло вполнѣ обнаружилось и вполнѣ виноватыми оказались Милославскій и Матюшкинъ съ дьяками. Царь на боярина былъ долгое время гнѣвенъ, Матюшкина отставилъ прочь отъ Приказа, а казни имъ не учинилъ никакой. Между тѣмъ всѣхъ другихъ виноватыхъ, и дьяковъ, и гостей, безъ пощады казнили и ссылали. Это возмутило всю Москву.

Въ 1662 г. іюля 25 въ пятницу рано утромъ вѣдомо учинилось боярамъ, что на Покровкѣ и на Устрѣтенкѣ прибиты на городскихъ стѣнахъ три письма. Бояре послали стрѣльцовъ съ дьякомъ снять письма; до забунтовавшій народъ спять писемъ не даль: ихъ читали всѣмъ міромъ. Въ письмахъ Морозовъ, Милославскій и Матюшкинъ обвинялись въ измѣнѣ государству, будто ссылаются съ Польскімъ королемъ, хо->

тять государство погубить, поддать Королю. Но это былъ только обычный пріемъ обвиненія. Главная, настоящая вина скрывалась, хотя и была всѣмъ извѣстна. Объ ней нельзя было говорить, потому что нужны были свидѣтели, а съ ними и головы. Посадскій народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, и пошелъ къ царю въ Коломенское, гдѣ въ то время жилъ государь со всѣмъ семействомъ. Царь былъ у обѣдни, праздновалъ день рожденія своей царевны Анны. „И уяидѣлъ царь изъ церкви, идутъ къ нему въ село и на дворъ многіе люди, безъ ружья, съ крикомъ и съ шумомъ, требуютъ бояръ взяточниковъ на расправу. Царь велѣлъ боярамъ схорониться у царицы и у царевенъ въ хоромахъ, а самъ почалъ дослушивать обѣдню. Царица въ то время и царевичи и царевны, запершия, сидѣли въ хоромахъ въ великомъ страхѣ и въ боязни. Послѣ обѣдни царь вышелъ къ пароду. Люди ударили ему челомъ, чтобъ сыскалъ бояръ-измѣнниковъ и отдалъ имъ на убиеніе. Царь уговаривалъ ихъ тихимъ обычаемъ, чтобъ шли назадъ въ Москву, а онъ, какъ отслушаетъ обѣдню, будетъ самъ въ Москву и разберетъ дѣло, учипитъ сыскъ и указъ. И тѣ люди говорили царю и держали его за платье, за пуговицы:—„Чему дѣвѣрять?“ Царь обѣщался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку; одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ, и пошли къ Москвѣ всѣ. И царь имъ зга то не велѣлъ чинити ничего, хотя и было къмъ противитися.“ Только тогда, когда въ Коломенское подоспѣли новыя толпы возмущившихся и стали говорить къ государю сердито и невѣжливо, съ грозами: „буде онъ добромъ тѣхъ бояръ имъ не отдастъ, то они начнутъ ихъ у него имать сами, по своему обычаю.“ Только послѣ такого озорничества, государь закричалъ стольникамъ и всему войску, чтобъ тѣхъ людей бить и рубить до смерти и живыхъ ловить. Безоружные люди противитися не могли, бросились бѣжать, топились въ Москвѣ-рѣкѣ. И было пересѣчено и переловлено ихъ больше 7000, а иные разбѣжались. Въ тотъ же день около села повѣсили 150 челов. Остальныхъ пытали, жгли, отсѣкали руки и ноги, и у рукъ и у ногъ паицы; иныхъ ОИДИ кнутемъ и клали имъ на лицъ, на правой сторднѣ, при

знаки, разжегши желѣзо на краснo; а поставлено на томъ же- лѣзѣ буки, т. е. бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатенъ. Послѣ наказанія разослали ихъ и съ семьями по далекимъ го- родамъ, въ Казань, въ Астрахань, на Терекъ, въ Сибирь. Апу- щихъ самыхъ воровъ въ тотъ же день ночью, завязавъ руки назадъ, потопили въ Москвѣ-рѣкѣ. Но не всѣ были воры, пря- мыхъ воровъ больше не было что съ 200 человекъ; невинные люди ходили за ворами изъ любопытства: всѣ погибли, и виноватый и правый. Вообще по этому мѣдноденежному дѣлу было погублено больше 15000 человекъ. Много погибло честныхъ и знатныхъ и богатыхъ людей. А главная пружина смуты, Ми- лославскій съ товарищи, осталась цѣла, и государева милость къ нимъ не измѣнилась. Конечно они натерпѣлись большаго страха. Сама царица такъ испугалась этой смуты и кровопро- литія, что лежала въ болѣзни больше году. Спустя три года, заболѣлъ и Милославскій: пораженный параличемъ, онъ лишился тѣлесныхъ и умственныхъ силъ и не сталъ ни кого узнавать. *) Въ этомъ несчастномъ положеніи онъ оставался еще три года и скончался 20 мая 1668 г. Государь похоронилъ своего тестя съ такимъ торжествомъ, какое рѣдкокому выпадало на долю даже изъ царскихъ особъ, а не то что изъ боярства. Въ то время въ Москвѣ пребывали Вселенскіе патріархи, Ма- карій Антиохійскій и Паисій Александрійскій, поставивши на мѣсто Никона патріархомъ Руси Іоасафа. Всѣ три патріарха съ прочими архіереями и властями отпѣвали Милославскаго на Троицкомъ подворьѣ, въ присутствіи государя и боярства. Отпѣваніе было въ трапезѣ; патріархи всѣ трое стояли противъ гроба, а власти всѣ по сторонамъ, одинъ за другимъ, по чину; самъ государь стоялъ въ церкви, потому что въ трапезѣ было очень тѣсно; на юбоихъ крылосахъ пѣли патріаршіе пѣв- чіе; Евангеліе читали патріархъ Паисій Александрійскій и

*) Дв. Р. III, 599. 1665 г. окт. 31, по случаю этой болѣзни государь указалъ въ Стрѣлецкомъ Привазѣ въ грамотяхъ и игъ другихъ официальныхъ бумагахъ его ян яе писать. Однако я Стрѣлецкій Првгазъ и Пряказъ Большой Казны все еще состоятъ оодъ управленіемъ Милославскаго до самой его смерти,

патріархъ ІоасвФЪ Московскій. Провожасть гробъ до церкви Николы у Столпа, гдѣ погребены родители Милославскихъ, митрополитъ Сарскій и все боярство съ царевичемъ Грузинскимъ во главѣ, въ предіествіи пѣвчихъ государевыхъ и патриаршихъ.

По смерти боярина Кунцовская его дача была приписана опять къ дворцовымъ волостямъ. Но, конечно, оставшіеся родственники не лишали себя надежды при случаѣ выпросить эту небольшую вотчину въ собственное владѣнье. Надо было только приблизиться къ' государю, а это приближенъе со смертью Ильи Дан. перешло къ другому роду, къ Нарышкинымъ, потому что и корень благополучія Милославскихъ, царица Марья Ильинична не прожила и году по смерти своего отца и скончалась 3 марта 1669 г., а въ 1671 г. государь женился на Натальѣ Кирилловне Нарышкиной.

Счастье Милославскихъ съ каждымъ годомъ все больше слабѣло. Однако обстоятельства переменились: умеръ и самъ царь Алексей; на престолъ вступилъ его сынъ Ѳеодоръ, рожденный отъ Милославской, и такимъ образомъ удаленный родъ снова сталъ подыматься и приближаться къ милостямъ государя. При Ѳеодоре, Митто временщика, безъ котораго въ на- шемъ старомъ государстве обойтись ни какъ было не возможно, стремился всеми силами занять нлемянникъ Ильи Даниловича, Иванъ Михайловичъ Милославскій, человекъ деятельный, очень хитрый и очень способный къ исправленію всякаго рода государственныхъ должностей, а при этомъ и достаточно богатый. Онъ въ тотъ же годъ утвердился крепко при молодомъ царе, поддерживая крепкую дружбу съ те- ремомъ царевны Софьи, ненавистницы Нарышкиныхъ, и устро- ивая постепенно вместе съ нею все дела такъ, чтобы Нарышкиныхъ и съ царевичемъ Петромъ вовсе лишитъ наследства царствомъ. Вскоре онъ назначенъ былъ начальникомъ Приказа Большой Казны, по теперешнему, какъ-бы министромъ фи- нансовъ. Вместе съ Стрелецкимъ Приказомъ это была самая вліятельная самая сильная должность въ государственномъ управленіи, которая всегда и попадала въ руки временщиковъ.

Чего въ самомъ дѣлѣ лучшего желать, какъ не управлять деньгами и войскомъ. Это по просту значило держать въ рукахъ все государство, какъ въ дѣйствительности и держали его при царѣ Алексѣѣ сначала Морозовъ, а потомъ И. Д. Милославскій. Племяннику Ильи Дан., Стрѣлецкая, т. е. военная часть не попала въ руки: онъ еще былъ молодъ службою; за то попали Финансы.

Ставши во дворцѣ силою, Иванъ Михайловичъ тотчасъ протянулъ руку и къ Кунцовской дачѣ.

Въ 1677 г. село Кунцово съ пустошами въ количествѣ* 76 четвертей земли было пожаловано изъ дворцовыхъ селъ новому любимцу дворца. Этотъ новый любимецъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, прославился больше искусствомъ глубокаго и тонкаго придворнаго политика и руководителя интригъ и тайныхъ заговоровъ, чѣмъ прямыми и полезными отечеству государственными дѣлами. Въ началѣ своего поприща, при вступленіи на царство царя Ѳедора Ал., сына Милославскаго, онъ искусно работалъ за одно съ царевною Софьею, чтобы удалить отъ престола родство Нарышкиныхъ и всѣхъ ихъ сторонниковъ, т. е. разчистить себѣ мѣсто для дальнѣйшихъ дѣйствій. Передъ нимъ поперегъ дороги стоялъ очень сильный сторонникъ царицы Натальи Кир., бояринъ Артемопъ Серг. Матвѣевъ, знаменитый своимъ умомъ, образованіемъ и заслугами государству. Матвѣевъ былъ тоже помѣщикомъ Стунскаго стана. Онъ владѣлъ селомъ Спасскимъ, Манухино тожъ, на Стунѣ, гдѣ и до сихъ поръ красуется старинная церковь, вѣроятно имъ же и построенная.

Чтобы удалить отъ двора Матвѣева и родственниковъ вдовствующей царицы Нарышкиныхъ, опасныхъ соперниковъ въ достиженіи придворнаго благополучія, Милославскій вступилъ въ союзъ съ царскимъ Дворецкимъ Б. М. Хитрово, любимцемъ царя Алексѣя. Это былъ по нынѣшнему министръ двора. Онъ управлялъ дворцовой частью въ товариществѣ* съ своимъ племянникомъ Александр. Савост. Хитрово; былъ челоукомъ\$къ тоже очень тонкій въ придворныхъ интригахъ и дѣй-

ствовалъ всегда, какъ говорить о немъ Коллинсъ, изъ за дѣря, т. е. наушничествомъ, отчего его и прозывали інепчущимъ любимцемъ. Хитровы въ крепкую себе подпору присовокупили свою сродницу Анну Петровну Хитрую, дворовую боярыню царя Ѳедора Ал., по теперешнему штатсъ-даму, которая во внутреннихъ коннятахъ была въ то время первую силою и очень ненавидѣла сторону Нарышкиныхъ, особенно царицу Наталью Кирилловну. Еще былъ въ томъ же совете Василій Сем. Волынской, который, ѣздя часто по боярскимъ пирамъ, старался всеми мѣрами ушничать и обносить Матвеева и составлять на него разные ковы.

Вскоре этотъ совѣтъ достигъ своей цели. Молодой царь Ѳедоръ Ал. болелъ скорбутомъ и часто лечился. Матвеевъ, какъ другъ его отца, самый близкій и доверенный человекъ, ходилъ за больнымъ, именно подавалъ ему лекарства. Это обстоятельство и дало возможность взвести на него хотя бы подозрѣніе въ томъ, что онъ что-то замышляетъ къ поврежденію государева здоровья. Въ царскомъ леченіи обрядъ былъ, такой: когда государь составы докторскіе принималъ, то прежде лекарство накушивали малую долю сами доктора, потомъ накушивалъ тотъ, кто подавалъ государю и другіе самые близкіе люди. У царя Ѳедора накушивали его дядьки, бояре Ѳед. Ѳед.. Куракинъ и Иванъ Богд. Хитрово, двоюродный братъ Ивана Михайловича. Матвеевъ же, угождая государю, выпивалъ на глазахъ у него и всехъ предстоящихъ даже и все что оставалось въ склянке. „Принявъ у государя рюмъ и что оставалось, на ладонь вылью и выпью“, говорилъ после Матвеевъ въ своихъ оправдательныхъ письмахъ. Онъ думалъ тѣмъ усугубить къ себе государскую милость. Но вышло иначе. Его именно и обвинили въ томъ, что лекарствами онъ намеревался повредить государеву здоровью и что остатковъ лекарствъ вовсе не выпивалъ. Къ этому явился еще извѣтъ одного лекаря, который свидетельствовалъ, что будто сказывалъ ему Захарка, карликъ Матвеева, что бояринъ однажды у себя дома съ докторомъ Степаномъ читали черную книгу и въ то время будто пришло къ нимъ въ палату ле

чистыхъ духовъ множество, и говорили имъ нечистые духи въ слухъ, что есть у нихъ въ аалатѣ тротій человѣкъ; а карликъ Захарка спалъ въ то время за печкой... Будто бояринъ, осмотрѣвъ комнату, нашель карлика, подиаль и ударилъ его о землю, топтль ногами и выкинулъ изъ палаты за-мертво. Да и самъ лекарь будто видѣль, какъ бояринъ съ докторомъ Степаномъ и переводчнкомъ Николаемъ Спатаріемъ, запершись, черную книгу читали. По тогдашнимъ дворцовымъ порядкамъ и при общемъ суевѣріи, все это было очень подозрительно и опасно, а особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось низвергнуть близкаго къ государю человѣка. Это былъ самый обычный и самый легкій способъ обвинить кого угодно. Безъ всякаго суда и изслѣдованія, Матвѣва тотчасъ удалили изъ комнатъ государя со всякимъ уничиженіемъ и позоромъ, давъ ему сначала для приличія воеводство въ сибирскій городъ Верхуторье, а какъ выѣхаль изъ Москвы, сослали его въ Пустозерскъ, гдѣ онъ и томился болѣе шѣсти лѣтъ.

Вотчины Матвѣва, по обычному порядку въ тѣхъ случаяхъ, были отписаны ко Дворцу и товарищъ дворецкаго, Александръ Савост. Хитрово, воспользоваться обстоятельствами, какъ близкій сосѣдь Матвѣва по помѣстьямъ Сѣтунскаго Стана (въ его владѣнїи было Окулово и дер. Яскино). Онъ вывезъизъ Матвѣвскихъ сель, Спасскаго и Артеноновскаго-Одинцова, не только пожитки и всякіе хозяйственные заводы, а также и дворовыхъ людей, но перевезъ къ себѣ и хоромы боярина.

Между тѣмъ Матвѣвъ съ сыномъ Андреемъ, живя въ Пустозерскѣ, буквально помираль даже съ голоду. Ему выдавалось корму меньше, чѣмъ ссыльнымъ старовѣрамъ, напр, же-нѣ и дѣтямъ протопопа Аввакума, находившимся въ то время на Мезени и получавшимъ кормовыхъ, большіе по грошу на человека, дѣти по три денежки. Матвѣву же выдавалось тоже только по три денежки и даже меньше. Однажды у боярина съ его дворовыми, которыхъ было при немъ безъ малаго 30 ч., осталось на лицо всего три сухаря, такъ что добрый Мезенскій воевода Тухачевскій отдалъ ему половину своего

хлѣбнаго запаса, т. е. всего три куля ржаной муки. Матвеевъ писалъ одну за другою горькія и слезныя челобитныя къ царю, къ патріарху, къ царскому духовнику, къ боярамъ, прося не о возвращеніи къ прежней царской милости, а только объ облегченіи его горькой участи. Черезъ четыре года челобитныя стали по немногу действовать: изъ Пустозерскаго Острога онъ былъ переведенъ на Мезень.

На седьмой годъ, въ 1682 г. въ январѣ; государь повелѣлъ наконецъ возвратитъ ему вотчины и переехать изъ Мезени въ городъ Лухъ. Въ концѣ апреля того же года царь Ѳед. Ал. скончался, что сильно опечалило Матвеева, потому что онъ вовсе не зналъ, какъ пойдутъ въ Москвѣ дѣла и въ чьи руки попадетъ управленіе государствомъ. Известно, что на царство былъ избранъ малолетный царевичъ Петръ отъ Нарышкиной, помимо старшего брата Ивана отъ МилОславской, слабаго здоровьемъ и умомъ. Дела след, поворотили на сторону Нарышкиныхъ и Матвеева. Тотчасъ рь нему былъ присланъ гонецъ, чтобъ спешилъ возвратиться въ Москву. На пути въ Троицкомъ монастыре его встрѣтилъ новый посоль, думный дворянинъ Лутохинъ, съ рбѣдвленіемъ, что возвращается ему прежняя боярская честь. Въ селе Братовщине встретилъ его родной братъ царицы, Аѳанасій Кириловичъ Нарышкинъ, а подь Москвою встретили съ поздравленіемъ москвичи всякаго чину люди въ безчисленномъ множестве. Матвеевъ былъ на* стоящій слуга государству и потому народъ его хорошо помнилъ и радъ былъ егб возвращенію. Есть достоверное преда* ніе, что его домъ въ приходе у Николы Столпа, построень изъ могильныхъ прародительскихъ камней московскихъ^ стрѣльцовъ и слобожанъ, которые, узнавъ, что Матвееве задумалъ строить себе палаты, а камня въ городе небыло, предложили ему въ даръ эти плиты и не хотели взять за нихъ ни какой цены и ни какихъ подарковъ.

12 мая Матвеевъ прибылъ наконецъ въ Москву въ этотъ достопамятный свой домъ, опустошенный и разоренный до конца въ его отсутствіе. На другой день утромъ онъ былъ во дворце. Какая была ему оказана царская милость и какова

была общая радость при этомъ свиданіи, того ви какое человеческое писало достаточно исписати не-возможеть, гово- риль послѣ его сынъ.

Всѣ бояре и палатные люди, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ, поспѣшили воздать честь и заявить свою радость Матвѣеву своимъ посѣщеніемъ. Одинъ только Ив. Мих. Милославскій, прикинувшись больнымъ, не былъ у боярина и по обычаю не прислалъ даже спросить о здоровьѣ. Онъ былъ очень занятъ своимъ дѣломъ. А дѣло было великое. Дѣло шло о томъ, кому быть, кому первенствовать въ царствѣ*. Избраніе на пррстолю Петра совсѣмъ разрушало благополучіе Милославскихъ, потому что сторона Нарышкиныхъ не могла же имъ простить гоненій и ссылокъ, посредствомъ которыхъ Милославскіе очистили было дворець для своихъ дѣйствій. Нарышкины и Матвѣевъ, возвращенные изъ ссылки, тотчасъ заняли соответствующее царскимъ роднчамъ положеніе и стали первенствовать во дворцѣ въ тотъ же день.

Ив. Мих. Милославскій, главный руководитель .своей пар- ти, все это давно предвидѣлъ и готовилъ заранѣе свою встрѣчу возвратившимся изгнанникамъ и всѣмъ тѣмъ, кто не любъ былъ сторонѣ Милославскихъ. Онъ потаенно, невидимыми путями, самъ какъ будто ни въ чемъ не участвуя, въ совѣтѣ съ царевною СоФьею, давно уже наговаривалъ стрѣльцовъ подняться и потребовать ненавистныхъ людей на кровавую расправу.

Видимый и всѣмъ стрѣльцамъ понятный предлогъбылъ тотъ, что старшій братъ нареченнаго государя, царевичъ Иванъ Алекс., обойденъ избраніемъ на царство, что избраніе Петра сдѣлано не законно. Къ этому разумѣтса присовокунлялись разнообразныя клеветы и выдумки на Нарышкиныхъ, вполне возмутительныя для народа. Распространенъ былъ слухъ, что царевича Ивана Нарышкины хотять извѣсти отравою; а въ тоже время стрѣльцамъ обѣщаны болынія награды и прибавки жалованья? Возстаніе было уже совсѣмъ въ готовности и ожидали только одного, чтобъ пріѣхалъ изъ ссылки Матвѣевъ. Черезъ три дня по его пріѣздѣ, 15 мая, поднятые слухомъ, что

царевича Ивана Нарышкины задушили, стрѣльцы собрались у Краснаго Крыльца и потребовало, чтобъ имъ показали царевича Ивана, живъ ли онъ? говоря что бояре взмѣняютъ и чтобъ выдали имъ втихъ измѣнниковъ. Когда имъ отвѣтили, что названныхъ бояръ во дворцѣ нѣтъ, то стрѣльцы сами ворвались въ царскіе хоромы. Первою жертвою былъ Матвѣевъ; его вскинули съ Краснаго Крыльца и принявъ на площади на копья разсѣкли на мелкія части. Изъ Нарышкиныхъ были убиты родные братья царицы, Афанасій и Иванъ Кириловичи и Петръ Ѳомичъ. Отецъ царицы КирилаПолухтовичъ былъ постриженъ и сосланъ въ Кириловъ монастырь.

Молодые спальники Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Кири., и другіе спаслись, вѣроятво, потому что были еще очень молоды и не грозили еще никому своимъ соперничествомъ.

Во все это время главная пружина этой плачевной трагедіи, Ив. Мих. Милославскій не показывался. Онъ былъ болѣнъ. Дѣло было сдѣлано, сторона Софьи восторжествовала и Милославскіе по прежнему остались на своихъ мѣстахъ.

Но черезъ три года внезапная смерть, вѣроятно отъ удара, постигла и Ивана Михайловича, въ 1685 г. Юля 27. Онъ умеръ ни кѣмъ не примѣченный въ своихъ ковахъ по возмущенію стрѣльцовъ и по возбужденію общей ихъ ненависти къ Нарышкинымъ и слѣд. къ будущимъ реформамъ Петра. Онъ умеръ, но заготовленное и разсыпанное имъ сѣмя выросло не одинъ разъ и окончательно и съ корнемъ было истреблено только въ послѣдній стрѣлецкій бунтъ 1698 года, когда князь-кесарь Ромодановскій, извѣщая объ этомъ бунтѣ государя, бывшего въ то время за границей, выражался именно такъ: „Сѣмя Ивана Михайловича растетъ,“ на что Петръ отвѣтствовалъ: „Прошу васъ быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ни чѣмъ сей огонь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго поплѣзнаго дѣла, прибавлялъ государь, однако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете.“

Понятно, съ какими чувствами государь воротился тогда въ заграницы, чтобы раздѣлаться съ сѣменемъ Ивана Михайловича. Послѣдній актъ кровавой трагедіи легъ гекньшъ ап-

номъ и на самого Петра, а онъ неизбѣжно долженъ былъ разыгратъ только съ перемѣною ролей. Въ первомъ актѣ палачами были стрѣльцы, въ этомъ послѣднемъ къ ужасу человечества палачами явились бояре и самъ государь. „Сія сарынь, (толпа народа, сволочь) кромѣ жесточи не можетъ унята быть,* мыслить государь о всѣхъ-подобныхъ стрѣleckихъ и казацкихъ возмущеніяхъ.

Не забыть былъ въ этомъ актѣ и Иванъ Михайловичъ», спустя уже тринадцать лѣтъ послѣ его смерти. „Въ то время къ казни **стрѣльцовъ** изъ могилы въ трапез* **церкви** Николы Столпа выкрланъ мертвый бояринъ Ив. Мих. Милославскій и привезенъ въ Преображенское въ саняхъ на шести чудскихъ свиньяхъ въ сопровожденіи палачей; и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы имъ сѣкли и руду (**кровь**) точили въ гробъ на него Ивана Милославскаго.* Поел* того останки его были разсѣчены на части палачами и во всѣхъ застѣнкахъ въ Москвѣ подъ дыбами закопаны на вѣчную его Милославскаго кровопролитную память. „Мужа кровей и лъсти гнушается Гѣсподь,* — оканчиваетъ эту повесть современникъ событія.

Въ это время Кунцовская вотчина Милославскаго принадлежала уже одному изъ Нарышкиныхъ, боярину Льву Кирилловичу, родному брату царицы Натальи Кирилловны, который счастливо спасся отъ смерти во время перваго стрѣleckаго бунта. Мы теперь расскажем, какъ она ему досталась.. У Ивана на Мих. Милославскаго послѣ его смерти въ 1685 г. осталась одна дочь, **дѣвица** Ѳедосья. По царскому указу вотчина **была** отдана ей. Въ 1668 г. Ѳедосья Иванъ, съ этою вотчиною **вышла** замужъ за Имеретинскаго царевича Александра Арчиловича. Новая помѣщица Кунцова, ставшая Имеретинскою княгинею, прожила въ этомъ почетномъ имени всего годъ. Въ 1689 г. она скончалась. Тогда, по царскому указу и вѣроятно по ея звещанію, село Кунцово, какъ уже родовая ея вотчина, было отдано со всеми угодьями въ Домъ Пречистыя Богоро-

дяды в Москов. Чудотворцевъ, т. е. въ Успенскій соборъ, а собственно святѣйшеиу Іоакиму патріарху для вѣчнаго помвоженія боярина Ильи Данил, в хены его Екатерины Ѳеодоров. и боярина Ив. Мих. Милославскихъ и дочери послѣдняго, княгини Ѳедосьи Имеретинской и ихъ родственниковъ. Такимъ образомъ Кунцово сдѣлалось патріаршею вотчиною и вѣроят- но было приписано къ селу Троицкому-Голенищеву. Нѣтъ сомнѣнія, что сюда пріѣзхалъ, быть мохетъ и не одинъ разъ, новый вотчинникъ сельца, патріархъ Іоакимъ. Впрочемъ патріаршій престоль владѣль Кунцовымъ не больше году.

Въ отказной книгѣ 1689 г., по которой Кунцово утверждено за патріархомъ, мы находимъ любопытное описаніе и вотчинникова Кунцовскаго двора, т. е. Кунцовской первой боярской усадьбы, основанной по всему вѣроятію еще Ильею Дан. Милославскимъ и окончательно устроенною ухе Ив. Мих. Милославскимъ. „Въ сельцѣ Кунцовѣ на рѣкѣ на Москвѣ на рѣчкѣ на Хвилкѣ—дворъ вотчинниковъ, надворъ строения: двѣ горницы на глухихъ подклѣтахъ, мехъ ими сѣни, на сѣняхъ и по горницамъ чердаки (терема) покрыты тесомъ; позади хоромъ баня, кругомъ двора заборы, ворота створчатые; на дворѣ жъ три сарая, поварня, подлѣ поварни погребъ да ледникъ, ва нихъ напогребницы покрыты тесомъ; на дворѣ* хъ у воротъ изба на глухомъ подклѣтѣ съ сѣнями, на сѣняхъ чердакъ; на дворѣ хъ пять хитницъ, четыре покрыты тесомъ; да дворъ скотный, на немъ три избы людскихъ, конюшня, два сарая, крытые тесомъ. Да въ томъ хе сельцѣ Кунцовѣ три сада позади двора; прудъ на рѣчкѣ на Хвилкѣ. Да въ томъ хе сельцѣ Кунцовѣ позади сѣнныхъ покосовъ, которые по берегу Москвы-рѣки поросли кустаремъ, на горѣ роща сосновая; в по сказкѣ понятыхъ людей, то сельцо построено на церковной хе землѣ на пустоши Плуткиной.[№]

Надо замѣтить, что въ томъ хе 1689 г., когда Кунцово поступило въ число патріаршихъ вотчинъ, іюнн 11, близъ лежащее дворцовое село Хвили съ деревнями Мазиловымъ, Ипскимъ, Гусаревымъ, было похаловаво въ вотчину боярину Льву Кириловичу Нарышкину, родному брату царицы На

талыи Кир. Такимъ образомъ земли и угодыя деревень Ипской и Мазиловой подошли къ самой Кунцовской межѣ. Кунцово, конечно, мѣсто было хорошее, но едвали особенно выгодное для патріаршаго хозяйства; между тѣмъ къ землямъ боярина Нарышкина оно очень сближалось и могло бы хорошо округлить его новую вотчину. Возникла мысль присоединить и Кунцово къ селу Хвилямъ. Это сдѣлать было не трудно. Если почему либо не возможно было купить у патріарха эту поминальную вотчину, то можно было ее промѣнять на земли, близко подходившія къ вотчинамъ патріарха въ другихъ мѣстахъ. Льву Кириловичу помогъ въ этомъ случаѣ близкій ему чловѣкъ и сосѣдь по вотчинамъ, сынъ знаменитаго Матвѣева, тогда еще стольникъ, Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, владелецъ села Спасскаго—Сѣтуни.

Въ 1690 г. января 13 онъ помѣнялся съ благословенія патріарха на Кунцово своими землями и тотчасъ продалъ вымѣненное Кунцово въ полномъ составѣ со всѣми пустошами и угодыями Льву Кириловичу, такъ что въ томъ же году

5 апр. оно было укрѣплено за бояррномъ и официальною отказною Записью изъ Помѣстнаго Приказа. Очевидно, что Матвѣевъ былъ въ этомъ дѣлѣ только посредствующимъ лицомъ. За Кунцово съ Городищемъ на церковной землѣ Покрова Богородицы и пустошами Плуткино и Резанцово, онъ отдалъ свое сельцо Савелии съ пустошами и крестьянами, Горе- това стана, подлѣ Крюковской станціи петербургской желѣзнодорожной. За крестьянъ и всякое дворовое строеніе Матвѣевъ получилъ отъ патріарха, сверхъ Кунцова, еще деньгами- тысячу рублей. И вотъ дѣти несчастныхъ отцовъ, столько по-? терпѣвшихъ отъ Ив. Мих. Милославскаго, помогая другъ другу, приобрѣтаютъ въ собственность его красивую вотчину, которая достается имъ уже изъ патріаршихъ благословенныхъ рукъ.

Общественное и даже служебное значеніе боярина Льва Кириловича определяется только тѣмъ, что онъ былъ стар-

шамъ дядей Петру Великому и по родству съ государемъ пользовался почетомъ и уваженіемъ среди другихъ бояръ. Видимо, что ото былъ человѣкъ, хотя и очень высокоомѣрный, но не отличавшійся блестящими дарованіями и потому не занявшій виднаго мѣста въ числѣ сподвижниковъ Преобразователя. Петру, посреди его государственной, всегда неутомимой и горячей дѣятельности, нужны были товарищи~работники, но не родственники. Вотъ почему почти всѣ родственники царя, особенно старшіе, остались внѣ круга особенно близкихъ къ нему по работѣ людей, занимая разныя болѣе или менѣе почетныя, а иногда только титулярныя должности. Такъ, на время первой поѣздки въ чужіе край, управленіе государствомъ Петръ поручилъ особой Думѣ или совѣту изъ ближнихъ людей, въ которомъ титулярно и по своему родственному съ царемъ значенію первенствовали бояринъ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, а предсѣдательствовали среди бояръ и самыи дѣломъ управлялъ государствомъ не бояринъ, а ближній стольнику, кн. Ромодановскій, Ѳедоръ Юр., титулованный княземъ—кесаремъ и государичемъ.

Въ то время, какъ еще разрасталось сѣмя Ив. Милославскаго и царевна Софья, при содѣйствіи Шакловнтаго, употребляла всѣ мѣры, чтобы привести въ ненависть у стрѣльцовъ и Нарышкиныхъ и самого Петра, пригодилося и имя боярина Льва Кириловича. Одинъ изъ самыхъ близкихъ по вѣреннымъ царевны, подъячій Матвѣй Шошинъ, въ іюль* 1688 г., нарядившись въ бѣлый атласный кафтанъ и боярскую шапку, и сопровождаемый такими же переряженными заговорщиками изъ стрѣльцовъ, проѣхалъ на лихіихъ коняхъ ночью по Мясницкой и Покровкѣ. Когда караульные стрѣльцы у Мясницкихъ, нынѣ Красныхъ, воротъ по обычю окликнули: кто ѣдетъ? Передовыѣ всадники отвѣтили: „ѣдетъ бояринъ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ!“^a—и подхватя караульного, стали бить кистенями, плетями и обухами невѣдомоза что; били за мертво; а одинъ кричалъ, чтобъ били до смерти, причемъ другой уговаривалъ: „Левъ Кириловичъ, за что его бить до смерти? душа христіавская!“

Тѣмъ же порядком* этотъ Левъ Кириловичъ съ товарищамъ изувѣчилъ караульнаго и въ Покровскихъ воротахъ. По осмотру „у одного караульнаго голова въ двухъ мѣстахъ была проломлена, въ 4 мѣстахъ разсѣчено, по плечамъ и по спинѣ въ 7 мѣстахъ забagroімено и сине, знатно бито обухами. У другаго на головѣ по затылку было проломлено больно, на лѣ- вомъ плечѣ пробито больно и сине, на спинѣ на поясницѣ сине, у лѣвой руки два меныіе перста перебиты, на лѣвой ногѣ пробито больно*. Стрѣльцы приходили съ жалобою въ Стрѣ- лецкій приказъ, гдѣ оамъ начальникъ Шакловитый публично ихъ осматривалъ, давалъ лекарства изъ царской аптеки.

И все это творилось съ тою цѣлью, чтобъ снова взбунтовать несчастныхъ стрѣльцовъ противъ Петра и его родства, противъ людей, которые на его сторонѣ становились сильными и выдвигались впередъ.

Левъ Кирил. получилъ дворцовое село Хвили въ ротчину мѣсяца за два передъ тѣмъ, какъ наконецъ эти заговоры настолько уже созрѣли, что готовы были произвести въ госу- дарствѣ желанный переворотъ, т.е. совсѣмъ покончить съ Пет- ромъ, который принужденъ былъ даже бѣжать изъ Преобра- женскаго въ Троицкій монастырь, чтобъ спасти собственную жизнь. Въ тоже время, іюля 28, Шакловитый прямо объявлялъ стрѣльцамъ, что кн. Борисъ Алексѣев. Голицынъ и Левъ На- рышкинъ съ братьями хотятъ извести царевну Софью и „ве- лѣ- лѣ приготовить чело- вѣкъ по 50 и по 100 отъ полка, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ перебить этихъ бояръ и всѣхъ приверженцевъ Петра.* А царевна Софья 1 августа во дворцѣ жаловалась передъ стрѣльцами: „Ужъ житя намъ не стало отъ Бориса Голицына да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили, брата Іоанна ставятъ ни во что; комнату его дровами закидали; меня называ- ютъ дѣвкою, какъ будто я и не дочь царя Алексѣя Мих.*, и т.д.

Очень Понятно, что Левъ Кириловичъ точно также бѣжалъ къ Троицѣ вмѣстѣ или вслѣдъ за царемъ-племянникомъ.

Въ такихъ опасностяхъ, а потомъ въ розыскахъ прошла осень 1689 года. Конечно въ это время нельзя было помнить

объ устройств® новыхъ деревень. Когда Петръ побѣдилъ, уничтожилъ заговоръ и удалилъ отъ правленья царевну Софью, Левъ Кириловичъ получилъ очень важное, но болѣе титулярное, наЭначеніе: еиу въ управленіе отданъ былъ Посольскій Приказъ, въ которомъ однако главную роль занималъ опытный дипломатъ, думный дьякъ Емельянъ Украинцовъ.

Въ апрѣлѣ 1690 г., какъ упомянуто, была присоединена къ помѣстью Нарышкина и Кунцовская вотчина. Съ этого года бояринъ сталъ очень прилежно заниматься своими дачами и въ отношеніи крестьянскаго населенія совсѣмъ ихъ переустроилъ, переведя и село и деревни на новыя мѣста.

Село Хвили онъ получилъ въ 1689 г. въ слѣдующемъ состояніи: въ селѣ по прежнему стояла деревянная церковь, строенная клѣтски, во имя Покрова, но уже безъ придѣла Зачат св. Анны. Къ церкви была прирублена трапеза, а около всего храма существовала паперть, на которой съ западной стороны возвышалась небольшая колокольня съ шатровымъ верхомъ и съ 4 колоколами. Вся постройка и съ папертью была покрыта тесомъ. На церковной землѣ былъ одинъ только дворъ погіа. Боярскаго двора уже не было, ибо крестьяне пахали только государеву дворцовую десятинную пашню, по 15 десятинь въ полѣ. Крестьянскихъ дворовъ было 17. Подъ селоМъ, на устьѣ Хвилки, по прежнему существовалъ прудъ съ ветхимъ мостомъ урезъ плотину; въ прудѣ была рыба: щука, окуни, плотиц а, головли; да среди пашни было озерко, что слыветъ черной прудокъ, а въ немъ рыба караси.

Къ селу же принадлежала большая роща, 75 десятинь, промежь деревень Гусаревой и Ипской, состоявшая изъ осиннику, березнику и липняку. При селѣ числились три деревни: Гусарева на Москвѣ-рѣкѣ съ 3 дворами, Ипская на Москвѣ- рѣкѣ съ 3 дворами жилыми и однимъ пустымъ, и Мазилова на Хвилкѣ съ 12 дворами.

Х'озяйскаго запаса въ селѣ бояринъ получилъ только 30 четвертей ржи, 7 четвертей овса, да къ 1689 г. засѣдно было 15 десят. ржи и 15 овса.

Вотчинное устройство въ селѣ бояринъ Левъ Кириловичъ началъ постройкою новой, уже каменной церкви, существующей до нынѣ и отличающейся красивою архитектурою въ стилия возрожденія. Стародавній престоль Покрова Богородицы **оставленъ** въ этомъ храмѣ въ нижнемъ ярусѣ, а вверху былъ устроенъ новый престоль во имя Спаса Нерукотвореннаго. При каждой церкви бояринъ учредилъ особый причтъ, состоявшій у Спаса изъ попа и 2 дьячкова, а у Покрова изъ попа, дьячка и пономаря. Церковь, если не строилась, то украшалась на счетъ дворцовой казны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выстроилъ боярскій дворъ, развелъ садъ, устроилъ конюшенный дворъ. Крестьянское населеніе села бояринъ перевелъ на большую Мохайскую дорогу и поставилъ тамъ новую деревню Фили, въ которой въ 1704 г. числилось 22 двора и 99 чел. крестьянъ.

Болѣе устроеннымъ бояринъ получилъ село Кунцово. Въ немъ тогда существовалъ описанный выше дворъ вотчинниковъ со всякимъ дворовымъ строеніемъ, въ числѣ котораго былъ дворъ конюшенный и скотный и дворъ птичій. Здѣсь въ первое время и останавливался бояринъ въ свои лѣтніе пріѣзды въ вотчину. Во дворахъ жили только дворовые люди, при Нарышкѣ въ 1704 г. 12 чел., 6 на боярскомъ и скотномъ и 4 на птичьемъ; крестьянскаго же населенія въ Кунцовѣ, какъ сказано, въ то время еще не было. Для распространенія хозяйства бояринъ на Хвилкѣ же, по большой Звенигородской дорогѣ, поселилъ новую деревню Мазилу, въ которую перевелъ крестьянъ изъ прехнихъ трехъ деревень: Мазиловой, искони тутъ же существовавшей, изъ Ипской и Губаревой, стоявшихъ на берегу Москвы-рѣки, такъ что въ новопоселенной деревнѣ въ 1704 г. считалось уже 20 дворовъ съ населеніемъ 58 человекъ и одинъ дворъ пустой. Вѣроятно въ то же время (1690—1704) Левъ Кир. на мѣстѣ деревни Ипской насадилъ липовую рощу.

Такимъ образомъ изъ нашего разсказа, основаннаго на официальныхъ архивныхъ документахъ, оказывается, что Кунцово, вопреки свидѣтельству Карамзина, ни въ какое время

не принадлежало родоначальнику бояръ Нарышкиныхъ и отцу царицы Натальи Кирилловны, Кириллу Полуехтовичу. Историкъ по всему вѣроатію основался на одноиъ соображеніи, что всѣ вотчины Нарышкиныхъ должны вести свое начало отъ пожалованія ихъ начальному лицу въ этомъ боярскомъ родѣ.

Бояринъ Левъ Кир. померъ въ 1705 г. янв. 28. При немъ Кунцово и Хвили были соединены въ одну вотчину, которая въ годъ его смерти заключала въ себѣ: село Хвили съ церковью, сельцо Кунцово, 2 двора боярскихъ, при ѳихъ 2 двора конюшенныхъ, 1 дворъ птичій; двѣ деревни: Хвили небольшой Можайской дорогѣ и Мазилово, на большой Звенигородской дорогѣ, 42 двора крестьянскихъ, людей въ ннхъ 208 чело* вѣкъ, дворъ крестьянскій пустой, 2 двора поповыхъ, 3 двора дьячковыхъ, 1 дворъ пономаря.

Но бояринъ въ Московскомъ уѣздѣ владѣль и другими вотчинами. Въмѣстѣ съ Хвилями въ 1689 г. онъ получилъ село Чашниково и Черкизово (на^ Петербургской дорогѣ, 23 и 37 версть).

Въ 1691 г. было пожаловано его братьямъ, Мартемьяну—село Троицкое на Москвѣ-рѣкѣ съ деревнями; Ѳедору Кир.—село Медвѣдково (изъ отписныхъ знаменитаго кн. Вас. Вас. Голицына), которыя также по смерти ихъ поступили въ владѣнье Льва Кирилловича. Онъ же владѣль, какъ старшій въ родѣ, при матери Аннѣ Левонтьевнѣ и отцовскою вотчиною, селомъ С е м чинымъ, которое бояринъ Кирилль Полуехт. назвалъ Цетровскимъ (нынѣ Петроаское-Разумовское). Сверхъ- того онъ владѣль въ 1692 г. и Тульскими желѣзными заводами.

Вообще всѣ жалованный Кириллу Полуехт. и его дѣтяиъ вотчины, въ послѣдствіи, около 1700 года, соединились во владѣнье Льва Кирилловича, при чемъ главною вотчинницею до своей смерти оставалась его мать, вдова Кирилла Полуехт. боярыня Анна Левонтьевна Нарышкина.

Въ Кунцовской местности, владѣя Хвилями, Кунцовыиъ и Троицкимъ, Левъ Кир. владѣль почти всѣмъ берегомъ Москвы рѣки, начиная отъ Дорогомилова кладбища и до деревни Раздоровъ или до Архангельскаго и даже Ильинскаго, кромѣ

Къ сожалѣнію о состояніи всѣхъ вотчинъ, въ какомъ оставилихъ послѣ своей смерти бояринъ Левъ-Кир., мы не имѣемъ необходимыхъ свѣдѣній по той причинѣ, что въ 1708 г. описи всѣхъ доиовъ и церквей, въ Покровскомъ-Хвиляхъ, въ Кунцовѣ, Троицкомъ, Петровскомъ, Острадамовѣ, Чашнико- вѣ, были отданы изъ Помѣстнаго Приказа человѣку Александра Львовича, Ананѣ Иванову, и въ бывшій въ Москвѣ въ 1712 мак 13 пожаръ сгорѣли безъ остатку, вмѣстѣ съ домами Нарышкиныхъ и со всякими вотчинными и домовыми крѣпостями, такъ что Александръ и Иванъ Львовичи въ 1714 г. должны были выпросить изъ Приказа выписи или кодїи съ этихъ крѣпостей, дабы снова укрѣпить за собою вотчинническія права документами.

По смерти Петра, когда мысль о маіоратахъ или о дворянскомъ единовлaденіи была оставлена, братья Нарышкины, уже возрастные, пришли къ тому же, на чемъ искони стояло все русское вотчинничество. Въ 1732 г. они раздѣлили между собою всѣ свои недвижимыя имѣнія, причемъ Кунцово досталось Александру Львовичу. Отдѣлены ли были и Хвили для Ивана Львовича, неизвестно. Но Александръ Львовичъ съ того времени съ особенною заботою сталъ устроить свое Кунцово.

Въ 1744 г. онъ строить въ немъ каменную церковь во имя Знаменіи Б-цы, и нѣтъ сомнѣнія, что при немъ же въ отношеніи барскихъ построекъ Кунцово получило то устройство, какое существуетъ въ главныхъ чертахъ и доселѣ. При немъ вѣроятно основанъ и большой домъ, разбиты сады и проспекты, заведены ранжереи и т. п. Каменный храмъ былъ оконченъ не за долго передъ его кончиною, которая послѣдовала въ Петербургѣ 25 января 1746 г. .

Въ отношеніи служебнаго своего положенія Александръ Львовичъ скончался сенаторомъ, д. т. сов. и кавалеромъ обоеихъ орденовъ, Андрея Первозваннагои Александра Невскаго. •

Вообще должно замѣтить, что Нарышкины на служебномъ поприщѣ вовсе не отличались какими либо особыми громкими и важными заслугами государству. Но при Дворѣ они пользо-

вались великимъ вниманіемъ и значеніемъ, которое утвердилось за ними еще со времени Петра-Великаго. Какъ родственники императорской Фамиліи, они въ придворномъ кругу почитались какъ бы членами царскаго Дома и вообще пользовались преимуществами, какія обыкновенно предоставляются принцамъ крови. Левъ Кириловичъ былъ родной дядя Петру В., а его сынъ, Александръ, двоюродный ему братъ и слѣд. дядя дочерямъ государя, Аннѣ Петровнѣ и императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и дѣду Петру II-му. На церемоніи погребенія Петра Великаго сестры Александра Львовича, дѣвицы Анна и Марья Львовны, какъ двоюродныя сестры императора, церемониально шествовали въ глубокомъ траурѣ за гробомъ, имѣя по этикету своихъ ассистентовъ. Такое отношеніе къ царствующей Фамиліи ставило семейство Нарышкиныхъ очень высоко, такъ что и безъ особенныхъ заслугъ они всегда возвышались по одному только праву родства. Естественно, что и всѣ знатные въ то время люди старались родниться съ этимъ семействомъ особенно тѣмъ, которымъ желалось пробраться по ближе къ царствующей особѣ. Сестра Александра Львовича, Александра, была замужемъ за извѣстнымъ Волинскимъ, Артем. Петр.; другая, Аграфена, какъ упомянуто, за кн. Черкасскимъ. Племянница, дочь Ивана Львовича, Екатерина—за Разумовскимъ. Естественно также, что и сами Нарышкины, въ отношеніяхъ въ особамъ царскаго Дома, вели себя гораздо независимѣе, чѣмъ другіе придворные. Это особенно было замѣтно въ поведеніи Александра Львовича. Еще при Петрѣ Великомъ придворная молва назначала этого Нарышкина женихомъ цесаревны Анны Петровны, которой онъ приходился однако двоюроднымъ дядею. Это показываетъ, на какой ногѣ онъ стоялъ въ то время въ кругу близкихъ къ государю людей. Какъ двоюродный братъ императора-Преобразователя, онъ вель себя, смотря всего больше на это родство и вовсе забывалъ о подданствѣ.

При Петрѣ былъ въ его домѣ учитель Ив. Зейкинъ, венгръ родомъ, съ котораго Нарышкины ѣздили за границу. Этого учителя, какъ человека искуснаго и доброй совѣсти государь

въ 1722 году назначилъ учителемъ къ своему внуку Петру II-му. Но Нарышкинъ, не желая отпустить учителя, уговорилъ его отказаться отъ этой чести. Петръ повторилъ указъ въ 1723 году, чтобы вступить Зейкину въ дѣла свои немедленно. Но и послѣ новаго указа Александръ Львовичъ не отпустилъ Зейкина. Тогда разсерженный государь написалъ Макарову: „Нарышкинъ его не отпускаетъ, притворяя удобъ возможные подлоги, и также — я не привыкъ жить съ такими, которые не слушаются смиренно: того ради скажи и объяви сіе письмо, что ежели Зейкинъ по указу не учинитъ, то я не надъ Зейкинымъ, но надъ нимъ (Нарышкинымъ) то учиню, что доводится преслушникамъ чинить, ибо все сіе отъ него происходитъ“. Таковы были отношенія Нарышкина къ самому Преобразователю.

Въ царствованіе Екатерины I-й, при владычествѣ Меншикова, по случаю его стараній о томъ, чтобы по смерти императрицы возвести на престолъ ея внука Петра II, а главное, чтобы женить будущаго императора на своей дочери, Александръ Львовичъ Нарышкинъ присоединился къ той партіи, которая всего этого не желала и очень опасалась а потому всѣми мѣрами стала противодействовать временщику, надѣясь возвести на престолъ царевну Анну Петровну. Кромѣ другихъ лицъ, за одною Нарышкинымъ былъ и будущій любимецъ Петра II, кн. Ив. Ал. Долгорукій. Однако Меншиковъ восторжествовалъ: заговоръ былъ открытъ и противники были обвинены въ тяжкихъ преступленіяхъ: Главные сосланы, Дивіеръ битъ даже кнутомъ, другіе удалены отъ Двора, въ томъ числѣ и Нарышкинъ лишень былъ чиповъ и посланъ на житье въ подмосковное свое село Чашниково. Долгорукій понижевъ въ чинахъ и переведень въ полевые полки.

На престолъ вступилъ действительно 12-лѣтній Петръ II, какъ замышлялъ Меншиковъ; совершенно было даже обрученіе императора на его дочери; но обманчивая Фортуна повернула колесо и временщикъ съ самага верха своего счастья упалъ въ Сибирскій городъ Березовъ.

Лица переменились, но существо дела оставалось тоже самое. Въмѣсто Менніикова явились Долгорукіе, такіе же временщики. Вотъ почему разсудительные люди изъ тогдашнихъ вельможъ и не желали видѣть на престоле императора малолетнего, нуждавшагося въ опеке, которая всегда и возбуждала временщиковъ и любимцевъ къ захвату управленія въ свои руки. Нарышкинъ въ этихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ почти также, какъ дѣйствовалъ въ начале XVII ст. предшественникъ его по владенію Кунцовымъ, кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій, тоже царскій родственникъ. Онъ, какъ и Мстиславскій, не терпелъ подле трона хозяина изъ своей братьи, а какъ противился Меншикову, такъ точно не поладилъ и съ Долгорукими, особенно съ отцомъ императорскаго любимца, кн. Алексеемъ Долгорукимъ.

Вообще въ это смутное дворцовое время Нарышкинъ держалъ себя очень независимо и высоко, нисколько не пугаясь въ борьбу за владычество временщика, въ томъ убѣжденіи, что онъ теперь такой же равный членъ царской семьи, какъ и царствовавшей малолетний императоръ. Александръ Львовичъ, какъ помянуто, приходился двоюроднымъ братомъ самому Преобразователю, а передъ его внукомъ онъ былъ очень уже старъ. Такъ, по крайней мере, онъ рассчитывалъ свои личныя права на уваженіе и на этомъ основаніи говаривалъ съ молодымъ государемъ, какъ съ младшимъ родственникомъ, вовсе забывая, что онъ все-таки подданный. Известно, что во время пребыванія Петра II въ Москве Долгорукіе овладели имъ со-всеми, отдалили и отъ дельныхъ людей и отъ дѣлъ, потешая его только охотою да пираци. Вспоминалось молодое время царя Алексея, когда точно также владѣлъ имъ его дядька, бояринъ Морозовъ. Тетка императора, цесаревна Елисавета Петровна, а за нею и Нарышкинъ, стали вразумлять государя и предостерегать его на счетъ беззаботнаго его поведенія и вліянія на него опеки Долгорукихъ. Нарышкинъ, какъ старшій родственникъ, прямо укорялъ его за праздность и недостойное препровожденіе времени, обвиняя во всемъ Долгорукихъ. Но времѣщики тотчасъ приняли свои меры; они раз-

.молвили императора съ теткою и успѣли избавиться отъ наговоровъ Нарышкина. Въ ноябре 1728 г. ему было объявлено государево повелѣніе удалиться изъ Москвы и жить въ подмосковныхъ деревняхъ. Онъ опять поселился въ селѣ Чашниковѣ; но, крайне раздраженный несправедливою опалою, не переставалъ и въ ссылкѣ поносить правительство Долгорукихъ „и говорилъ по прежнему не только свободно, но даже дерзко: въ высококомѣрной своей запальчивости онъ не щадилъ и самого императора и, не уважая святости его сана, неоднократно поносилъ и бранилъ его неподобными словами. Однажды, -когда Петръ II забавлялся охотою близъ Чашникова, Александру Львовичу было предложено свидѣться съ государемъ и испросить прощеніе. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе и на уговоры ѣхать къ государю и поклониться ему, отвечалъ: „Что мне ему съ чего поклониться? Я и почитать его не хочу. Я самъ таковъ же, какъ и онъ, и думалъ на царствѣ сидеть, какъ онъ. Отецъ мой государствомъ правилъ. Дай мнѣ вытти изъ этой нужды, я знаю, что сделать*.

Заэтопоношеніе высочайшей власти и дерзкія речи Нарышкинъ былъ позванъ въ Верховный Тайный Советъ и подвергался опасности подпасть розыску и даже пыткамъ. Но „Его Императорское Величество, по примерной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ оное дело розыскомъ вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не могло бы разгласиться и въ народѣ разсеяно быть, того ради Его Величество указалъ послать его Нарышкина въ дальнюю его деревню безвыходно.* Такое повеленіе состоялось 14 января 1729 года и Нарышкинъ былъ отправленъ въ его Шацкую деревню. Долгорукіе однако чрезъ своихъ агентовъ предлагали Александру Львовичу, что онъ можетъ по прежнему остаться въ Москве, если отдастъ имъ две свои вотчины: Покровское-Хвили да Кунцово. Нарышкинъ съ негодованіемъ отвергъ постыдное предложеніе и за то остался въ опалѣ до самой смерти Петра II. *)

*) Арсеньева: Царствованіе Петра II-го.

Видно Долгорукому очень желалось приобрести себѣ въ вотчину эту красивую мѣстность и вообще какое либо мѣсто въ Сѣтунскомъ стану, представившемъ вообще большое приволье для охотничьихъ подвиговъ. Онъ добился къ концу то- го-же года, что ему было пожаловано 13 декабря сосѣднее старое патріаршее село Троицкое — Голенищево, которымъ однако, за смертію государя 19 января 1730 г., онъ владѣлъ всего одинъ мѣсяць и едва ли не на бумагѣ только (см. выше стр. 124).

Александръ Львовичъ былъ женатъ на дочери графа Александра Петров⁴. Апраксина — Еленѣ Александровнѣ, которая при имп. Елисаветѣ была дѣйствительною статсъ-дамою и потомъ гоФмейстериною. Въ 1762 г. въ день коронаціи импер. Екатерины II, Елена Александровна „находилась при священнодѣйствіи и обще съ оберъ-гоФмейстериною, графинею Воронцовою, оправляли на императриц[®] порфиру Она скончалась въ 1767 г. и погребена въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Относительно управленія крѣпостными крестьянами, осталось свѣдѣніе, что Львовичи Нарышкины очень не жаловали старовѣровъ—раскольниковъ и въ своемъ селѣ Чаціниковѣ, чтобы раскольничеству не было попущенія, гоняли ихъ на всякія тяжелыя работы. *)

Послѣ Александра Львовича остались два, сына, Александръ и Левъ, и три дочери: Наталья, бывшая въ замужствѣ за Сергѣемъ Наумовичемъ Сенявинымъ; Марья, вышедшая за Михаила Михайловича Измайлова, и Аграфена, дѣвица.

Александръ Александровичъ (1726 + 1795) точно также провель свою службу при Дворѣ. Онъ былъ оберъ-шенкъ, сеііа-торъ, дѣйствительный камергеръ. При Екатерининскомъ Дворѣ особенно видное мѣсто занимала его супруга Анна Никитична, урожденная Румянцова. Да и вообще дѣти Александра Львовича съ ихъ семействомъ были самыми близкими домашними людьми императрицы.-

*) Исторія Россіи г. Соловьева, XVIII, 272.

Бракъ Александра Александровича съ Анною Никитичною былъ совершенъ въ 1749 г. въ Москвѣ, во дворцѣ, въ присутствіи вел. кн. Петра (III) Ѳед. и его супруги Екатерины (II), которые сопровождали даже новобрачныхъ въ домъ матери Нарышкина, куда потомъ прибыла импер. Елисаветасо всѣмъ Дворомъ и иностранными министрами.

Бывши еще великою княгинею, Екатерина II очень полюбила семейство Нарышкиныхъ. Анна Никитична, двѣ сестры Александра Александровича, Наталья Сенявина и Марья Измайлова, и особенно его братъ, Левъ Александровичу съ ихъ друзьями, Серг. Вас. Салтыковымъ и гр.Понятовскимъ, составляли самое близкое дружеское общество Великой Княгини, въ которомъ она провела самые счастливые часы своей молодой жизни. Анна Никитична и въ послѣдствіи оставалась лучшимъ ея другомъ. Однажды, это было уже въ 1788 г., императрица, помѣщая около себя въ Царскосельскомъ дворцѣ своихъ любимыхъ людей и уступая придворному этикету, повелѣла приготовить комнаты для Нарышкиной и расположить такъ, чтобъ не осталось комнатъ для княгини Дашковой; при чемъ замѣтила: „Съ одною хочу проводить время, съ другою нѣтъ. Онѣ же и въ ссорѣ за клочъ земли“¹⁾. Нарышкина въ это время была уже статсъ-дамой и потомъ при Павлѣ возведена въ достоинство гоФмейстерины. Она скончалась въ глубокой старости, въ 1820 г.²⁾; дѣтей не имѣла.

Владѣлецъ Кунцова, Левъ Александровичъ, *) какъ и всѣ Нарышкины, яступилъ во дворецъ еще очень молодымъ чело-вѣкомъ. Въ 1751г., возвратившись изъ Москвы въ Петербургъ съ матерью, невѣсткою и тремя сестрами, еще дѣвцами, онъ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ ко двору В. Князя Петра

*) Московскій домъ Нарышкиныхъ, на Моховой, въ приходѣ у Нияш-Сапово», что у старата Еаненнаго моста, у Троицвхъ Кремлевских! воротъ, прядіе- ■ііі нѣюгда Стрѣшневимъ я по всему вѣровтію поступивъ во владѣніе Нарыш- иныиъ, іаіъ даръ отъ царн Аіенсѣя Киряцу Подухтѣвачу. Въ это время я» відіія нераздѣдио оба брата, Аіександръ я Левъ, я въ 1766 г. іюія 7 объявлял въ газетаіъ о его продавѣ; однако до начала нынѣшняго стоіітїя ямъ вдя- дѣіъ старшій братъ, Аіександръ. Посдѣ въ немъ пояѣщалось Горвое Правдеіеі.

Фед. Съ этого времени и началась особенная дружба В. Княгини съ этою семьею. При Дворѣ, не смотря на свое положеніе, Левъ Александровичъ велъ себя очень оригинально. Современники рассказываютъ, что это былъ чудакъ, балагуръ, постоянно шутившій и забавлявшій придворное общество своими комическими рассказами и разговорами и разными шалостями. Объ немъ говорили, что еслибъ онъ не родился богатымъ, то легко могъ бы жить и наживать деньги, употребляя только въ работу свой необыкновенный комическій талантъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, если многому не учился, то многому наслышался и все слышанное умѣлъ очень оригинально и комично располагать въ своихъ мысляхъ и въ рассказахъ. Онъ могъ очень пространно разсуждать обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ и при томъ такъ, какіе вздумается; употреблялъ техническіе термины, говорилъ чистѣйшій вздоръ непрерывно цѣлые четверть часа и больше; всѣ слушали и ничего не понимали, какъ и онъ самъ. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что все общество раздражалось гоме- рическимъ смѣхомъ. Особенно былъ онъ не подражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ: самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣху. Сама императрица, вспоминая о Нарышкинѣ, говорила, что онъ былъ шутъ до мозга костей, что никто не заставлялъ ее такъ смѣяться, какъ онъ.

Объ одномъ случаѣ веселости Нарышкина рассказываетъ въ своихъ запискахъ принцъ де Линь, путешествовавшій съ императрицею въ Крымъ. Онъ говоритъ между прочимъ: „Однажды оберъ шталмейстеръ Нарышкинъ, самый любезный и вмѣстѣ рѣзвый человекъ, пустилъ посреди насъ волчокъ, у котораго голова была больше его собственной. Поелъ жужканія и высокихъ скачковъ, которые довольно насъ позабавили, волчокъ разлетѣлся съ ужаснымъ свистомъ на три или четыре куса, прошелъ между Ея Императорскимъ Величествомъ и мною, поразилъ двухъ нашихъ сосѣдей и ударилъ въ голову Принца Нассау, который два раза велѣлъ пустить себѣ кровь.“ Другой рассказъ принца де Линя показываетъ, какъ вообще свободно и просто велъ себя оберъ-шталмейстеръ даже и въ друже-

скихъ разговорахъ съ государынею. Однажды императрица завела рѣчь о томъ, что ей странно кажется отчего слово вы, означающее множественное число, вошло въ употребленіе, а прямое слово ты изгнано. Ей отвѣтили, что оно еще не со- всѣмъ изгнано и употребляется между великими особами, ч« напр. Ж. Ж. Руссо говорить . къ Богу: Господи! въ божественной славѣ тво е й! и что Богу во всѣхъ молитвахъ говорить также. — „Для чего же вы обходитесь со мною съ ббльшею церемоніею?“ замѣтила императрица и сказала Нарышкину: „Будешь ли т ы со мною такъ говорить?“¹¹—Для чего же не такъ, отвѣчалъ онъ, если только ты сама будешь со мною учтивѣй.—Тутъ полились цѣлыятысячи ты, одни смѣш- нѣе другихъ. Я свои мѣшалъ, говорить принцъ, съ именемъ Величества, и твоего Величества было уже для м.е.ня довольно. Другіе не знали, что сказать, и Величество, осыпанное грубыми ты, возвращая оное обратно, не смотря на это, имѣла видъ Владычицы Всероссійской, и почти всѣхъ частей свѣта.“

Строгий судья тогдашнихъ нравовъ, историкъ Щербатовъ, пишетъ, что Левъ Александровичу былъ главнымъ любимцемъ Петра III, что былъ онъ человѣкъ довольно умный, „но такого ума, который ни къ какому дѣлу стремленія не имѣлъ“. Затѣмъ говоритъ, что онъ былъ трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутивъ и, словомъ, по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить, болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ, нежели вельможею“. Извѣ- стно, что во все царствованіе императрицы Екатерины II-й домъ Нарышкина не только въ Петербургѣ, но и за границею славился широкимъ гостепріимствомъ, хлѣбосольствомъ, всегдашнею веселостію и полною свободою, которыя привлекали туда все высшее, лучшее и образованнейшее общество.

„Въ Петербургѣ былъ домъ, не похожій на всѣ другіе, пишетъ въ своихъ запискахъ Французскій посланникъ при на- шомъ Дворѣ, графъ Сегюръ,—это былъ домъ оберъ-шталмей- стера Нарышкина, человека богатаго, съ именемъ, прослав-

леннымъ родствомъ съ царскимъ Домомъ. Онъ былъ довольно уменъ, очень веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. Онъ. и не пользовался довѣріемъ императрицы, но былъ у ней въ большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его разсѣянная жизнь. Онъ никому не мѣшалъ; оттого ему все прощалось и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что инымъ не прошло бы даромъ. Съ утра до вечера въ его домѣ слышались веселый говоръ, хохоть, звуки музыки, шумъ пира; тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и, можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, скорѣе можно было тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обществахъ, связанныхъ этикетомъ. Въ дру- гихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ у Нарышкина же за шумомъ нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ. Я, вмѣстѣ съ другими дипломатами, часто ходилъ смотрѣть на эту забавную картину. Потемкинъ, который почти никуда не выѣзжалъ, часто бывалъ у шталмейстера; только здѣсь онъ не чувствовалъ себя связаннымъ и самъ ни кого не беспокоилъ. Впрочемъ па это была особая причина: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина. Въ этомъ никто не сомнѣвался, потому что онъ всегда сидѣлъ съ нею вдвоѣмъ и въ отдаленіи отъ другихъ*. *) Веселое житье и гостепріимный домъ Льва Александровича воспѣты Державинымъ въ двухъ одахъ: по случаю его смерти и на рожденіе царицы Грени- славы. Въ послѣдней одѣ Поэтъ между прочимъ говоритъ!

Нарышкинъ! ____ ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ.

*) Потемкинъ уиавнаіа за Марьей Львовной Нарышівной, погорав потомъ быіа замувеиъ за інвземъ Любомврскімъ. Ова пѣла в играла ва арфѣ. Дермаввъ посвятніъ ей свою оду іъ Ёвтерпѣ. Записав Сегюра, Спб. 1865, стр. 58,

Такимъ любезнымъ', скромнымъ средством».
 Богатыхъ съ бѣдными. сравнил:
 Прехвальна жизнь твоя такая.
 Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ!...
 Что нужды мнѣ, кто по паркету Подъ часъ и кубари
 спускаль;
 Смотрѣль въ толкучемъ рынкѣ свѣту, Народны
 мысли замѣчалъ.
 Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ,
 Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
 Доволенъ былъ собою, міромъ,
 Шутилъ, рѣвился, какъ дитя.
 Но если онъ съ толь легкимъ нравомъ Всегда былъ
 добрый человѣкъ...
 Хвалю тебя, ты въ смыслѣ здоровомъ Пресчастливо
 провелъ свой вѣкъ....

. . . Твой домъ утѣхой разцвѣтаетъ И всякъ подь
 тѣнь его цдетъ.
 Идутъ прохладой насладиться,
 Музыкой душу напитать;
 То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться;
 Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
 И словомъ: радость всю, забаву Столицы ты къ
 себѣ вмѣстилъ...
 Бывало, даже сами боги,
 Наскуча жить въ своемъ раю,
 Оставя радужны чертоги,
 Заходятъ въ храмину твою...
 Оставя Короли престолы И Ханы — у тебя гостятъ.
 Киргизии, Нѣмчики, Моголы Салму и соусы ѣдятъ:
 Какіе разные народы,
 Языкъ, одежда, лица, стань!...
 И ты сидишь, какъ Сирскій царь,
 Въ соборѣ цѣлыя природы;
 Въ семьѣ твоей- какъ АврашѣI,.,

Такимъ образомъ домъ Нарышкина въ нѣкоторомъ отно- шеніи былъ какъ бы особымъ пріютнымъ и веселымъ угол- комъ самага Дворца, ибо туда собирались всѣ, кто являлся ко Двору, а особенно, кто долженъ былъ наблюдать политическое коловращеніе тогдашней русской жизни. Иностранные посланники очень пользовались этимъ уголкомъ для своихъ цѣлей. Вообще самъ Нарышкинъ былъ если не средото- чіемъ, то однимъ изъ главныхъ дѣятелей того дружескаго придворнаго кружка, посреди котораго императрица очень любила проводить время своихъ правительственныхъ отды- ховъ, и который, въ добавокъ, былъ первымъ на Руси дите- ратурнымъ кружкомъ, много способствовавшимъ даже про- бужденію литературныхъ вкусовъ и интересовъ въ самомъ обществѣ.

При Екатеринѣ веселость Двора, всегда такъ необходимая для скопленія праздныхъ людей, ириняла по начину самой им- ператрицы литературную и слѣд. болѣе изящную Форму, чѣмъ было прежде, когда тѣшили только дураками и шутами. Въ это время стали выходить даже сатирическіе журнальцы, въ которыхъ нерѣдко осмѣивались общіе пороки, главнымъ образомъ свѣтскаго, т. е. придворнаго общества, не безъ чув- ствительныхъ, хотя и скрытыхъ, уколовъ для нѣкоторыхъ личностей и для нѣкоторыхъ тогдашнихъ придворныхъ отно- шеній. Началось это въ 1769 г. журнальцемъ *ВсякаяВся- чина*, издававшимся Козицкимъ, *) новъ которомъ очень видное сотрудничество принимала и сама императрица, да едвали она не была и прямымъ редакторомъ этихъ листковъ, выхо- дившихъ разъ въ недѣлю, по пятницамъ, въ количестве 8 стра- ниць. Они продавались по 1у₂ и по 2 к.'и притомъ въ разноску: ребята разносили ихъ въ Гостиномъ дворѣ. Эти листы зак- лючаютъ въ себѣ множество теперь уже совсѣмъ іемныхъ намековъ на придворные толки, сплетни, переоуды, и даютъ хотя и не полныя изображенія нѣкоторыхъ придворныхъ

*) Козицкій былъ іабвнетнымъ севретаремъ императрицы ■ завѣдываіе ея біб. діотевою.

особь. Есть черты, которыя прями относятся къ санов императрице и даже рисуютъ нѣско-іько ея біографію (№ 2.). Журна- лецъ начинается изображеніемъ лицъ, которыя составляли это литературное издательское общество и первое по порядку лице отъ себя же говорить следующее: „Мне сказали ма- на и няня, какъ я былъ шести лѣтъ, что я умень: у няня есть ласкатели, кои тоже ныне подтверждаютъ; ибо не у однихъ князей и баръ, да у двора, найти сихъ животныхъ можно^а. Такъ сифло говорить въ первомъ литературномъ листкѣ иогла только сама императрица да и выразить это обстоятельство особенно нужно было только лицу властвующему. „Первый изъ насъ не молодъ и не старъ, то есть лѣтъ сорока, продолжаетъ издатель. Намѣренія его суть честны: но онъ несчастливъ въ томъ, что часто его виды имеютъ тѣсые пределы, и что благо часто не доходитъ до его догадки, или переходите оную^а. Императрице въ этомъ году действительно было 40 летъ. Третья особа этого издательскаго общества обрисована такъ, что напоминаетъ Л. А. Нарышкина. Про нее издатель говорить, что ^,это человекъ молодой и острый, который, отъезжая въ чужіе край, отъ отца своего не получилъ никакого предписанія въ разсужденіи предмета е^о езды. Отецъ,' прощаясь съ нимъ, молвилъ ему только: живи хорошенько. А что есть жить хорошенько, того батюшка не до- говорилъ. А сынъ понялъ, смотря на примеры, что это значите жить весело^а.

Цель журнала заключалась въ исправленіи худыхъ нравовъ и привычекъ, въ распространена гуманныхъидей, въ распро- страненіи человечности въ обществе, въ которомъ было очень много обычаевъ татаро-французскихъ, какъ обозначала такіе обычаи Всякая Всячипа. Начиная свое изданіе иоз- Уравлеіемъ съ новымъ годомъ, Всячина говорила между про- чимъ: „Достойны быть поздр'авлены все те, кои дожили до сего отличнаго дня, въ который они, можетъ статья, увидятъ себя не только съ наружи въ зеркале, но еще и внутреннія свои достоинства, начертанныя перомъ...О годъ, которому прошедшіе и будущіе будутъ завидовать, если чувства имеютъ! Каждая

недѣля увидить листь; каждый день приготовить оный. Но что я говорю? Мой дух восхищенъ до третьяго неба: н вижу будущее. Я вижу безконечное племя Всякія Всячины. Я вижу, что за нею посіѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти: будутъ и уроды ея мѣсто заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкусъ и здравое разсужденіе, кои одною рукою прогоняютъ дурачество и вздоры, а другою доброе поколѣніе Всякія Всячины за р^ку ведутъ.*

Это обстоятельство прямо указываетъ, что императрица, выступая сама на литературное сатирическое поприще, давала полное разрѣшеніе и другимъ испытывать свои силы на томъ же полѣ. Дѣйствительно, тотчасъ появилось множество листковъ, *) начавшихъ работать въ томъ же направленіи, усердно обличая татаро-Французскіе нравы. Всѣ они Всячину назвали себѣ бабушкою и вскорѣ завязали съ ней бойкую полемику, не уступая ей ни шагу и укоряя иной разъ въ непо- слѣдовательности, именно въ очень мягкомъ и гуманномъ отношеніи къ общимъ, особенно барскимъ порокамъ.

Но Всячина руководилась мыслью, что отъ пороковъ слѣ- дуетъ различать слабости, которыя, какъ личныя качества, тре- буютъ снисхожденія, притомъ, „добросердечный сочинитель изрѣдка касается и къ порокамъ, чтобы тѣмъ,подъ примѣромъ какимъ, неоскорбити челоуѣчества и что, главное, необходимо поставлять примѣры людей украшенныхъ различными совершенствами*. Однако сатирическое племя, порожденное Всячиною, не слушало добрыхъ совѣтовъ и впадало въ большія рѣзкости и быть можетъ и въ личности, что гос^дарынѣ очень не нравилось. Трутень, напр., очень остроумно объ- снялъ, какъ слѣдуетъ различать отъ пороковъ слабости. Въ маленькомъ челоуѣкѣ, говорилъ онъ, воровство есть преступлено противъ законовъ; въ средостепенномъ челоуѣкѣ оно порокъ, а въ превосходительномъ челоуѣкѣ — только сла-

*) И то я сѣ, Ни то яі сѣ, Снѣсь, Трутень, Адская почта, Поденщица, Полезное съ пріятнымъ, выюднвшіе въ томъ же 1769 г. Послѣ издавались и другіе, но наиболѣе замѣчательными изъ вѣхъ были Трутень и ЗКвопис е внуке

Всейой Всншны,

б о с т ь. Зная, что Всячина издание придворное, другіе журнальцы, пользуясь объявленою свободою сатирическаго слова, не щадили въ своихъ обличеніяхъ придворныхъ и знатныхъ особъ. Но, конечно, это могло продолжаться недолго.

Всячина, внутренно быть ножесть сочувствуя такому поведению своихъ внучать, нерѣдко напоминала имъ, хотя тоже шутя, какъ это не нравилось ея обществу. Напр. Тругню она напоминала отъ имени придворнаго господчика, что его авторъ не въ свои сани садится, зачиная писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей йменитыхъ и на всѣхъ; что такая смѣлость ни что иное есть, какъ дерзновеніе; что въ старыя времена послали бы за это потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни есть царства Русскаго владѣнія (намекъ на Сибирь); что нынче только дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ: вѣдь знатный господинъ не простой дворянинъ и нельзя на немъ тоже взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга (государству)¹⁴. Искони знатныя и владычествующія особы, по своей натурѣ, не терпятъ ни какихъ обличеній и разоблаченій и потому, не смотря на великодушныя памѣренія высшей власти, употребляютъ всѣ мѣры и всякіе способы, чтобы держать свободное литиратурное слово во всяческихъ стѣспеніяхъ и запретахъ. Литературный починъ общественнаго обличенія, возбужденный свѣтлою мыслью самой императрицы, тотчасъ встрѣтилъ темпов соцротивленіе въ ея же придворной средѣ: пошли толки и навѣты; гуси были раздражены и на другой же годъ невинная сатира совсѣмъ замолкла. *)

Весьма вѣроятно, что Левъ Нарышкинъ сотрудничалъ своими шутливыми статейками п во Всячинѣ, точно такъ, какъ онъ

) Только въ 1772 г. ова пробудилась съ большею силою и смѣлостью въ Жвво- пвсцѣ Новикова. По за то кавдый разъ рвдонъ съ особенно рѣзхвию облвчтельвы- нв статейками про неумытыхъ деревенсквхъ помѣшквковъ, опъ додвевъ былъ непре- нѣняю- помѣщать гроакія оды въ поівалу саной императрицѣ или двейрамбы Г. Г. Орлову, Н. И. Павняу в др.; а затѣмъ во второй части эсе-такв былъ прінувіев* роздержаться отъ сатары.

въ послѣдствіи участвовалъ вмѣстѣ же съ императрицею и въ Собесѣдникѣ Любителей Рос. Слова, изд. Дашковой. Здѣсь онъ свое сотрудничество ознаменовалъ шутками надъ учрежденною тогда Россійскою Академіею, которой Дашкова была предсѣдателемъ. Онъ напечаталъ протоколы Общества незнающихъ, пародируя въ нихъ засѣданія новой Академіи.

„Произведете оберъ-штальмейстера великолѣпно и всеобъемлюще*, отзывалась объ этой пародіи Екатерина.

Изъ ея литературной переписки съ Дашковой видно, что сочиненія Нарышкина переходили въ Собесѣдникъ черезъ руки самой государыни, которая объ нихъ заботилась, какъ о своихъ собственныхъ. Оттого, по случаю какого-то наставленія ему, сдѣланнаго со стороны Дашковой, дѣло приняло дурной оборотъ и императрица окончила свое сотрудничество въ Собесѣдникѣ, и писала между прочимъ къ Дашковой о сочиненіи Нарышкина, послужившаго какъ кажется предметомъ размовки, слѣдующее: „Такъ какъ ему никогда не приходили въ голову мысли обидѣть какое либо человѣческое существо, что довольно ясно видно изъ его шутливаго тона, то онъ, конечно, не нарушитъ правила, которое вы ему преподали.* Вотъ почему, когда въ Собесѣдникѣ были отданы извѣстные Вопросы Фонъ-Визина и въ этихъ вопросахъ 14-й заключалъ въ себя слѣдующее: „Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?* Екатерина приняла его съ неудовольствіемъ и отвѣчала, что вопросъ родился отъ свободозычія. Вопросъ прямо мѣтилъ на Нарышкина и былъ сдѣланъ по мнѣнію императрицы отъ оберъ-каммергера Ив. Ив. Шувалова въ отмщеніе за третью черту льнаго человѣка, напечатанный въ 11 части Собесѣдника и сочиненный вѣроятно подъ думкою Екатерины.

Сама императрица изобразила Нарышкина въ своихъ комедіяхъ и въ двухъ шутливыхъ статейкахъ. Одну комедію—пословицу: „За мухою съ обухомъ* она написала по поводу тяжбы Нарышкина съ знаменитою княгинею Дашковою, гдѣ, подъ именемъ Пострѣловой и Дурындина, выведены были эти

двѣ личности. Дашкова вообще не ладила съ Нарышкиныхъ быть можетъ, главное, за его насмѣшки. По разсказу Державина, однажды при императрицѣ въ засѣданіи ея литературнаго шутивлаго общества, Левъ Александр, голосомъ и съ ухватками Дашковой сказалъ рѣчь, которую Дашкова произнесла при открытіи Россійской Академіи и которая однако была сочинена не ею, а кѣмъ-то другимъ. Княгиня обидѣлась за то лишена права быть членомъ этого шутивлаго общества. „Дашкова съ Львомъ Алекс., говорила однажды императрица Храповицкому, въ такой ссорѣ, что сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла—ссора запясть сажень земли“. Другую ихъ ссорою въ 1787—88 годахъ забавлялся весь Дворъ. Храповицкій записалъ это обстоятельство въ слѣдующей замѣткѣ: „30 октября Дашкова побила Нарышкиныхъ свиней; смѣясьсему происшествію приказано (императрицею) скорѣе кончить дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства. 31 окт. отдана, поданная Брюсомъ записка о побитыхъ Дашковою свиньяхъ. 2 ноября княгиня Дашкова прислала письмо къ графу М. А. Дмитріеву - Мамонову съ изъясненіемъ о свиньяхъ. (Императрица замѣтила:), „Тотъ любить свиней, а она цвѣты, и отъ того вседѣло вышло.“ Придворные вообще отзывались объ этой непремиримой враждѣ, что враги тогда помирятся, когда отыскана будетъ квадратура круга.

Императрица изобразила всего Льва Александровича въ трехъ-актной комедіи: *B'ın8oısıaıı* (Беззаботный), которую въ 1788 г. окт. 15 въ дружескомъ тѣсномъ кружкѣ играли на эрмитажномъ театрѣ, и какъ самъ Нарышкинъ, такъ и всѣ зрители много смѣялись, замѣчаетъ Храповицкій. Но прежде государыня юмористически описала его жизнь и путешествіе и назвала этотъ трудъ *Леоніана*. *)

Само собою разумѣется, что живя постоянно при Дворѣ, въ Петербургѣ, Левъ Александровичъ бывалъ въ своемъ Кунцовѣ

*) См. Матеріалы для Исторіи журнальной ■ литературной дѣятельности Екате- рины II, П. Пеіарсіаго,

лишь въ то время, когда по какому либо случаю императрица и Дворъ переселялись въ Москву. Точно также и по той же причинѣ рѣдкими гостями въ своемъ селѣ бывали и его преемники, жившіе по большей части- то же въ Петербургѣ или за границею. Особенно сынъ, Александръ Львовичъ, который даже и умеръ въ Парижѣ.

Въ одинъ изъ случайныхъ прїѣздовъ въ Москву Двора, именно во время коронаціи императрицы Екатерины II, Кунцово было ознаменовано посѣщеніемъ самодержицы лѣтомъ 1763 года. Это было 7.іюня въ субботу. „Оказывая свое высочайшее'и всемилостивѣйшее благоволеніе къ Оберъ-ШеЪку Александру Александровичу и къ Шталмейстеру Льву Александровичу, государыня соизволила удостоить высочайиимъ своимъ присутствіемъ подмосковные ихъ дома, съ придворною свитою. Изъ Москвы до перевоза, вѣроятно подъ Шелепихою, императрица ѣхала въ каретахъ, а черезъ рѣку переправлялась на собственномъ великолѣпно-убранномъ паромѣ А. А. Нарышкина. Поѣздъ направился прежде въ село Покровское—Фили, и встрѣченъ былъ, при колокольномъ звонѣ, священникомъ села съ крестомъ и всѣмъ причтомъ, при чемъ производилась пушечная пальба. Государыня, приложась животворящему кресту, изволила пойти въ церковь, гдѣ совершено было молебствіе, потомъ изволила вступить въ покои хозяина, гдѣ былъ уже приготовленъ роскошный столъ. Императрица кушала съ кавалерами, дамами и Фрейлинами въ числѣ 26 персонъ, а другія особы были трактованы за особымъ столомъ на 24 кувертахъ. Во время стола при пушечной пальбѣ пито здоровье Ея Величества, потомъ Цесаревича; за тѣмъ всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Ея Величества, и наконецъ здоровье домохозяина съ его Фамиліею. По окончаніи обѣда государыня гуляла въ саду и оттуда проходила смотрѣть яхту, которая до начатія еще російскаго Флота была сделана и хранилась въ нарочно устроенномъ мѣстѣ.

Изъ Покровскаго императрица со всею свитою поѣхала въ стоявшій гдѣ-то вблизи, вѣроятно на мѣстѣ нынѣшней деревни Фили, лагерь армейскихъ полковъ и смотрѣла ученье воен-

нойэкзерциціи. Отсюда государыня отправилась въ Кунцово— Знаменское къ шталмейстеру Льву Александровичу, гдѣ въ домѣ и вечернее кушанье (ужинъ) изволила кушать, при чемъ также при пушечной пальбѣ и такимъ же порядкомъ былипиты здоровья императрицы, цесаревича, всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Ея Величества и здоровье домохозяина съ «амилією. Государыня оставалась и послѣ ужина нѣсколько времени, а потомъ при пушечной пальбѣ возвратилась въ Москву трактомъ на село Покровское, гдѣ церковь и домъ помѣщика, а равно и вся дорога до перевозу пребогато были иллюминованы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существующій до нынѣ проспектъ изъ Кунцова 'въ Покровское, нарочно былъ устроенъ въ это самое время и остается вѣковѣчнымъ памятникомъ путешес- ствія здѣсь императрицы. Черезъ рѣку государыня переправилась также на Нарышкинскомъ паромѣ и затѣмъ въ каретѣ шествовала во Дворецъ, куда прибыла въ 2 часу по полуночи. Во время переправы производилась неумолкаемая пушечная пальба.

Надо замѣтить, что весною и лѣтомъ 1763 г., какъ и 1767 г. и вероятно въ другіе лѣтніе пріѣзды въ Москву, императрица очень любила выѣзжать по загороднымъ московскимъ мѣ- стамъ и дачамъ, посѣщая наиболѣе уважаемыхъ людей. Въ 1763 г. 26 апрѣля она путешествовала на Воробьевы горы и заѣзжала въ Васильевское къ кн. Долгорукову; 8 мая вы- ѣзжала въПетровское- Разумовское къ Разумовскому; 10 іюня въ Кусково—къ Шереметеву и вездѣ оставалась у хозяевъ на вечернее кушанье.

Послѣ Льва Александровича Кунцовымъ владѣлъ его старшей сынъ, Александръ Львовичъ (род. 1760 г., умеръ въ Па- рижѣ 1826 г.), оберъ-каммергеръ, канцлеръ всѣхъ росс, орде- новъ, извѣстный во всей Европѣ своимъ умомъ, любезностью и остроуміемъ, какъ свидѣтельствуеть г. Васильчиковъ. Въ ис- торіи Кунцова его память не сохранилась. Живя постоянно

въ Петербургѣ или за границую, онъ, вѣроятно, совсѣмъ не помнилъ о своей прекрасной дачѣ и бывалъ въней очень рѣдко.

При немъ одно время Кунцово принадлежало по праву любителя красоты природы нашему славному исторіографу, о чемъ онъ отмѣтилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ и что да- етъ и намъ новоды причислить его къ владѣльцамъ Кунцова.

Г

Карамзинъ, какъ мы уже говорили, очень любилъ Московскія окрестности и очень понятно, что на лѣто всегда удалялся въ какой либо красивый уголокъ наслаждаться природою. Въ 1797 г. въ іюлѣ онъ писалъ къ Ив. Ив. Дмитріеву: „Для разсѣянія ѣздилъ я по Московскимъ окрестностямъ, видѣлъ прекрасныя мѣста и жалѣлъ, что у насъ не умѣютъ ими пользоваться. Черезъ нѣсколько дней опять куда нибудь поѣду. Между тѣмъ всякой день брожу еще пѣшкомъ, и такимъ образомъ дѣлаюсь перипатетическимъ философомъ...“^н Кажется первымъ дачнымъ жилищемъ Карамзина была Самарова гора, близъ монастыря Николая на Перервѣ, гдѣ авторъ, какъ онъ самъ отмѣчаетъ, живалъ весною, лѣтомъ, въ своей молодости, когда онъ еще занимался мечтами воображенія. Въ апрѣлѣ 1799 г. онъ описываетъ Дмитріеву свои мечты объ этомъ жилищѣ:

„Желаю* мой милый, чтобы скорѣе пришло то время, въ которое, по словамъ твоимъ, могъ бы ты жить совершенно для Музы и дружбы. Мнѣ весело и воображать это! Тогда чтобъ не упасть лицомъ въ грязь передъ тобою, и я началъ бы прилежнѣе молиться Аполлону стихами и прозой. Лѣтомъ жили бы мы въ маленькомъ и чистенькомъ домикѣ на высокомъ берегу Москвы рѣки, въ семи верстахъ отъ города, гдѣ я третьяго году писалъ Даровапія и стихи къ Вѣрной, давно невѣрной. Мѣсто самое романтическое. Тамъ бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсѣмъ холодные, вспомнивъ иное, засмѣялись*—вспомнивъ другое, вздохнули—и эхо роши засмѣялось бы съ ними, эхо роши вздохнуло бы съ ними. Изъ чувствъ раждались бы слова, изъ словъ стихи, изъ стиховъ можетъ быть наша слава, по крайней мѣрѣ

наше удовольствіе. Горацій прославил. Тиволи, а мы Самаров у гору превратили бы въ Русской Геликонъ.^a

Съ наступленіемъ слѣдующей весны (1800 г.), Карамзинъ мечталъ уже о другой мѣстности, тоже на высококомъ берегу Москвы рѣки, именно о Кунцовѣ. Еще 7 марта, описывая своему брату Василию Мих. худое состояніе своего здоровья, онъ прибавляетъ: „Надѣюсь^чопять на весну. Хочется въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ выѣхать за городъ и подышать чистымъ воздухомъ...^a Марта 28, освободившись отъ недуга, онъ, бодрый и веселый писалъ къ другу поэту Дмитріеву: „Весна улыбается на розовоцъ облакѣ и сыплеть на тебя свѣжіе цвѣты свои, за то, что ты нѣкогда воспѣлъ ее пріятнымъ голосомъ, вмѣстѣ съ богородскими жаворонками. Скажи ей и нынѣ какое пибудь привѣтствіе въ стихахъ. Тебѣ ли молчать, когда говоритъ вся природа? А весною бываетъ она краснорѣчива. Разсыпай богатства Поэзіи на богатства Натуры.... Между тѣмъ не забывай Москвы; возвратись къ намъ въ срокъ. Будь честнымъ человѣкомъ и сдержи слово. Увидишь, какъ здѣсь хорошо лѣтомъ. Я надѣюсь тотчасъ послѣ Святой недѣли переѣхать за городъ, на берегъ Москвы рѣки, гдѣ книга, чай и трубка будутъ для меня гораздо пріятнѣе* Но 2 мая онъ увѣдомлялъ друга, что „время стоитъ несносное: холодъ, снѣгъ, дождь; и на гулянье 1 Мая почти можно было ѣхать въ саняхъ. Я хотѣлъ рано убраться за городъ, на берегъ Москвы рѣки; но теперь и думать нельзя; одна забава играть въ бостонъ.. Я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію; сплю и вижу Никона (лѣтопись) съ Несторомъ..“

Однако 20 мая онъ жилъ уже въ Кунцовѣ и писалъ объ этомъ другу слѣдующее: „Кунцово 20 Мая 1800. Пишу къ тебѣ, сидя на высококомъ берегу Москвы-рѣки подъ тѣнью густыхъ липъ, и взглядывая на обширную равнину, которую вдали ограничиваютъ рощи и пригорки. Это мѣсто подарено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ отцу Натальи Кириловны, (см. стр. 181), и въ окрестностяхъ Москвы нѣтъ ничего ему подобнаго красотою. Хозяинъ живетъ въ Петербургѣ®, а я рву ландыши на его лугахъ, отдыхаю подъ вѣтвями егодревнихъ

дубовъ, пью чай на его балконѣ! Свѣтъ принадлежитъ тону, кто имъ наслаждается: это нирить меня съ Провидѣніемъ я съ недостойными богачами*.

„Между тѣмъ, любезнѣйшій другъ, гуляя и наслаждаясь, и говоря съ Ж. Жаконъ десять разъ въ день: O grand Etre! O grand Etre! Считаю остальные волосы на головѣ своей и вздыхаю. Прошли тѣ лѣта, въ*которыя сердце мое ждало къ себѣ въ гости какого-то неописаннаго счастья; прошли годы тайныхъ надеждъ и сладкихъ мечтаній! Разсудокъ говорить, что ннѣ уже поздно думать о пріобрѣтеніяхъ: даже и то, чѣмъ теперь наслаждаюсь, должно мало по малу исчезнуть. Такъ на шумномъ пиршествѣ утружденные гости одицъ за другимъ расходятся; музыка унолкаетъ; залы пустѣютъ, свѣчи гаснутъ, и хозяинъ ложится спать — одинъ! Природа очень многое хорошо устроила; но для чего сердце не теряетъ желаній съ потерей надежды? Для чего, напримѣръ, переставъ быть любезными, хотимъ еще быть любимыми?*

Черезъ два дня, 22 мая, изъ Кунцова же онъ посылаетъ письмо къ брату, которое точно также начинается восторгами отъ прекрасной мѣстности. „Съ того времени, какі стало у насъ ясно и тепло, живу я въ шести верстахъ отъ города, на высокомъ берегу Москвы рѣки и вижу такія прекрасныя мѣста, какихъ не много въ Россіи. Желалъ бы я, любезнѣйшій братъ, что бы вы на монгольФьеровомъ шарѣ слетали ко мнѣ въ гости, на чашку кофе, и погуляли со мною, въ здѣшнихъ липовыхъ рощахъ. Мы поговорили бы о всякой всячинѣ, а всего болѣе о томъ, сколько я люблю васъ... Здоровье мое, слава Богу! въ хорошемъ состояніи. Деревенскій чистый воздухъ есть для меня бальзамъ...*

Бремя пребыванія Карамзина въ Кунцовѣ въ личной его жизни отмѣчено особенными обстоятельствами, о которыхъ онъ подробно не высказывалъ, но которыя окончились его бракомъ на Елизаветѣ Иван. Протасовой съ наступленіемъ слѣдующей же весны. Объ этой сердечной исторіи онъ намекаетъ въ письмѣ къ другу отъ 20 іюня уже изъ Москвы, куда вѣроятно пріѣзжалъ изъ Кунцова нѣкогда. Онъ зоветъ

его действительно въ Москву и прибавляетъ: „Я был бы счастливѣе съ тобою. Въ обстоятельствахъ моихъ сдѣлалась нѣкоторая перемѣна, и бѣдный другъ твой часто груститъ тихонько... Я привязался бы къ тебѣ, продолжаетъ онъ въ другомъ письмѣ, какъ верная твоя собачка, однакожь не мешая тебѣ ничего дѣлать. Стали бы читать, писать, говорить о дружбѣ и чувствовать ее^а....

За тѣмъ уже осенью 15 ноября онъ напоминаетъ другу о разочарованіи въ своихъ сердечныхъ привязанностяхъ и прибавляетъ: „Суди теперь, на какую погоду указываетъ барометръ моего сердца! Назови все это дурачествомъ, если хочешь; по — будь только спокойнѣе и люби меня!* „Я не буду жаловаться, продолжаетъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 3 декабря, на вѣтреность Амариллъ моихъ, которыя (слава Богу!) перепрыгнули отъ меня за ручей и скрылись въ лесу! Пусть тамъ гоняются за ними Сильваны, Фауны и простые Сатиры. Третьяго дня исполнилось мнѣ 35 лѣтъ отъ роду*.

Но, описывая свое разочарованіе въ Амариллахъ, изображая свою меланхолію даже въ стихахъ, онъ уже мечталъ о'прочномъ счастіи, на которое какъ видимо вполне надѣялся и опять усердно звалъ друга въ Москву. „Бьюсь объ закладъ, пщеаль онъ Дмитріеву, что ты не можешь столько желать своего возвращенія въ Москву, сколько я желаю его. Хотя бы къ веснѣ далъ мнѣ тебя Богъ! говоритъ мое сердце. Въ прошедшее лѣто я жилъ, наслаждался и мучился въ Кунцовѣ; въ слѣдующее хотѣлось бы мнѣ тамъ пожить съ сердцемъ на руке, съ дружбою (т. е. съ Дмитріевымъ), съ Натурою и съ книгами.*

Мечта стала действительностью: 24 апреля 1801 г. онъ писалъ къ брату: „Съ сердечною радостію уведомляю васъ, что я женился на Елизаветѣ Ивановне Протасовой, которую 13 летъ знаю и люблю*; а потомъ 26 мая уведомлялъ, что более трехъ недель живетъ уже съ супругою въ деревне, не далее осьми верстъ отъ Москвы, что въ городе бываетъ редко, і то на часъ. „Къ счастію время хорошо, прибавм-гь онъ,

а нѣсто еще лучше; живемъ въ тишинѣ, иногда принимаемъ нашихъ иосковскихъ пріятелей; читаемъ, а всего болѣе прогуливаемся. Я совершенно доволенъ своимъ состояніемъ и благодарю судьбу.“ Но. кажется упоминаемая здѣсь деревня не была Кунцово. По всему вѣроятію это было Свирлово (за Останкиныя, по Троицкой дорогѣ въ сторону 3 версты), гдѣ Карамзинъ жилъ и послѣ, въ 1802 и 1803 годахъ, и гдѣ преждевременно скончалась и его супруга, съ небольшимъ черезъ годъ послѣ свадьбы. 19 августа 1802 г. онъ писалъ брату: „До сего времени живу еще въ той деревнѣ, гдѣ закрылись глаза ея и сплю на томъ диванѣ, гдѣ она страдала и скончалась. Потомъ онъ сталъ жить съ 1804 г. въ селѣ АстаФьевѣ, близъ Подольска, принадлежавшемъ кн. Вяземскому, отцу его второй супруги.

Между тѣмъ, по воспоминаніямъ гр. Блудова, онъ впервые познакомился съ Карамзинымъ въ Кунцовѣ же, въ 1805 году. Его біографъ Ег. П. Ковалевскій (стр. 40) рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Въ этотъ именно пріѣздъ свой (въ Москву, въ іюль 1805 г.), какъ самъ Блудовъ припоминалъ себѣ, ему наконецъ удалось познакомиться съ Карамзинымъ, чего онъ такъ пламенно желалъ. Еще въ 1803 году онъ ѣз- дилъ къ Жуковскому за городъ въ село Кунцово, гдѣ, овдо- вѣвъ послѣ перваго брака, уединенно въ маленькомъ домикѣ жилъ Карамзинъ, пріютившій у себя на лѣтнее время Жуков- скаго; но Карамзина тогда не было дома. На этотъ разъ самъ Жуковскій повезъ его въ Кунцово. Дмитрій Николаевичъ любилъ вспоминать объ этомъ первомъ знакомствѣ, прибавляя, что ни прежде ни послѣ того, ни одна личность не произвела на него такого глубокаго впечатлѣнія,—развѣ личность графа Каподистрія. Онъ воротился домой очарованный бесѣ- дою ученаго исторіографа, столь же, какъ и его простымъ открытымъ обхожденіемъ и нѣкоторое время находился въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи...“ Въ послѣдствіи 'они сдѣлались друзьями. Но въ опредѣленіи мѣста или времени при обстоятельстве этого знакомства, память гр. Блудову из- мѣнила.

Въ 1803 г. Карамзинъ жилъ не въ Кунцовѣ, а въ Свирло- вѣ, именемъ котораго отмѣчено его нисьмо къ брату отъ 6 іюня этого года съ прибавкою, что онъ наниааетъ прекрасный сельскій домкѣ и въ прекрасныхъ мѣстахъ близъ Москвы. Въ 1805 г. онъ жилъ въ АстаФьевѣ, изъ котораго также отмѣчено письмо отъ 13 Іюня, съ извѣтїемъ, что живетъ теперь въ деревнѣ и по своему обыкновенію много работает* и гуляетъ.

По всему видимо, что время пребыванія Карамзина въ Кун- цовѣ принадлежало къ тѣмъ знаменательнымъ періодамъ личной жизни человѣка, когда въ его мысляхъ и чувствахъ* совершается гїереломъ, когда во внутреннемъ человѣкѣ происходитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ буря, скорбная по разочарованію, во освежительная и обновительная для дальнѣйшихъ шаговъ существованія. Кунцовское письмо къ Дмитріеву^ отъ 20 мая прямо свидѣтельствуеть, что мысли Карамзина въ это время исполнены были сомнѣній и мученій о счастливѣйшем* времени жизни. Онъ предавался меланхолїи, которую тогда же изобразилъ даже въ стихахъ, подражая Делилю, и обращаясь къ которой говорилъ:

Страсть нѣжныхъ, кроткихъ душъ, судьбою угнетенных*,
Несчастных* счастье и сладость огорченных*!....
О Меланхолїя! нѣжнѣйшїй переливъ
Отъ скорби я тоскн къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья; ■ •
Отчаянье прошло... Но слезы осушивъ,
Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не смѣешь,
И матери своей, Печалн, вид* имѣешь.
Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣ ясныхъ дней.
Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ лягушекъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ и морей.
Тебѣ прїятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни „милы;
Въ уединенїи ты болѣе съ собой!
Природа мрачная твой нѣжный взоръ плѣняетъ:
Она какъ будто бы печалится съ тобой!

Веселіе твое—задумавшись молчать,
И ва прошедшее взоръ нѣжный обращать.

Какъ все это сходно съ настроивомъ тѣхъ мыслей, которыя въ древнее время увлекали нашихъ подвижниковъ въ пустыни и лѣса. Они не писали стиховъ, но ихъ дѣла, ихъ короткія слова о томъ, чего они искали посреди природы, вполне переселяютъ насъ въ этотъ кроткій міръ чувствованій, гдѣ исквнне счастья или, что одно и тоже, это древнее исканіе селенія души было исключительною силою всей жизни.

При Карамзинѣ, подъ вліяніемъ новаго образованія, именно подъ вліяніемъ свѣтскаго образованія, это исканіе высказывалось конечно иначе, чѣмъ въ тѣ вѣка, когда господствовало образованіе церковное. Но сущность нравственнаго момента въ состояніи личной жизни была одна и таже и въ тѣ вѣка и въ этотъ карамзинскій вѣкъ.

Бъ.Кунцовъ, описывая стихами свою меланхолію, Карамзинъ переживалъ иненно тотъ моментъ, когда въ челоѣкъ просыпается сознаніе о своихъ счетахъ съ жизнью, съ прошед- шинь. Тревоги мысли и чувства о томъ, въ чемъ же заключается истинная задача жизни и составляютъ кругъ дѣятельности такого нонента. Переживъ эти тревоги, Карамзинъ подробно изобразилъ весь кругъ своихъ мыслей за это время въ небольшой статейкѣ, заглавіе которой упомянуто нами выше—О сча- стливѣйшемъ ^рем- ени жизни—и написаніе которой, хотя и можетъ быть отнесено къ 1802 г., когда скончалась первая его супруга, но философія статьи имѣетъ корнемъ именно Кун- цовское письмо отъ 20 мая 1800 г. и служить только выражені- ень всего продунаннаго и прочувствованнаго въ Кунцо^кихъ же рощахъ. Мы вообще дунаемъ, что эта небольшая душевная исповѣдь, вполне характеризующая всего Карамзина, могла быть написана имъ только послѣ Кунцовскихъ душевныхъ тре- вогъ, окончившихся вступленіемъ въ новый міръ существова- нія, о которомъ онъ здѣсь же мечтаетъ, и въ которомъ брачная жизнь занимала одно изъ непремѣнныхъ условій для радостей сердца, а историческій степенный и основательный трудъ

составлялъ высокую цель для ума и размышленія. Передъ въѣздомъ въ Кунцово на дачу онъ писалъ, что по уши влѣзъ въ Русскую Исторію, что спитъ и видитъ однѣ лѣтописи... Въ Кунцовѣ стало быть вполне развилась и окрепла мысль объ Исторіи Государства Россійскаго.

Особенно достопамятнымъ для Кунцова былъ 1818 годъ, когда съ 3 на 4 іюня здѣсь останавливался для ночлега прибывшій въ Москву прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III. Приѣздъ такого высокаго гостя, родителя почившей императрицы Александры Ѳеодоровны, былъ вызванъ радостнымъ для него и для всей Россіи событіемъ, рожденіемъ въ Москвѣ ныне благополучно царствующаго Государя Императора.

Такъ какъ августѣйшій гость ѣхалъ на Познань черезъ царство Польское, то путь къ Москвѣ лежалъ ему по Можайской дорогѣ, мимо Кунцова, въ которомъ по маршруту приходилась вечерняя остановка, съ тою цѣлью, дабы на утро былъ совершенъ торжественный въѣздъ въ столицу. „Недѣли за три передъ тѣмъ, Кунцово начало выходить изъ долгодѣтнихъ развалинъ и преобразилось въ прекрасный сельскій домъ*“, говоритъ издатель тогдашняго Русскаго Вестника, С. Н. Глинка. „Гдѣ нужно изъяснять усердіе тамъ для русскихъ нетъ невозможна™/ прибавляетъ онъ, вспоминая слѣва Екатерины I и обозначая темъ, что Кунцовскій помѣщикъ употребилъ вероятно все стараніе, чтобы доставить августѣйшимъ гостямъ пріютъ вполне удобный и соответственный такому торжественному случаю. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что въ Кунцево же прибыла встрѣтитъ своего родителя и великая княгиня Александра Ѳеодоровна.

Московскія Ведомости описывали, этотъ приездъ следующимъ образомъ. „Въ понедѣльникъ, т. е. 3 Іюня въ 8 часовъ по полудни государь императоръ (Александръ Павловичъ), получивъ извѣстіе о приближеніи его величества¹ короля прусскаго, изволилъ въ ту же минуту отправиться по Можай

ской дорогѣ и встрѣтя короля въ двадцати верстахъ отъ Москвы ('въ Мамоновѣ), сѣлъ съ нимъ въ карету и продолжалъ путешествіе вмѣстѣ до Кунцова, гдѣ государь императоръ, ост тавя вожделеннаго гостя для ночнаго отдохновенія, изволили саиъ возвратиться въ столицу.“ Государя сопровождалъ и в. к. Константинъ Павловичъ, такъ какъ и прусскій король прибылъ въсопровожденіи наслѣднаго, принца Фридриха Вильгельма, въ послѣдствіи короля и роднаго брата нынѣшняго германскаго императора.'

„На другой день по утру, т. е. 4 числа, продолжаютъ Вѣдо- мости, государь императоръ съ государемъ цесаревичемъ в. к. Константиномъ Павловичемъ и государемъ в. к. Нико- лаемъ Павловичемъ паки отправились въ Кунцово и вмѣстѣ съ его величествомъ королемъ прусскимъ и его высоче- ствомъ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ прибыть изволили къ Драгомиловской заставѣ и оставя свои дорожные экипажи, сѣли на приуготовленныя, кцкъ для ихъ ве- личествъ, такъ и для ихъ высочествъ и всей свиты, верховыя лошади. При "Вѣздѣ въ заставу войска были расположены по лѣвой сторонѣ дороги по Арбату, Знаменкѣ, Кремлевской Набережной до Москворѣцкаго моста и оттуда мимо Василя Блаженнаго, Спасскихъ воротъ до самаго дворца. Сначала стояла артиллерія, потомъ пѣхота, а напослѣдокъ конница, старшіе впереди, а младшіе позади. Вѣздъ его величества короля прусскаго привѣтствуемъ былъ сто однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ, барабаннымъ боемъ, музыкою по полкамъ и ко- локольнымъ звономъ по всѣмъ церквамъ. Военный же гене- раль-губернаторъ гра«ъ Тормасовъ и командующій 5 кор- пусомъ граФъ Толстой, стоявшіе у заставы подали его королевскому величеству рапорты, по принятіи которыхъ король прусскій съ государемъ императоромъ изволили поѣхать ря- домъ по вытянутой линіи войскъ, отдававшей честь въ про- долженіе церемоніальнаго проѣзда ихъ величествъ. Позади ихъ величествъ ѣхали великіе князья и наслѣдный принцъ прусскій; за ихъ высочествами слѣдовали генераль и Флигель- адъютанты, также и весь генералитет?»», за которыми

ѣхалъ эскадронъ лейбъ-гвардіи Казаковъ, потомъ богатыі придворныя кареты, а за ними стоявшее у заставы войско, постепенно свертываясь, шествовало, оглашая воздухъ радостный и восклицаніяни ура!^a

„По вѣздѣ въ Кремль ихъ величества и ихъ высочества изволили остановиться у Краснаго, покрытаго алымъсукнонь, крыльца, внизу котораго всѣ придворные чиновники и знатнѣйшія особы въ богато-шитыхъ кафтанахъ приняли его королевское величество, а вверху штатсъ-дяды, камеръ-Фрей-лины, Фрейлины и знатнѣйшія дамы, имѣвшія вѣздъ ко Двору въ круглыхъ платьяхъ. Ихъ же величества государыня императрица Елисавета Алексѣевна и государыня императрица Марія Ѳеодоровна принять изволили высокаго гостя предъ входомъ во дворець. Стеченіе народа было многочисленное, а ввечеру городъ былъ иллюминованъ.*

На прибытіе въ Москву короля прусскаго издатель Русскаго Вѣстника С. Н. Глинка напечаталъ тогда восхищенные стихи, въ которыхъ воспѣлъ, что „тогда въ природѣ стало все свѣтлѣй,* ибо до прибытія короля нѣсколько дней сряду погода была туманная и дождливая, а въ это время „солнца лучъ забласталъ яснѣй*“; что король „любитъ нашъ языкъ,*“ ибо его величество, въ селѣ Кунцовѣ, осматривая поутру караулъ, привѣтствовалъ солдатъ по-русски и самъ проговорилъ: съ плеча; что король удивленный видомъ Москвы, обновленной послѣ французскаго пожара, въ восхищеніи промолвилъ: „Чтожь прежде былъ сей градъ престольный*!“

Король пробылъ въ Москвѣ одиннадцать дней, до 15-го іюні и возвратился на Петербургъ.

Владѣлецъ Кунцова, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, въ память такого знатнаго событія, каково было пребываніе въ его домѣ короля Пруссіи, поставилъ въ своемъ садуobeliskъ изъ бѣлаго камня ѣ бронзовымъ вензеловымъ изображеніемъ имени императора Александра I^го съ западной стороны и^съ Московской стороны съ надписью на бронзовой доскѣ;

1818 года војні 4 дня
Король Прускій Фри-
дрих Вильгельмъ III
узрѣвъ иаъ Кунцова
Москву благодарствовал ей
за спасеніе своего
Государства *).

Въ послѣднее время, въ 1861 году мая 26, Кунцово также было ознаменовано посѣщеніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы, соизволившихъ здѣсь прогуливаться и кушать вечерній чай.

Переходя къ настоящему времени, наше любопытство, конечно, должно остановиться на памятникахъ, какіе сохранились отъ стариннаго широкаго барскаго житья, ибо такія подмосковныя боярскія дачи, какъ Кунцово, въ историческомъ отношеніи тѣмъ особенно и примѣчательны, что всегда переносятъ нашу мысль въ тотъ совсѣмъ уже исчезнувшій міръ иныхъ отношеній и стремленій жизни. Въ Кунцовѣ, однако, онъ напоминаетъ себя меньше, чѣмъ въ другихъ прославленныхъ, болѣе богатыхъ и болѣе роскошныхъ подмосковныхъ. Это случилось по той причинѣ, что владѣльцы дачи, Нарышкины, послѣ Льва Кириловича, ни въ какое время не были коренными москвичами, какъ напр. Шереметевы, Долгорукіе, Голицыны, Юсуповы и др.—Нарышкины временно и очень рѣдко наѣзжали въ Москву, но и въ этомъ случаѣ широкія потребности барства выразились въ постройкѣ дома, если не роскошно и даже не особенно убранаго, за то съ

*) Руссія забывчивость ал разсѣвность сдѣла одна» здѣсь ошвбіу а под-
цасаіа, вмѣсто Іввя, 4 Іюдя.

излишеством помѣстительнаго для временныхъ прїѣздовъ, какого теперь и для постоянного лѣтняго житья никто не выстроить. Можно думать, что барская мысль вообще руководилась только однимъ намѣреніемъ, чтобы въ подмосковной былъ непремѣнно и подобающій знатности и состоянію домъ - дворецъ, или, какъ говорили иностранцы — замокъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о домѣ, начнемъ обозрѣніемъ церкви.

Прямо противъ дома съ прїѣзда стоитъ небольшая каменная церковь Знаменія Богородицы, построенная въ планѣ крестообразно, о пяти главахъ, расположенныхъ, одна по срединѣ, надъ пирамидою свода, а остальные по сторонамъ, на отдѣлахъ или выступахъ церковнаго креста, при чемъ надъ западнымъ выступомъ вмѣсто главы возведена небольшая колокольня. Храмъ вообще не показываетъ своимъ зодчествомъ, особенной красоты, главнымъ образомъ потому, что въ верхнемъ, кровельномъ, его отдѣлѣ существуетъ какая-то неоконченность: недостаетъ здѣсь по сводамъ зданія той старо-русской архитектурной одежды, которую видимъ въ московскихъ храмахъ XVI и XVII ст., и которая состояла между прочимъ въ наружномъ украшеніи церковнаго свода рядами замарьили кругообразныхъ теремковъ, всегда придававшихъ церковному зданію красивую узорочность, легкость и согласіе въ частяхъ. Все это возможно было бы воспроизвести и здѣсь; но въ 1744 г., когда строился храмъ, преданія художественной русской старины совсѣмъ были забыты и строитель, утративъ старыя и не пріобрѣтя новыхъ понятій о церковной красотѣ, умствовалъ, какъ Богъ подавалъ.

Снаружи, на восточномъ отдѣлѣ церковнаго креста, въ стѣну вставлена чугунная овальная съ рамкою доска, на которой вылита слѣдующая надпись:

Црковь сія Бж-ія Знаменія Прес-твѣ Бдци зачата стр. оеніемъ. 1744: году Юля 3 дня:
которая: созршдадя

ся: тцаниеиъ: і изшдвіленіемъ дествітеіаго: таіаго: совѣ(т)ніка
і обоіхъ: росііскихъ ордснвъ
ковалера: і сенатора Александръ:
Лвовича Нары(ш)кіна а совершена:
тогожъ 1744 году: декабря 30: дня

Внизу по штукатуркѣ въ четыреугольномъ клеймѣ продолжена надпись красною краскою:

Возобновлена 2 Сень* тебря 1826 года го- Фмаршаломъ Кирилок) Александровичей)
Нарыш- в кинимъ.

Въ ризницѣ храма сохраняется небольшой деревянный четвероконечный крестъ, сдѣланный собственно для написанвой на немъ слѣдующей лѣтописи: „Освятися храмъ.сей во имя Знаменія Престыя Б-цы 1745 году м-ца Генваря 25 дну пре- освященнымъ Іосиѡмъ архіепископомъ Московскимъ и Владимерскимъ. Второе: престоль построевъ вновь и освященъ сей же храмъ 1762 году м.-ца Маія 28 дня духовныхъ дѣлъ управителемъ села Павловскаго ІереФмъ Филипомъ Иларіоно- вымъ^а.

Въ самомъ храмѣ ни по древности, ни по искусству, ни по исторической.памяти особо примѣчательнаго ничего не находится. Иконы писаны живописнымъ посредственным! письмомъ въ половинѣ XVIII ст., въ 175Угоду, какъ значитя на иконѣ Покрова, поставленной у жертвенника. Изъ мѣстныхъ иконъ большой образъ Ирины Мч. съ дѣянъемъ въ серебряномъ окладѣ перенесенъ по преданію изъ Ирининской церкви Московскаго дома Нарышкиныхъ, въ послѣдствіи принадлежавшемъ Горному Правленію. Оттуда же поступила большая мѣстная икона Казанской Богородицы и икоца Знаменія, Ваходивщад*

ся по преданію надъ воротами этого дома, а также старинный образъ Николая чудотворца, и напрестольное Евангеліе въ листь въ серебрянномъ окладѣ съ финифтью московской печати 1698 г. Другое напрестольное Евангеліе въ 4, тоже московской печати 1685 г. Въ ризницѣ сохраняется ветхое Евангеліе Виленской печати .7082 г. съ деревянными гравюрами и другое носков, печати 1732 г. съ гравюрою заглавнаго листа Евангелиста Матвѣя: „грыдыровалъ Иванъ Зубовъ.“

Особо чтимая святыня этого храма заключается въ двухъ напрестольныхъ крестахъ со многими частицами св. мошей, кои кромѣ того находятся въ небольшой иконѣ Успенія Богоматери, а также въ особомъ серебряномъ медаліонѣ, въ особой серебряной же коробочкѣ, сдѣланной въ видѣ книжки и въ рѣзныхъ изъ дерева складняхъ. По всему вѣроятію эта святыня принадлежала нѣкогда владѣльцамъ Кунцова—Нарышкинымъ¹⁾. Многія церковныя вещи, какъ сказываютъ, привезены въ 1825 г. изъ Петербургскихъ Нарышкинскихъ домовъ.

¹⁾ Подлѣ церкви въ оградѣ есть небольшое кладбище, на которомъ въ недавнее время (1871 г.) схороненъ замѣчательный въ свое время художникъ-мозаистъ и отличный копистъ, ака- демикъ Вас. Егор. Раевъ.

Кунцовскій домъ построенъ на обширномъ каменномъ основаніи, которой служитъ парапетомъ, или по-старинному, по- русски — переходами, вокругъ, изъ брусянаго лѣса въ два высокихъ яруса, и по своимъ размѣрамъ весьма архитектурно и красиво. Верхъ его украшается бельведеромъ, откуда открываются во всѣ стороны Ті на Москву обширнѣйшіе вн-

*) Провсїожденіе водобвѣиъ иовчеговъ в хрестовъ со святывею нетіѣвнннѣ моше!, можеть отчаств обѣасваться запвсюю нмператрнцы Еіатернвы II іѣ Храво- ввцюму сїѣдующаго содервавіа: «Аіеісаяд^ѣ Ваевіевічѣ; сіажште батвшіѣ-ду- іоввяіу, что Алеісавдрѣ Матвѣевчѣ (Мамо.новѣ) у шена вросвтѣ мошеі въ золото! ірестѣ, іоторый овѣ посыаетѣ къ своей матери. Мвѣ вомвїтѣ, что **ј** мевя въ церивв естѣ ^браза мвогіе съ мошами; в чтобѣ овѣ отобрал вѣсюльво частвщ дл того, 1788 г, 7 Февраля»,—Р. А. 1872. стр. 2074.

ды версть на 15 и больше; Время его постройке неизвестно, но весь ее склад напоминает хорошую архитектурную школу второй половины XVIII ст. В доме остается несколько портретов, по большей части царской фамилии, несколько картин, не особенно примечательных, указывающих! на время от Екатерины до Александра I-го. В числе их любопытен акварельный небольшой рисунок, современная — «Точная копия с рисунка, сделанного в 1779 году с портрета боярина Льва Кириловича Нарышкина»,¹⁴ — начальника строителя теперешней дачи.

Перед домом, со двора, посреди куртины стоит прекрасная сине-мраморная колонна с вензельным именем, Екатерины II наверху и с следующими подписями внизу на пьедестале, первая с поля, от церкви:

Столб Первой Сибирской Мраморный привезен в С. Петербург в 1769 году поставлен в селѣ Кунцовѣ в 1841 году

вторая, от дома:

Пожаловано Ею Императорским Величеством Екатериною второю в 1769 году Гну Обер-Шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину.

Передним своим Фасадом дом стоит к зарѣчью, на высокой береговой кручѣ, и господствует над обширную луговую долиною Москвы-рѣки, в виду селѣ Крылатскаго и Хорошова. Крутой берег перед домом упадет к рѣкѣ

ровнымъ зеленымъ скатомъ, *) на верху котораго, въ каменномъ парапетѣ дома, устроенъ въ античномъ стиѣ небольшой нортикъ, съ двумя по сторонамъ мраморными колоссальными статуями Юпитера и Юноны (Цереры), итальянскими копіями съ античныхъ статуй. На небольшой площадкѣ передъ этимъ портикомъ посрединѣ поставленъ каменный круглый на каменной же тунбѣ столъ съ слѣдующею надписью: „Мая 26 дня 1861 г. въ 8 часовъ по полудни Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Александръ Николаевичъ и Государыня Императрица Марія Александровна, осчастлививъ Кунцово посѣщеніемъ, изволили на этомъ мѣстѣ кушать чай.“

Внизу береговаго ската, на лугу, въ небольшомъ скверѣ стоитъ весьма недурной работы мраморная группа: Похищеніе Прозерпины, копія съ нѣкоторыми измѣненіями съ такой же Жирарденовой группы. Подпись итальянскаго мастера: Paolo Friscorni fecit.

Въ саду около дома есть также нѣсколько мраморныхъ бюстовъ и небольшихъ мраморныхъ статуй, по большей части комическихъ «игурь, перевезенныхъ сюда вѣроятно изъ Петербургскихъ садовъ знаменитаго весельчака Льва Александровича Нарышкина.

Въ сороковыхъ годахъ въ саду же стояла желѣзная статуя, въ 2¹/₂ арш. вышиною, доморощенной русской скульптуры, изображавшая нагую женщину съ поднятою правою рукою. На небольшомъ пьедесталѣ была подпись: 1732. 3G. ли(л) ЕМ.

Знаменитый родъ Нарышкиныхъ. владѣлъ Кунцовымъ ровно 175 лѣтъ. Въ 1865 г. оно было продано К. Т. Солдатенкову послѣднимъ владѣльцемъ изъ этого рода, Василиемъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Но еще прежде за нѣсколько лѣтъ сдѣланъ

) На мѣстѣ Кунцова 1804 года, принадлежавшемъ нашей вѣнціи, но второе вань этого береговаго сіата показаны существовавшіе нѣкогда деревянныя сіоды ввѣзъ съ дереввввымъ же швровннъ поностонъ у берега рѣн, гдѣ теперь на- ходітеі жражораяя группа.

быль починъ къ отчужденію вотчины въ другія руки. Тогда часть Кунцовской земли, нѣсколько десятинъ старой барской запашки и съ береговыми кручами до самой рѣки и при томъ въ срединѣ дачи, между Городищемъ и барскою старою усадьбою, была продана г. Солодовникову, которому въ послѣдствіи и новый владѣлецъ уступидь, какъ черезполосную землю, всю мѣстность древняго Городища и Дубовой Роши, то есть старинныя пустоши Резанцово и Плуткино съ отдѣльною уединенною дачею Нарышкиныхъ, построенною въ Дубовой Рошѣ.

Упомянувъ о оставшихся въ Кунцовѣ памятникахъ старого времени и стараго барскаго житья, мы должны отмѣтить, что и новое время, вблизи церкви и барскаго дома, незамедлило тоже соорудить и съ своей стороны небольшой памятникъ, на которомъ красуется простая, но очень краснорѣчивая надпись: Начальнонародное училище. Для этого училища, его основатель, новый владѣлецъ Кунцова, г. Солдатенковъ построилъ скромное, но прекрасное помѣщеніе и доставляемъ полныя съ избыткомъ средства вести дѣло съ надлежащимъ успѣхомъ. Въ училищѣ обучаются теперь 60 члвкъ крестьянскихъ дѣтей обоего пола. Законъ Божій преподаеть мѣстный приходскій священникъ, а прочіе предметы—два учителя, при наблюдѣніи инспектора.

БУНДОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ.

(ПРОНЯТОЕ МНС то).

Самая важнѣйшая достопамятность Кунцовской мѣстности, принадлежащая глубокой, незапамятной древности, есть небольшое древнее городище, называемое окрестными поселянамъ городкомъ, а москвичами проклятымъ мѣстомъ. Последнее названіе романическаго происхожденія и явилось въ недавнее время, когда московскій романистъ 30-хъ годовъ г. Воскресенскій, подражая первымъ Карамзинистамъ, избралъ это мѣсто для чувствительныхъ событій своего романа: Проклятое мѣсто. На планѣ 1804г. оно названо также Татарокъ имъ кладбищемъ, называли его Славянскимъ и Нольскимъ кладбищемъ, все стараясь объяснить это загадочное мѣсто, на которомъ дѣйствительно лежало нѣсколько старинныхъ могильныхъ камней.

Городище, Городокъ, Городецъ—очень мзвѣстныя имена по всей Русской землѣ, которыми народъ обозначалъ искусственную земляную постройку преимущественно на береговыхъ выступяхъ въ видѣ мыса или остраго рога, острога, остраго угла, по большей части при слияніи съ рѣкою другой рѣки, рѣчки, ручья, и т. п.—Кунцовскій городокъ представляетъ такую же топографическую особенность. Отъ береговыхъ Кунцовскихъ кручь онъ выдѣляется особымъ крутымъ или круглымъ или вѣрнѣе овальнымъ холмомъ, по направленію на сѣверо-востокъ, соединяясь съ матерымъ берегомъ посредствомъ обширной ложбины, проходящей подлѣ него околлицею съ юго-

запада и образующей между сторонними оврагами низменны! перешеекъ. Въ глубокихъ оврагахъ, съ обѣихъ сторонъ Городка, текутъ ручьи, такъ что отъ своего перешейка онъ очень круто и далеко выдается къ рѣкѣ, посреди непроходимой лѣсной чащи. Верхняя его площадка теперь заключаете небольшую лужайку длиною отъ сѣвера къ югу около 30 сам., а шириною сажень 20, не которой и виднѣются остатки кладбища-.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда мы въ первый разъ познакомились съ этимъ мѣстомъ, на самой срединѣ площадки: оставалось еще объемистое дупло отъ громаднаго дерева, оф хватая въ 3 толщиною. Оно имѣло вышины аршивъ5, было т'ог- да накрыто соломенною круглою кровлею и такимъ образомъ представляло небольшую и замысловатую бесѣдку въ видѣ иеполицскаго гриба съ простыми столиками и скамейками вокругъ. Со стороны рѣки въ дуплѣ была широкая разщелина, а внутри, въего срединѣ, стоялъ истуканъ—степная каменная баба около 4 аршинъ вышины. *) - ■ ■

Въ то время одинъ изъ Мазилловскихъ стариковъ, разсказалъ намъ, что старый дубъ давно былъ разбитъ молыіею, что бееѣдка была устроена управителемъ, а баба привезена по приказанію помѣщика изъ какой-то его степной вотчины. О самомъ Городищѣ онъ разсказывалъ, что съ лѣвой юго-западной его стороны существовала когда-то церковь, которая провалилась, ушла въ землю совѣмъ и съ крестомъ на главѣ, что при ней было большое кладбище и много надгробныхъ камней; что помѣщикъ при постройкѣ оранжерей почти изъ однихъ такихъ камней выложилъ Фундаменты; что церковь и съ городищемъ принадлежала Саввинскому Звенигородскому монашескому етырю и тамъ надо отыскивать всѣ свѣдѣнія объ этомъ мѣстѣ. Очевидно, что преданіе старожилъ о Саввинскомъ монастырѣ основывалось на какой либо древней записи, хранившейся у Нарышкиныхъ, и по сходству имени смѣшивало Саввинскій

*) Значительно попорченна ст. того времени, эта баба поставлена теперь въ саду въвѣкі дама.

Звенигородскій монастырь, кавъ боіѣ извѣстный, съ Саввинскимъ монастыремъ, существовавшимъ въ Москвѣ, у Дѣвчьяго пола, къ которому въ дѣйствительности Кунцовская мѣстность была нѣкогда приписана, см. выше, стр. 141.

Оставшіеся могильные камни съ верхней стороны была украшены простою рѣзбою, рисунокъ которой очень часто встрѣчается на такихъ же памятникахъ XVI и XVII ст. На нѣкоторыхъ въ верху этой рѣзбы сохранялись совсѣмъ стерты! надписи въ четыре строки и на одномъ въ началѣ довольноявственнзначилось: „Лѣта 7065-го (1557 г.) ареста вися*... Слѣдоватеіно кладбище существовало еще въ XVI ст.

Цреданіе о существовавшей здѣсь церкви вполнѣ подтверждается межевою описью Кунцова 1649 г., гдѣ прямо говорится, что здѣсь находилась церковь Покрова Богородицы „что на Городищѣ^а, посреди 3 а р а з о в ь, т. е. береговыхъ обрывов*. Воя эта берГеговая глухая мѣстность съ-своими Заразами, кручами и обрывами вплоть до деревни Ипской (нынѣ липовая роща) называлась еще Плуткинымъ, вѣроятно отъ глаголя плутать, т. е. блуждать, не зная дороги и выхода. Быть можетъ въ XV вѣкѣ, когда бояринъ Петръ Константиновичъ от- казалъ Московскому монастырю Саввы упомянутую деревню Ипскую вмѣстѣ съ ОлФерковымъ, эта самая пустошь' Плутня- но и называлась ОлФерковымъ и въ то время была жилою деревнею, пбо именемъ пустоши всегда означалось оставленное вотчинное жилье. Но въ какое время на Городищѣ была построена церковь, объ этомъ, какъ и о самомъ Городищѣ, не встрѣтилось намъ извѣстій раньше 1649 г. Да и въ втотъ годъ собственно о церкви вовсе не упоминается и обозначается ея именемъ только церковная земля.

Мы уже говорили, что въ XVI ст. близлежащее село Крылатское было любимымъ заѣзднымъ мѣстомъ царя Ивана Вас. Грозцаго. Очень вѣроятно, что въ то время и ближнія къ нему мѣстности были населены больше, чѣмъ въ XVII ст., т. е. послѣ Смутнаго времени, которое тѣмъ особенно и знаменито, что опустошило подмосковныя дачи изъ конца въ конецъ. Очень вероятно, такимъ образомъ, что церковь на Городищѣ

могла быть построена тоже в XVI вѣкѣ, если еще не раньше, такъ какъ для множества окрестныхъ небольшойхъ деревенекъ, отъ которыхъ послѣ остались однѣ пустоши, было необходимо имѣть Божій храмъ поближе къ своимъ мѣстамъ. Старинное же Городище для такой постройки представляло всѣ удобства, такъ что съ такою же вѣроятностью мы можемъ относить постройку здѣсь церкви къ первымъ временамъ заселенія этой подмосковной стороны, т. е. къ XII или по крайней мѣрѣ къ XIII ст. По Русской землѣ мы встрѣчаемъ очень много церквей, многа также построенныхъ на старинныхъ Городищахъ.

Съ именемъ: Городище, теперь навѣки связано имя Ходаковского, которой первый такъ сказать открылъ намъ эти памятники и съ особеннымъ увлеченіемъ одинъ изъ первыхъ же заговорилъ о кровномъ единствѣ всякихъ народныхъ древностей и памятниковъ быта у всѣхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ елучаѣ онъ является достойнымъ предшественникомъ ШаФарика. Къ сожалѣнію, какъ часто у насъ случается, неблагоприятныя обстоятельства не позволили ему окончить задуманныхъ работъ и мы знаемъ ихъ больше со стороны замысла, и меньше со стороны законченнаго исполненія, которое намъ представляетъ только лишь сборникъ заготовленныхъ матеріаловъ. Тѣмъ не менѣе Ходаковскому первому принадлежимъ правильная постановка изслѣдованій о древнеславянской географіи въ связи съ исторіею всего быта.

„Первый періодъ нашей Исторіи, говоритъ онъ въ своемъ „планѣ путешествій по Россіи для отысканія Древностей Славянскихъ“, находится еще въ нашей Географіи, или лучше сказать въ названіи нашихъ земель, нашихъ округовъ, городовъ, весей, озеръ, рѣкъ, полей и лѣсовъ дремучихъ. Какъ обитаемая, такъ и **неспособный** къ жительству, плодородная и дикія мѣста, возвышенныя-горы и низкія луга, словомъ цѣлая поверхность земли нашей была зрѣлищемъ первыхъ дѣяній Славянскихъ. Она еще сего дня можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ тѣхъ временъ, ежели обратимся къ ней для изслѣдованія истины. Взланемъ только на цѣлый рядъ»

урочищъ — нФкоторыхъ словъ коренныхъ, которыя поурывають все пространство земли нашей.... Сколько будетъ словъ языческихъ, однозначашихъ и непонятныхъ выражений.<. Такія только слова могутъ доказывать древнѣйшій признакъ единства нашихъ предковъ. Многія изъ нихъ существовали еще въ язычествѣ при мнимыхъ началахъ Руси, Кіева и пр. Тотъ же самый словарь находится въ сельскихъ пѣсняхъ, преданіяхъ, чародѣйскихъ таинствахъ, врачебной и естественной наукѣ простолудиновъ....*

Бъ лланѣ своего путешествія онъ ставилъ необходимымъ осмотрѣть самыя мѣста, гдѣ жили разнородныя племена древней Руси, обратитьъ вниманіе на главныя нарѣчія ороvinciальныя, какъ далеко простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница и что могло уцѣлѣть въ нихъ отъ древнѣйшаго Славянскаго; узнать также разницу въ одеждѣ, въ строеніи домовъ, въ земледѣльческихъ снарядахъ; собрать имена звѣздамъ и природѣ, т. е. всякимъ предметамъ естественной исторіи; записать обряды двадцѣтные, игры, пѣсни, суевѣрія и т. п., собирая въ тоже время и всякіе вещевые и письменные памятники древности.

Но главный интересъ этого плана останавливался на Городищныхъ насыпяхъ, которымъ Ходаковскій придавалъ особое значеніе и объяснялъ ихъ, какъ сооруженія, посвященныя многобожію, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что этими памятниками узнаются и опредѣляются границы славянскихъ поселеній, что гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ значитъ небыло и славянскихъ жилищъ. Онъ свидѣтельствовалъ, что такими Городищами покрыто все пространство земли отъ Уральскихъ горъ и Камы, на западъ до Ельбы и верховьевъ Дуная, и отъ Северной Двины, на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря, т. е. по всѣмъ землямъ Славянъ; что они находятся у насъ почти на каждой квадратной милѣ, и повсюду между собою единообразны; что они, тоже, что Гартенш у Нѣмцевъ или Керемети у нашей Мордвы.

Онъ собралъ до 7000 названій разныхъ урочищъ, встрѣчаемыхъ вблизи Городищъ и этотъ Словарь Славянскаго Го-

родства такъ его увлекъ, что повсюду онъ сталъ видѣть какую то правильную таинственную черту и повсемѣстноесогласіе, руководившееустройствомъ этого Городеца в а. „Нѣсколько лѣтъ я странствовалъ и размышлялъ, говоритъ онъ, пока не получилъ всѣ названія, общія у Славянъ, пока не сообразилъ, что такъ называемые Городокъ, Городецъ, Городно, Городня, Городенка и Городище есть одно и то же, и гдѣ уцѣлѣли, всѣсходствують между собою въ наружныхъ признакахъ^а. Но ему еще не было извѣстно, въ какомъ отношеніи къ этимъ Городищамъ остаются окружающія ихъ урочища. Осматривая Тверскую сторону по планамъ и на мѣстахъ, въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ, онъ сдѣлалъ новое для себя открытіе, именно, что „всѣ названія вокругъ Городищъ имѣли къ нимъ отношеніе и показывали вмѣстѣ какой то порядокъ.“ „Чѣмъ дальше я углублялся въ Россію, замѣчаетъ онъ, тѣмъ болѣе утверждался въ мысли, что какія-то правила были руководствомъ для Славянъ учредить одинаковыя вездѣ Городища, въ избранныхъ къ тому красивыхъ мѣстахъ, и окружающимъ ихъ урочищамъ дать одинакія названія... Я начаю употреблять циркуль съ размѣромъ по масштабу: на примѣръ, межъ двухъ городковъ, находящихся часто въ разстояніи 8 верстъ (старыхъ, семисотныхъ), сдѣлавъ по срединѣ мысленный предѣлъ, рассчитывалъ по оному всѣ урочища^ которыя окружаютъ въ особенности тотъ и другой городокъ. Оказалось, что та и другая черта заключали одинакія названія; въ иныхъ мѣстахъ явились, по видимому несогласныя, но существенно въ одномъ значеніи. Сей рядъ одинакихъ и замѣняющихся урочищъ при городкахъ наблюдалъ я непрерывно въ путешествіи изъ Твери и при разсмотрѣніи межевыхъ плановъ 21 губерніи. Сравнивалъ при этомъ Карты западныхъ и южныхъ Славянъ и тоже самое открывалъ вездѣ въ удивительномъ согласіи. .. Слѣдствіемъ таковыхъ опытовъ и соображений, сколько разъ удалось мнѣ, въ безчисленныхъ мѣстахъ, отгадать при такихъ окопахъ по 10 и болѣе названій, вступивши въ бесѣду съ старожилами. Сколькѣ разъ сіи старо-

шы были поражены симъ явленіемъ для нихъ необыкновен- ный!^a

Изученіе городищъ на самыхъ мѣстахъ привело Ходаков- скаго къ следующимъ заключеніямъ, которыя указали ему неизмѣнныя условія, руководившія повсюду сооруженіемъ такихъ насыпей: 1) Городища находятся вообще въ прелестныхъ избранныхъ мѣстахъ, имея входъ съ востока, летняго или зим- няго. 2) Составляющій городище валъ насыпанъ изъ одного чернозема, съ вершины до самой подошвы. По Фигуре городища разнообразны; по большей части они круглы, но встрѣча- ются полуциркульнѣя, квадратныя, полуквадратныя (на пря- мыхъ берегахъ) и треугольнико- выя, на острыхъ мысахъ, что вообще зависело отъ местного удобства при ихъ сооруженіи.

3) Во всехъ такихъ городищахъ внутреннее, т. е. окруженное валомъ пространство незначительно; на немъ едва ногуті поместиться два крестьянскія жилья. 4) Вокругъ городищъ на четыре версты постоянный урочища, т. е. повторяющіяся имена разныхъ урочищъ. 5) Извѣстное, т. е. неизмѣнное разстоя- ніе отъ другихъ городковъ, въ 4-хъ, 6-ти, 8-ми старыхъ верстахъ (сенисотныхъ) или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселе- ніямъ. 6) Городища стоятъ уединенно или порознь и изыскателю не случилось^идѣть 2-хъ или 3-хъ городковъ на одно! верстѣ, что конечно съ жилыми или укрепленными случайнс во время войны мѣстами издревле могло-бы нерѣдко встречаться. Затѣмъ, въ окрестностяхъ, никогда не бывшихъ театромі военныхъ дѣйствій, и въ областяхъ, которыя менее подвергались непріятельскимъ опустошеніямъ, сіи городки окружены условными названіями (урочищъ) боговъ, чиновъ, слав- леня или лольбы, всесозженія, прорицаній, игръ, пиршествъ закалаемыхъ'животныхъ, и т.п. Во множестве сихъ урочищъ есть около 100 прилагательныхъ именъ къ городкамъ, которыя показываютъ ихъ качества и назначеніе, напр. Божигра- ды, Святограды, Вѣрограды, Ротграды (рота-присяга) Любе- грады, Славгородки, Райгородки, и пр.

Вообще у Ходаковскаго, при изученіи городищъ и окружающихъ ихъ урочищъ, главною руководящею мыслью было то, что онъ почтвалъ ихъ сооружениями языческаго богослужения, 'языческими калищами и съ этой точки' зрѣнія объяснялъ и каждое урочищное имя, которому всегда придавалъ мифическое значеніе. Естественно, что по этому пути онъ мало по малу удалился въ область очень туманной-кабалистики, и какъ онъ самъ иносказательно обозначалъ еще неясную систему своего Городства. Приведа примѣры различныхъ сочетавій разномѣстныхъ урочищныхъ именъ, въ родѣ Бѣлые-боги, Бѣлые гости, Белоголовы, Белославы, Бѣломиры, Бѣлоозера, Бѣлостоки и также: Черные боги, Черные гости, Черноголовы, Черносливы, Черноозера, Черностоки и т. д.; или оборотные Бѣломиръ, Миробѣль, Радъгость, Гос^ерадь и т. п., также удвоенные Бѣлобѣль, Черночернь, Холохоль, Славославъ и пр.; приведи такіе примѣры и вообще указывая на присутствіе какой то единой мысли сокрытой во всѣхъ этихъ урочищныхъ именахъ, онъ заключаетъ: „Сія словесная Кабалистика на землѣ нашей есть одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для историка и Филолога, ибо въ ней скрывается первое учрежденіе нашихъ предковъ и первое начало нашей лингвистики*.

■ ■ Въ другомъ месте онъ говоритъ: „При обзорѣ всѣхъ насыпей на землѣ нашей и всей ея номенклатуры съ помощію летописей и нашихъ діалектовъ народныхъ (нарѣчій), мы откроемъ новый свѣтъ, который озарялъ первую эпоху Славянъ. Найденное, хотя еще не увѣнчано счастливымъ концемъ, отмѣчалъ онъ въ поелѣдствіи, однакожь плѣняетъ меня темъ, что оно вездѣ согласно, вездѣ показываетъ однофамильный, единавѣрный народъ и устройство ея мысли на такомъ странствѣ земномъ (у всѣхъ славянскихъ племенъ) есть вещь необыкновенная*.

Филологическая кабалистика, подъ указку которой всегда такъ легко попадаетъ Фантазія каждаго изыскателя древности, лучше всего выразилась у Ходаковскаго въ объясненіи ииъ слова городъ. Раскрывая первобытное значеніе этого слова, онъ захватываетъ читателя перенестись мысленно въ эпоху Сла*

вянь, которые, по общей системѣ идолопоклонства, -совершали обряды на высотахъ и горахъ, гдѣ ихъ всесозженіе^ очк- щёніе, прорицаніе, пиршество, капище или скопище не могли производиться безъ огня, какъ и безъ воды. Онъ (гакиць об- равоиъ соединяете въ одно понятіе слѣдующія олова:

Гора + Родъ = Гора родовая, народъ ая, ебораяя. Горь, гарь, горѣть + Родъ = горѣніе, сожиганіе, народомъ производимое. Это былъ однимъ словомъ Городъ . .

Въ атѣи толкованіи заключается весь смыслъ такъ называемой Системы городищъ Ходаковского, и той таинственной: везде согласной черты, той Системы Славянской и Словесной К а б а л и от и к и, на которую въ разныхъ мѣстахъ своего труда ойъ постоянно указываетъ. Очевидно, это было излишнее увлеченіе своими открытіям^и своею мыслию.

' Ходаковскому указывали его увлеченіе, но безъ надлежащего вниманія' къ его открытіямъ, въ которыхъ, не смотри на увлеченіе, существуетъ весьма серьезная основа для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Калайдовичъотнималъ всякую вероятности въ миѳологическомъ значеніи городищъ. „Не оспаривадо, говоритъ онъ, что места Славянскихъ жертво-приношеній-и кумиры были на возвышеніи, могли окружаться валами, чтовъ,адс, ле Городищъ найдется несколько таковыхъ мольбищъ; норе- (Щителън о утверждаю, что большу ю частьонцхъ оо- «угавляютъ огражденія городовъ, селеній .и крепостей¹⁴...

- -Скудость письменныхъ свидѣтельствъ о г о р о д и (а . і t вихъ-то Калайдовичъ только и вѣровалъ, не придавац ни каг ной цены втиографическимъ свидетельствамъ), заставили его взглянуть довольно поверхностно-на Славянскую Систему Ходаковского; также поверхностно онъ обозревалъ и самый Городища на местахъ и'потому далъ возможность Ходаковско- муво многомъ опровергнуть его возраженіе блистательно или по крайней мере съ большими основаніями, такъ что замечанія Калайдовича не только ни мало не поколебали этой Славянской Системы, но нодали поводъ изыскателю еще больше укрепить» оявьсией. Ходаковскій постоянно одно только и повторе а,

что Горолшца, Городки суть наши языческія священный ограды, и никогда не были военными или городскими и сельскпг ми укрѣпленіями, ибо, няоборотъ, находились особо, отдельно именно при такихъ укрѣпленіяхъ.

‘ По его словамъ, самъ Калайдовичъ начертилъ своимъ археологическимъ перомъ и Кунцовскій городокъ, о которомъ самъ же заиѣтилъ, что онъ имѣеть одинъ только входъ съ востока. Намъ неизвѣстно, какъ Балайдовичъ описаль Кунцовскій городокъ, <но, конечно, ни одно изъ городищъ своицъ положені- емъ въ глухой чащѣ лѣса и вообще своею природною обстановкою, не можетъ въ такой степени уносить наше воображе* ніе въ му таинственную, миѳическую, заманчивую Славянскую Систему Ходаковского, какъ именно городище Кунцов- «кое. Здесь возраженія и сомнѣнія Калайдовича опровергаются на каждомъ шагу, Въ самомъ дѣлѣ могло ли это городище служить военною крѣпоотцею, и чтб оно могло защищать, когда вохругъ повсюду существовали мѣста бол- ѣе удобныя и бо- лѣе стратегическія для военныхъ укрѣпленій, въ полной мѣ>- ре комрндуюшія.надъ этою самою местностью. Не могло онр служить' и мѣстомъ для простаго поселенія, ибо вокругъ повсюду мѣста для седитьби. были несравненно удобнее и ря- доиъ же на горѣ еще въ XVII ст. существовала деревня Наг горное, а по рѣчкѣ Хвилкѣ въ началѣ XVII ст. было уже, вѣ- сколько пустошей, т. е. оставленныхъ поселеній, ц кроцѣтого огояла деревня Кунцово, послѣ также оставленная и обратившаяся въ такую же пустошь. Кому надобна была для обыц-г новенной селить бы такая непролазнаятрущоба и чаща съ,кругами непроходимыми подъемами отъ.рѣки, слѣд. отъ воды и оъ такими же подъемами къ паханому полю, т. е. ко всякому хозяйскому угодыю? Ясно, что если и было здѣсь жилье, по- селеніе, то оно ни въ какомъ случае не могло принадлежать къ обыкновенными жишщамъ человека. Это было жилье чрезвычайное, необычное, для устройства котораго въ такомъ именно уединенномъ и скрытномъ мѣстѣ существовали причины особыя, выходившія изъ обычнаго порядка въ жизни перИыхъ обителѣй втого края. До цодорицы XVII ст. **здесь** на горо-

дищѣ существовала церковь Покрова Богородицы, удразднен- ная быть может еще раньше, ибо городище въ ато , время только числилось церковною землею Покрова Богородицы. По какому случаю была построена церковь именна ва этомъго- родищѣ, когда извѣстно вообще, что церкви етавлиоѣ на вы- сокихъ мѣстахъ, на всей красотѣ, какъ говаривали поселяне, чтобы со всѣхъ сторонъ и издалека Божій храмъ всѣмъ былъ видимъ. Здѣсь же онъ долгіенъ былъ находится^ водъ горою, напр, внизу отъ деревни Нагорнаго. Опять слѣдовательно были особыя причины, указавшая это мѣсто для еоруженія храма; Припомнимъ, что еще со временъ с». Владиміра хрвстіанскіе храмы ставились на мѣстѣ языческихъ требищъ и самъ нашъ проѣвѣтитель Истинною Вѣрою сооружилъ въ Кіевѣ церковь св. Вдсилія на яЗыческомъ холмѣ, гдѣ тогда стоялъ „Перунъ древянъ, а' глава его серебряна, а усъ 8латт>“, f Дѣ стояли <Хорозъ, Дажь-богъ, Стрибогъ, Симарьгла и Мокошь, гдѣ^жряху имъ, творяху потребности князь и людье, нарицая ихъ богами, прйвожа- ху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ, оекверняху землю *гребами своими¹⁴.... Принявъ св. Крещеніе св. Владиміръ, по- велѣлъ рубити церкви й прямо указалъ поставляти церкви, по Мѣстамъ, „идѣже стояху кумири“. Это былъ его'святой завѣгъ, который повсюду, во всѣхъ мѣстахъ и соблюдался при распространен! и Вѣры.

Если мы припомнимъ это важное для насъ свидѣтельство лѣ- тописи, то можѣмъ допустить очень вѣроятное предположеніе; что сооруженіе на Кунцовсгіомъ городигцѣ церкви Покрова относится къ тому давнему времени, когда-еще памятни была здѣсь Блѣды язычества, когда это мѣсто у окрестнаго, хотн бы уже и хрстіанскаго населенія, все еще памятовалось какими либо суевѣрными чествованіями и потому быть может вызвало поводъ освятить его построеніемъ Божьяго храма. Какъ бы ни было, но построеніе храма на гбродищѣ во всякомъ слу- чаѣ можетъ указывать, что здѣсь нѣкогда въ дѣйствительноотв совершались языческіи требища. И до сихъ поръ въ весенніе й лѣтніе праздники, особенно на Троицкой недѣлѣ, здѣсьиногда собііраются окрестные поселяне играть цфсви и вфдитв хо*

роводы. Въ сороковых годах, пишуцій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Троицынъ день изъ деревни Терехова, съ той стороны рѣки, толпа ребятишекъ и дѣвочекъ съ зелеными вѣнками на головахъ вь рукахъ, приблизилась противъ оамаго Городка къ берегу, побросала вѣнки вѣрѣку, дол«- го глазѣла на нихъ, куда понесла вода, и потомъ удалилась. Эта неожиданная картина прямо перенесла наоъ въ глубокую славянскую древность. Зачѣмъ вѣнки слѣдовало бросать въ рѣку именно передъ Городкомъ, когда въ деревнѣ есть свой ближайшей берегъ рѣки? Быть можетъ это была случайность, а быть можетъ сохраняется въ доревнѣ и до сихъ поръ налить о томъ, что Троицкіе вѣнки бросать выводу почему либо важнѣе только въ этомъ мѣстѣ. Вообще такіе городки у окре* стныхъ поселянъ нерѣдко и до сихъ поръ служатъ сборгаиъ мѣстомъ для весеннихъ хороводовъ. На Дьяковскомъ Городкѣ подъ селомъ Коломенскимъ мы токе однажды застали такой хороводъ. Самъ Калайдовичъ свидѣтельствуеъ, что на Мячков- свій курганъ у Боровскаго перевоза, (черезъ Москву-рѣку), въ Троицынъ день также собирается множество окрестных** жителей и проводитъ время въ ликованіяхъ и что по предаию и на втомъ к у рганѣ стояла некогда церковь.'

Очень понятно, почему Ходаковскій могъ такъ увлекаться своею системою: она давала ему постоянно новыя точки опоры. Такъ напр, относительно извѣтнаго равстоянія городковъ другъ отъ друга подтвержден!© находимъ и вблизи Кунцова. Но прямой линіи на ааладъ отъ Кунцовскаго Городища, подъ селомъ Подушкинымъ существует!, тоже Городище, на рѣчкѣ Кобыленѣ, какъ сказала намъ одна етаруха.изъ деревни Рав- доровъ, о которомъ Ходаковскій не имѣлъ свѣдѣнія. Отъ Кун- цовскаго оно въ разстояніи 11 верстъ или въ Ө вѣрстахъееви- сотныхъ, какъ считаетъ Ходаковскій. Въ такомъ же почти рее- стоянни отъ Кунцовскаго прямо на востокъ находится Кремль, который точно также возникъ изъ древиѣйшаго Городища, выходившая угломъ- на за па дъ при впененір рѣчки Неглинной въ Моекву-рѣку Ииннѣвшаго слѣд, естественный **входѣсгъ** во-> стока. Мы не видали Подушкннскаго Городища и доэваен'*

съ какой стороны оно имѣть свой входъ, но судя по его* положенію между оврагомъ съ запада и иаханымъ полемъ съ востока и оно должно имѣть тоже восточный входъ. Весьма значительно для системы Ходаковского и то обстоятельство, что Подушкинское Городище точно также устроено въ глухомъ мѣстѣ, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Москвы-р*ки в въ сторонѣ отъ окружающихъ очень удобныхъ мѣстъ для пб- селрніа и для военныхъ дѣйствій. Почти въ такомъ же раастая- ніи отъ Кунцовскаго Городища прямио на сѣверъ находится Городище подъ Тушинымъ, на ржавцѣ, близъ р. Вбхедна. Въ двойномъ разстояніи отъ Кунцовскаго Городища, въ 22 верстахъ прямо на югъ есть деревня Городецъ и ар. Сосенкѣ при впаденіи въ нее съ запада овраговъ. Надо полагать, что ■ тамъ гдѣ либо найдется Городище, да ее мудрено, что и въ промежуточномъ разстояніи въ ту и въ другую сторону тоже могутъ открыться слѣды Городка. Можно также предположить что существовало или и существует. Городище гдѣ-либо около Орлова, вблизи котораго еуществоваль **старый** по ое ть Покровскій, см. выше стр. 134.

> Не совеѣмъ только ясно у Ходаковского его утвержденію, что вокругъ городищъ на 4 версты постоянно встрѣчаюісі одянакія урочища: „божественныя, чиновныя, жертвенныя, любовныя, природныя, земледѣльческія“ и т. п.-^Суд» по со- бранному имъ Словарю такихъ урочищъ, должво заключить, что не у каждаго городке встречаются одинакіи названій, о чемъ, кажется, Ходаковскій и не думаль. По видимому онЧ разумѣль только, что вообще при городищахъ или, говоря об- щимъ словомъ, при Городствѣ, въ области Городетва, открыв ваются постоянно одни и тѣже имена урочищу, не смотря въ ровстояніе, на отдаленность другъ отъ друга губерній и об- лестей, и «а различіе племень; что въ этомъ отношеніи Великая, Малая, Бѣлая Русь, Польша, Червонная Русь или Гаяи* ціа, Болгарія, Сербія и вѣф старебытныя поселеаін Славян» представляютъ удивительное едияообразіе и согјасіе, „иаиѣ- бы чародѣйское дѣло, которое должнопроизвеотй вцѣ<кпмѣнію въ нашемъ умѣ“, . . ; / „ > п;.:, ; и иг. .>.:i .

Однакожь ивъ его разсказовъ видно также, что и особо при каждомъ городищѣ® должна существовать какъ бы особая система въ именахъ урочищъ, которая служила характеристикой того или другаго назначения этого городка при первона-> чальномъ его устройствѣ® или показывала характеристику его мѣстоположенія. „Затвердивши въ памяти тѣ слова, говоритъ Ходаковскій, который чаще попадаются въ четырехъ-верстной окружности городкоцъ, могъ а нѣсколько угадывать, особенно въ разговорѣ® съ старожилами, которые потому признавали ме-> ня своимъ уроженцемъ, тутошнимъ^а... Онъ угадалъ такимъ образомъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ® при селѣ® Городвѣ—Радонежѣ® урочище Бѣлые боги, настаивая въ разговорѣ® съ крестьянами, что должно быть тамъ въ числѣ® урочищъ прозвѣннѣ съ словомъ богъ или бугъ, въ началѣ® или въ окончаніи слоговъ. Вообще онъ утверждалъ, какъ упомянуто, что городки окружались на четыре версты одинакими урочищными славянскими именами.

Это можно отчасти примѣнить и при сревненіи двухъ городищныхъ мѣстностей Кунцовской и Подушкинской. Мы упоминали, что Подушкинское Городище находится при рѣчкѣ® Кобыленѣ®. Верстахъ въ 5 отъ Кунцовскаго Городища, подъ бойнею у Дорогомилова кладбища есть Кобылій врагъ. Подъ Городищемъ у Соколова на Востокѣ® есть Кобылья Лужа, такъ какъ подъ Городищемъ самаго Кремля, въ одной верстѣ®, въ Зарядѣ®, есть Кобыльское (два питейныхъ дома). Отъ Городища на Юзѣ® въ двухъ верстахъ тоже Кобыльское, Никола въ Кобыльскомъ*). Въ топографическомъ отношеніи, Кобыльское значило Мокрое, и, потому въ Зарядѣ® церковь Николы, прозывается Мокрое, а питейный домъ по народному: Кобыльскій. Такимъ образомъ имя этого урочища представляет*

■ На Юзѣ® Городище существовало вѣровище всего гдѣ либо вблизи, во не подъ еакимъ Андрояевымъ монастыремъ, іаіъ указываемъ, Хадаковскій, ібо въ аіфт, упоивваощемъ вто Городище, говорится, что если случится душегубство за Яузою чно іъ тону тянетъ и Андроньевъ монастырь и Городище». Скорѣе мовно полагать, что яа нѣстѣ этого Городища сущѣстиуетъ теперь церковь Никиты Муч., что на Вшивой Горѣ®, ■ что «ібдов. Вшаваа Горка ■ есть древнее Яузское Городше.

черту не мифологическую, а топографическую, как в множество других урочищ. Топографическая же черта у одного племени народа, говорившего и мыслившего на одном языке, конечно всегда должна обозначаться и однородным именем.

Во всяком случае Урочищный Словарь Ходаковского, если и не дает прямых и положительных свидетельств именно о языке скомьбогослужебном значении городищ, то он вполне может доказывать, что эти городища были памятниками славянского жителя-бытия на всем пространстве, где урочища звучат по-славянски.

А насколько важно собрание этих имен! Для разрешения многих других вопросов, наиболее положительных, так это доказал сам же Ходаковский в своей статье: „Пути сообщения в древней Руси“, где очень внятно раскрыты передвижения древних наших князей и пункты сообщения между различными и разными областями.

Названия урочищ, особенно русские, могут указать также границы и распространение того или другого славянского племени, могут раскрыть среди славянских поселений следы первобытных древнейших обитателей страны, причем выясняются и те условия, которые способствовали происхождению такого множества городищ.

Городища своею историей увлекают нас, как мы упоминаем, в глубокую, незапамятную древность и далеко распространяют горизонт наших познаний о начале Руси, о начале первых славянских поселений в этой стране. Вот почему уже Ходаковский высказывал положительный сомнение, что Русская История начинается будто-бы с IX века.

Даже и VI веке, когда впервые стало разноситься и славиться имя Славян, тоже не первый век, не только в истории Западных или Южных, но даже и Восточных Славян, из которых потом образовалось Русское государство. Мы имеем некоторые основания отодвинуть границы нашей первоначальной

ной исторіи даже ко врейенамъ Геродота, т. е. къ половиѣ пятого вѣка до Р. Х., а по одному его свидѣтельству даже » ко временамъ Да*ріева похрда на Скиѳовъ, или же къ концу- VII вѣка до Р. Х.

Намъ кажется, что стоитъ только отойти отъ сухой буквы лѣтописныхъ, да и то повдѣйшнихъ свидѣтельствъ о Славянахъ и вникнуть въ истинный смыслъ именно Геродотовыхъ сказаній о Скиѳи, тогда легко поймемъ, что первыми нашимъ лѣтописцемъ былъ не славянинъ Нѣсторъ, а самъ отецъ исторіи—Геродотъ. Извѣстно, что онъ описалъ Скиѳію и бытъ на- родовъ, наоелавинихъ в¹*, его время все европейское простран-^ ство нашей Русской земля. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробности, которыя представимъ въ другомъ мѣстѣ®, и скажемъ только, что по описанію Геродота южныя червморскія земли Руси были населены на востокъ отъ Днѣпра кочевымъ племенами, Скиѳами и Савроматами, а по самому Днѣпру; и на западъ отъ него, племенами осѣдлыми, земледѣльческимъ, которыхъ, жившихъ у самаго Днѣпра, Геродотъ тоже называлъ Скиѳами, а другихъ, жившихъ западнѣе, по Бугу и Днѣпру, другими именами. Изъ этихъ именъ одно очень любопытно—это Алазоне, которые жили по Бугу, гдѣ Бугъ сближается съ Днѣстромъ. Бели отдаться словесной кабалистикѣ, то въ Алазонахъ мы можемъ очень ясно разелышать имя Славянь, а если не Славянь, то Галичанъ (древнихъ Угличей), ибо¹ въ послѣдствіи здѣсь же, на самомъ этомъ мѣстѣ господствуетъ имя Галицкаго русскаго княжества.

Но для насъ въ свидѣтельствѣ Геродота очень важно только одно, что по Днѣпру и на западъ отъ него жили племена земледѣльческія и вотъ на этомъ основаніи мы имѣемъ возможность допустить, что эти земледѣльцы были не кто иной, какъ именно Славяне. Намъ скажутъ, что этого доказать ничѣмъ»' нельзя. Мы отвѣтимъ, что этого и проверить также ничѣмъ нельзя, а доказать хоть немного можно гдѣмъ, что на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ въ VI в. по Р. Х. живутъ положительно одни Славяне, и живутъ многочисленно и глубоко къ сѣверу. Объ этомъ говорятъ современники той эпохи и это извѣстно за не

оспоримую истину всему ученому свѣту. Славянское предание, передаваемое нашими первыми летописцами, утверждает, что родиною Славянъ бѣи Дунъ: отъ Дуная они во плъ и разселлись въ разныя стороны. Надо полагать, что это было въ незапамятное время. Покрайней мѣрѣ, еще вѣри Геродотъ, выше къ сѣверу отъ Алазона, въ нынѣшнемъ Волынской и Минской губ., жилъ народъ Яевры, который славился Грековъ тѣмъ, что умѣлъ оборачиваться въ волковъ. Въ тамошнихъ мѣстахъ и теперь крѣпко вѣрують, что это дѣло возможное. При этомъ въ тамошнихъ мѣстахъ, въ Польшѣ, цѣлая сторона называется Нурскою и есть урочища и рѣки съ такимъ же названіемъ, напр, подъ Овручемъ течетъ рѣка Норинъ. Словомъ сказать, ученые уже прямо указываютъ, что эти Невры или Неры, Нуры, были Славяне; да и нашъ первый летописецъ говоритъ, что въ древности Славяне назывались Норици. Геродотъ въ своемъ описаніи Скиѳіи приводит одно очень важное для насъ событіе изъ исторіи вѣхъ Невровъ. Онъ говоритъ, что десятка на три лѣтъ раньше Да-і-ріева похода на Скиѳію, Невры переселились въ землю Вудиновъ, по той причинѣ, что въ ихъ прежнія обиталища напозло множество змѣй изъ сѣверной страны и вѣтъ тамъ стало невозможно. Подобныя легенды въ древнихъ сказаніяхъ встрѣчаются не рѣдко. Иносказательно онѣ могутъ объяснять очень простое событіе — нашеетвіе чужаго племени, которое вытѣсняетъ или изгоняетъ съ своихъ мѣстъ нрежнихъ жителей. Такимъ образомъ Невры могли переселиться въ норуую страну, спасаясь отъ варваровъ, непріятелей, пришедшихъ съ запада или сѣвера, съ верхнихъ степей. Геродотъ говоритъ, что они перешли въ землю Вудиновъ, а Вудины по его же сказанію были очень многочисленный народъ, жившій къ востоку отъ Невровъ и къ сѣверу отъ Скиѳовъ и Савроматовъ, по вѣрному опредѣленію местности, въ нынѣшнихъ губ. Саратов., Пензенской, Тамбовской, Воронежской и далѣе къ западу и къ сѣверу, именно по протоку р. Оки. Здѣсьдо сихъ поръ остаются племена, а въ яныхъ мѣстахъ имена жилищъ вѣхъ Вудиновъ съ названіями Мордвы, Мокши, Мещеры, Че

ремисы, Чувашей, такъ что и Калужскій городъ Мешовскъ, по древнему Мещерскъ, гдѣ уже нѣтъ никакой Мещеры и Мордвы, все таки указываетъ на границу ея древнѣйшаго распрогъ страненія. Но что особенно подтверждаетъ, что упомянуты! финскія племена у Геродота назывались однимъ именемъ, Ву- динами, такъ это ихъ природное и народное имі—У дь, Одъ, Удь-Мортъ, сохраняющееся и доселѣ у сѣверныхъ ихъ род* ственниковъ, Вотяковъ или Отяковъ, имя которыхъ испорчено порусски изъ того же Удь или Одъ. Если обратимся къ урочищнымъ имѣнамъ, то по южной окраинѣ первобытныхъ жилищъ Вудинскихъ найдемъ еще рѣку Удь — Уды подѣ Харьковомъ и У ть, впадающую въ рѣку Сожъ на югѣ Могилевской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ Вудинскихъ именъ въ тѣхъ . мѣстахъ встрѣтится довольно. По видимому къ слову: Удь греки прибавили согласный звукъ В, такъ какъ къ слову: Одъ—Отякъ русскіе прибавили Водъ—Вотякъ.

Куда же именно Невры, наканунѣ Даріѳва похода на Скн- ѳовъ, перешли въ землю Вудиновъ? На это отвѣчаетъ записанное у перваго нашего лѣтописца преданіе, что изъ славянскихъ (русскихъ) племенъ Радимичи и Вятичи пришли отъ Ля- ховъ, т. е. отъ Лѣсовиковъ изъ-за Днѣпра и поселились, Радимичи къ сѣверу по Сожъ, а Вятичи къ востоку по Окѣ. Очевидно, что они перешли черезъ Днѣпръ между Десною и Сожемъ, съ Припяти или изъ Нолѣсья, что и значитъ отъ Ля- ховъ, гдѣ именно и обитали Геродотовы Невры. Такимъ образомъ Вятичи были передовымъ славянскимъ племенемъ, которое пошло вѣроятно съ Десны по Окѣ дальше на Востокъ. Во время нашествія Варяговъ на Окѣ внизу сидѣла еще Муромъ—Вудинское плѣмя, на которое Вятичи и напирала въ ево- емъ шествіи къ востоку. Вотъ, по случаю втого шествія въ чужую дикую землю в нужны были городки, т. е. небольшія крѣпостцы, которыя должны были охранять и защищать двигавшееся впередъ населеніе. Вотъ почему городки и доселѣ встрѣчаются только по направленію рѣкъ, ибо рѣки были перовыми и единственными въ то время путями в*ь непроходимой болотной и лѣсной чащѣ. Въ добавокъ городки должно было

прятать въ непроглядныя трущобы, дабы нивто ихъ не на- шель, ибо въ нихъ на случай опасности населеніе прятало свои пожитки и пряталось само. Очень естественно, что въ Нихъ же вмѣстѣ со всѣмъ дорогимъ для тогдашняго чѣловѣка сохранялось и все его святое, т. е. всѣ предметы его вѣрова- нія, поклоненія. Въ этомъ отношеніи и Ходаковскій можетъ быть правъ, съ своею системою, что городища были языческими капищами. Еще понятнѣе намъ будетъ значеніе городищъ, какъ передовыхъ постовъ и точекъ опоры для защиты и охраны населенія, если приведемъ первоначальный несом- нѣнные свидѣтельства о бытѣ славянъ за долго до пришествія къ намъ Варяговъ.

Первые наблюдатели этого быта, отъ VI вѣка, византійскіе и западные лѣтописцы, единогласно говорятъ, что безчисленные народы восточныхъ славянъ жили разсѣянно (по нашей лѣто- писи каждый особо съ своимъ родомъ и на своихъ особыхъ мѣстахъ) въ жилищадъ, разбросанныхъ на болыномъ разсто- яніи одно отъ другаго, у рѣкъ, болотъ и озеръ, въ мѣстахъ неприступныхъ (по нашей лѣтописи живяху въ лѣсу, какъ всякій звѣрь). Въ этихъ своихъ жилищахъ, на случай опасности, они дѣлали много выходовъ.

Эти разбросанныя другъ отъ друга избы-жилища н назывались деревнями въ собственномъ смыслѣ, ибо деревня въ пер- вббытномъ своемъ значеніи была жилищемъ исключительно лѣснымъ, см. выше стр. 139. Такія деревни существовали до позднѣйшаго времени и самое Кунцово, какъ видѣли, было именно такою деревнею, состоявшею изъ одного только двора. Но тѣже свидѣтельства отъ VI вѣка объясняютъ еще, что во время нашествій враговъ славяне ухбдили изъ своихъ деревень въ лѣса и болота, скрывались въ лѣсныхъ дебряхъ.

„Славяне (Поморскіе, прибалтійскіе), говоритъ Гельмольдъ, не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, и обыкновенно спле- таютъ себѣ избушки изъ хвороста (какъ до сихъ поръ во всей южной Россіи) лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды. Едва раздастся кликъ военной тревоги, они поскорѣе заберутъ весь Хлѣбъ, спрячутъ егосъ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими

вещами въ яму, уведутъ женъ и дѣтей въ надежный убежища, въ укрепленія, а не то въ леса, и не останется на расхищеніе непріятели ничего, кромѣ однихъ избъ, о которыхъ они не жалѣютъ ни мало." *)

Все сказанное Гельмольдомъ о балтійскихъ Поморскихъ славянахъ въ равной силѣ можетъ относиться не только къ восточнымъ обитателямъ славянъ, но и къ другимъ, инородческимъ племенамъ, ибо одинакія условія жизни повсюду образуютъ и одинакіе способы защиты и спасенія отъ враговъ. Однако, разсматривая древнѣйшія обиталища славянъ, въ свидѣтельствахъ о нихъ, принадлежащихъ разному времени и разнымъ лицамъ, мы должны различить два рода ихъ обиталищъ: 1) одни, обыкновенныя полевые жилища земледельца; 2) другія, скрытыя отъ полей въ неприступныхъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ, въ лесахъ, куда земледѣлецъ уходилъ отъ врага со всѣмъ имуществомъ и со всѣмъ своимъ родомъ-семьей, какъ онъ уходилъ даже и въ наше время при нашествіи «ранцузовъ». Византійскій императоръ Маврикій, занимавшійся въ своемъ описаніи наиболѣе военнымъ дѣломъ, прямо и свидѣтельствуется лишь о стратегическихъ жилищахъ славянъ и говоритъ, что они живутъ въ лесахъ, у рѣкъ, болотъ и озеръ въ мѣстахъ неприступныхъ. Эти-то самыя неприступныя мѣста и были извѣстны намъ теперь городки, городцы ■ городища, которые строились для опаснаго времени и получали особое значеніе для окрестнаго населенія тоже только въ военное опасное время, при нашествіи врага.

При этомъ, всѣ племена славянскія, съ незапамятныхъ временъ тѣснимыя врагами съ первобытныхъ своихъ жилищъ отъ Дуная на северъ и особенно на сѣверо-востокъ, въ страны покрытыя лесами и занятія финскими и другими инородческими племенами, должны были прокладывать себе дорогу то* же посредствомъ такихъ же неприступныхъ укреплённыхъ местъ или городковъ и городцевъ. Вотъ почему въ лесахъ, по рекамъ и рѣчкамъ Россіи такихъ городковъ встречается

*) Сказанія индетравцбвъ о бытѣ и нравахъ Сіаинъ, г. Маіушева, Слб. 1861 г.

еще больше, чѣмъ во всякой другой славянской сторонѣ. Здѣсь они обозначаютъ поступательные шаги славянъ въ неизвѣстный имъ хіа земли Геродотрвыхъ Вудиновъ, Меланхлсновъ, Эссаетовъ и т. д., точно такъ какъ въ историческое время въ земли Чуди, Веси, Мери, Муромы, Мордвы, Черемисы, т. е. въ земли тѣхъ же Вудиновъ и Эссаетовъ, и т. д. до самаго Тихаго Океана, куда уже пришло къ концу XVI в. Велико- Русское племя. Нѣтъ сомнѣнія, что и инородцы, встрѣчая натискъ новаго населенія и желая охранить свою землю, точно также выстраивали свои городки и такимъ образомъ и съ своей стороны способствовали распространенію этого безчеловечнаго городства по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ возникала необходимость защиты отъ врага.

Очень замѣчательно то обстоятельство, что въ XVI и XVII ст. такіе городки существовали еще живыми въ сѣверовосточномъ краю Руси, напр., въ Устюжской сторонѣ, гдѣ уже финскаго племени въ это время почти вовсе не было слышно. Даже въ общемъ описаніи Русскихъ дорогъ или чертежа Русской Земли, въ Книгѣ Большаго Чертежа, эти городки показаны, какъ ряды крѣпостей, защищавшихъ некогда Вологду, Устюгъ Великій, Сольвычегодскъ. Тамъ говорится: „Отъ города отъ Вологды дорога рѣкою Вологдою въ рѣку Сухону, а на Сухонѣ, отъ Вологды 90 верстъ, городокъ Шуйской; отъ Шуйскаго 130 верстъ на Сухонѣ городъ Тотма, а подъ нимъ отъ лѣвой стороны пала въ Сухону рѣчка Песья-деньга, а съ другой стороны противъ города пала въ Сухону рѣчка Тотма.“ Вотъ именно такіе-то пункты при впаденіи рѣкъ особенно и избирались всегда для устройства городка, дабы господствовать надъ рѣчнымъ сплавнымъ узломъ. Дальше: „отъ Тотмы Сухоною 60 верстъ городокъ Брусенскъ, отъ Брусенска до Городишна 50 верстъ, отъ Городишна 50 верстъ до Бобровска, отъ Бобровска до Стрѣльнаго 50 верстъ, отъ Стрѣльнаго 50 верстъ до, Устюга—Великаго. А ниже Устюга В. версты съ 3 пала въ рѣку Сухону рѣчка Югъ... А по рѣкѣ по Югу городки Устюга Великаго, съ верху: городокъ Хорозинъ, отъ Устюга 200 верстъ; ниже Хорозина 20 верстъ — Березово; ниже 50

версть — Кичменской, ниже 40 вер. — С о с н о в е ц ь , ниже 50 вер. — Осиновецъ, ниже 40 версгъ — Орловъ; ниже Орлова 15 версть въ рѣку Югъ пала рѣка Луза... а отъ Орлова до Устюга 40 версть... А по рѣкѣ по Лузѣ съ верху городки Устюжскіе: городокъ Объячей, отъ Вятки 50 версть; ниже Объячей бОвер. — Спасской, ниже 20 вер.—Лосменной; ниже 70 вер.—Ондреевской (городокъ Соли Вычегодской); ниже 80 вер. —городъ Лалской, тоже Соли Вычегодской, усть рѣчки Лалы; ниже 40 версть—Ратморовъ;отъ Ратморова до Устюга 50 вер., до старой Перми 80 версть, до Соли Вычегодской 100 версть.*

Изъ этого описанія, обозначававшего вообще только главней» шіе пункты, мы видимъ, что рѣки Сухона, Югъ, Луза, какъ единственныя дороги и проходы въ лѣсной и болотной странѣ; были основательно укрѣплены городками отъ истока до устья, какъ безсомнѣнія въ незапамятныя времена укрѣплялись я все другія рѣки и речки по всей лесной Руси.

Ближайшее разсмотрѣніе Устюжской стороны по писцовымъ книгамъ начала XVII ст., 1621—1622 г., знакомитъ насъ даже съ состояніемъ этихъ же городковъ и съ причинами, почему городки не только оставались, но даже и возобновлялись въ это довольно близкое къ намъ время. Оно же раскрываетъ, что городки находились въ каждой волости, что всею волостью они и строились, что волости и прозывались по имени своихъ городковъ или городки прозывались по имени своихъ волостей, что иногда несколько волостей имѣли одинъ городокъ, какъ напр, къ вологодскому городку Шуйскому тянуло шесть волостей. Этотъ городокъ былъ довольно обширенъ; въ немъ помещалось 2 церкви, 5 дворовъ церковниковъ, 1 келья просвирни и 3 кельи нищихъ, дворъ митрополичій (городокъ былъ вотчиною ростовскихъ митрополитовъ), дворъ земскаго дьячка. Въ городкѣ же числилось 37 дв. крестьянскихъ 118 челов., 46 дв. бобыльскихъ 70 челов., 8 дв. пустыхъ; но большая часть этого населенія жила на другомъ берегу Сухоны, гдѣ стояла иі особая церковь.

Вотъ какъ описываются Устюжскіе городки: 1) Въ Утмановской волости городокъ Сосновецъ стоитъ еа старой

осыпи, сделанъ острогомъ, на рѣчкѣ на Ентале, а въ немъ церковь Арх. Михаила да передъ ворота на выставке другая церковь Чудо Арх. Михаила, древяны клѣтки, строеніе мирское, приходныхъ людей. Въ городке три двора церковниковъ: пооъ, дьячекъ, пономарь. 2) Волость Еналга, а въ ней городокъ Еналсвой рубленой на р. на Югу, а въ немъ церковь Воскресенія древяна клѣтки, да за городкомъ въ острожке ц. Введеніе теплая древяна вверхъ—строеніе мирское; въ городкѣ 5 дворовъ церковничьихъ. 3) Волость Кичменга, а въ ней Кичменской городокъ на р. на Югу рубленъ въ клетки, а въ немъ на воротахъ колоколя да башня отводная да 45 городень, а городня по три сажени, и того около городка съ ворота и съ башнею 140 саж. А на городе (на стѣнахъ) наряду: 25 пищалей ручныхъ, 11 пищалей затинныхъ, подчет-верта пуда зелья, полтретья пуда свинцу, 5500 ядеръ железныхъ. Въ городкѣ церковь Преображенія древяна вверхъ, да у городка на площади теплая церковь Арх. Михаила древяна клѣтки, съ дворами церковниковъ; на площади кроме того стояли дворцы (дворики) бобыльскіе, амбары, кузницы.

4) Волость Вохма, а въ ней погость на речке Вохмѣ, церковь теплая, да въ городке церковь холодная. Городокъ на речке на Вохме былъ рубленъ, а ныне поставленъ острогъ стоячей; а въ городке 6 пищалей затинныхъ, да 6 ручныхъ, 150 ядеръ железныхъ да 3 свинки свинцу, 5 «унт. зелья, 20 стрелъ.

5) Волость Городишная, а въ ней городокъ на речке на Городишной огнилъ и обвалялся, а въ немъ церк. Все Святые съ 4 дворами церковниковъ. Пашни паханые церковные подъ городкомъ средніе земли 5 четей съ полуосминою въ поле, сена 20 копень, лесу пашенваго 2 десятины, непашеннаго 4 десятины. 6) Волость Брусенская, а въ ней городокъ (у реки Брусни въ Сухону) поставленъ острогомъ, а у городка двон ворота большіе да водяные (на реку). Въ городке анбаръ зелейной, а въ немъ 5 пищалей затинныхъ железныхъ, да 4 пищали, да самопаль, ручные; да пудъ 27 гривенокъ зелья, пудъ свинцу, да пулекъ дробовыхъ 5 гривенокъ да 1450 ядеръ железныхъ. Противъ городка у р. Суховы на берегу

церковь теплая Николы... У городка у Брусейца по берегу слободка. 7) Волость Сухой Погость — городокъ Ту-ровецъ на р. на Двинѣ и на рѣчкѣ Туровицѣ, деревяной руб-лень, огниль и обвалялся весь, а въ немъ ц. Богоявленіе. Да въ городкѣ жъ было 20 избъ да 40 клѣтей крестьянскихъ для осаднаго времени, всѣ погнили и развалялись. У городка же Погость Туровецкой на р. Двинѣ и на усть рѣки Туровицы, а на погостѣ церковь Николы да теплая Успеніе. 8) Волость Шарженга и Холезецъ и Березовець, а въ ней погость въ осыпи, гдѣ былъ городокъ Холезецъ (см. выше, Хорозинъ) а на погостѣ церковь Георгія. 9) Въ Орловской волости городокъ Орловъ на рѣчкѣ на Мельницѣ, на старой осыпи, рубленый, да три башни клѣтчатыя; а въ немъ церковь Борисъ и Глѣбъ. Поставленъ ново, въ 128 (1620) году отъ литовскихъ людей; ставили окольныхъ волостей крестьяне Орловскіе, Шаскіе, Варженскіе да архангельскаго монастыря крестьяне, вопче собою. Въ городкѣ жъ 9 пищалей затинныхъ, 23 пищали ручныхъ, 400 стрѣль, 3 пуда пороху, 10₂ пуда свинцу, 100 ядеръ желѣзныхъ—присылка прежнихъ государей. А около того городка 240 сажень. Да въ городкѣ жъ для осаднаго времени Тайникъ и изъ городка (тайникъ) по подземелью къ рѣчкѣ Мельницѣ.

Вотъ эти-то запоздалые и еще живые городки, даже съ тайгными выходами, извѣстными и лѣтописцамъ VI вѣка,*) вполне знакомятъ насъ съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ необходимо было ихъ устраивать и въ XVII ст., и въ незапамятное доисторическое время.

Отъ времени Геродота и до начала XVII. ст.; т. е. въ теченіи 2000 лѣтъ не существовало въ этомъ углу нашей земли ни государственной, ни земской безопасности; населеніе должно было само собою вопче стараться охранять себя отъ врага; оно и строило свои городки, которые въ глубокой древности могли принадлежать еще здѣшнимъ старожиламъ, племенамъ финскимъ, если и тѣ были также осѣдлы/ какъ славян-
..... 1

) Приаомьамъ существовавши ТаЦни;> и в ндшень Креихѣвсвоиѣ гороjlt (ТаИнація ворота).

не и также стойко всегда защищали свою землю. Исторія сибирскихъ инородцевъ доказываетъ, что и тамошніе финскіе звѣроловы тоже укрѣплялись городками въ своихъ волос- тяхъ; покрайней мѣрѣ при движеніи туда русскихъ въ XVI ст. такіе городки еще живьемъ находимы были повсюду, и нѣтъ слѣдовательно сомнѣнія, что въ незапамятное время тѣмъ же способомъ укрѣплялись въ своихъ мѣстахъ и европейскіе звероловы. Мы вообще думаемъ, что исторія занятія Сибири по своему характеру и во всѣхъ своихъ частныхъ подробностяхъ была только продолженіемъ болѣе древней исторіи занятія нашимъ племенемъ всего сѣверовосточнаго лѣснаго края Европы, который для передвигавшихся сюда отъ Дуная славянъ былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ же, чѣмъ была Сибирь для нашихъ предковъ IX—XVI столѣтій. Городки являлись необходимою защитою, точкою опоры и для туземцевъ и для нашихъ піонеровъ—населъниковъ. Движеніе геродотовскихъ Невровъ въ землю Вудиновъ быть можетъ было начальнымъ движеніемъ славянскаго племени въ эту лѣсную и болотную непроходимую землю; они шли, какъ обыкновенно идетъ мирное земледельческое и промышленное населеніе, занимая страну медленно, шагъ за шагомъ, десятину за десятиною, распространяясь во всѣ стороны отъ занятыхъ твердыхъ и удобныхъ пунктовъ. А такими пунктами, какъ упомянуто, были городки. Вотъ почему и наши города по большей части стоятъ на западныхъ берегахъ рѣкъ, т. е. на тѣхъ берегахъ, съ какой стороны подвигалось населеніе. Вначалѣ это были только укрепленныя и скрытыя места защиты для окрестныхъ деревень или поселеній, куда въ случаѣ опасности жители собирались съ имуществомъ и семьями. Таковъ городокъ Кувцовскій и многое множество другихъ ему подобныхъ, находящихся въ лесной и речной глуши. Какъ скоро населеніе утверждалось прочно въ своихъ мѣстахъ, необходимо возникалъ и большой городъ, тянувшій къ себѣ целый более или мѣнее значительный округъ населенія. Изъ маленькаго городка, если онъ былъ срубленъ и устроенъ на месте вполне выгодномъ для защиты такого округа и вполне удобномъ для

разселенія, выросталь большой городъ—въ родѣ Новгорода, Кіева, Чернигова, Смоленска, п такъ далѣе, до самой Москвы, у которой древнѣйшее ея сердце находилось на Кремлевской горѣ, покрытой боромъ и прилегавшей острымъ мысомъ, гдѣ существовалъ древнѣйшій городокъ, къ устью рѣчки Неглинной (Боровицкія Ворота).

Если въ христіанское время внутри городка, какъ въ сох-ранномъ и безопасномъ мѣстѣ, ставились святыя церкви, то и въ языческое время, въ томъ же городкѣ, если не ставились языческіе храмы, то совершались свои торжества и поклоне- нія божествамъ съ необходимыми братовщинами-пиршества- ми, то есть непременно при общемъ собраніи всего окрест- наго населенія. И потому мысль. Ходаковского, что древнія городища были нѣкогда языческими капищами, при всей своей односторонности, совсѣмъ опровергнута быть не можетъ.

Что касается до пребыванія въ нашихъ мѣстахъ ГеродотО- выхъ Вудиновъ или, по теперешнему ученому названію, Фин- новъ, т. е. Мещеры, Муромы, Мери, Мордвы, то и въ Сѣтун- скомъ Стану сохраняются еще остатки ихъ именъ, напр, рѣ рѣчкѣ Навексѣ, на которой стоит село Аминово; въ рѣчкѣ Закзѣ, впадающей въ пограничную' рѣчку Стана, Медверку.,

Такимъ образомъ, Кунцовское Городище есть памдтг никъ глубочайшей древности, показывающій, что эта сторона была заселена съ незапамятны» время, за долго до того времени, съ котораго мы начинаемъ свою исторію.

МЕЖЕВАЛ ОПИСЬ БУНДОВСКОЙ ДАЧИ 1649 ГОДА.

Иѣта 7157 Юни въ 11 день по г-ву ц-ву и в. к. Алекоѣя М. в. р. ухазу в по наказу изъ Понѣстнаго Приказу за приписью дѣяка Мартемьяна Бредихина Алексѣй Ондреев. Коковинской да подѣячей Тимошей Ондреевъ межевали въ Московскомъ уѣздѣ въ Сѣтунскомъ Стану боярина Илви Даниловича Милославскаго вотчинные пустоши, пустошь Кунцово, пустошь Резанцово, пустошь Шуткино, да церковную землю Покрова Прч. Б-цы, что на Городищѣ съ государевыми дворцовыми землями разныхъ сель и деревень и съ помѣстными и съ вотчинными землями разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, по старымъ межамъ и по отводу старокилцовъ тутошнихъ и окольнихъ людей, а съ чьими землями, и которыхъ сель и деревень и пустошей земля вотчинныхъ пустошей б. И. Д. Милославскаго вотчинныхъ пустошей въ межахъ сошлась и то писано въ с ихъ книгахъ подлинно.

Межа вотчинной земли б. И. Д. Милославскаго пустоши Кунцовой, Да пустоши Рязанцовой да пустоши П о л у н ь к и н о (ошибка) да церковной земли Покрова Прч. Б-цы что на Г о р о д и щ е. Почень от» Москвы рѣки промежь государевы дворцовые земля деревни Ипской и про- межъ вотчинной земли б. И. Д. Милославскаго у Москвы рѣки на берегу въ лѣсу подъ Зараземъ поставленъ столбъ осиновъ, на немъ грани, а подлѣ столба выкопана яма, а въ ямѣ камень и уголье. Да под- л* столбажъ и подлѣ ямы старая межевая признака, колода, что бываль осиновый пень; а отъ столба и отъ ямы подъ Зараземъ прямо на гору на двѣ старын ямы, что у дорожки; а промежь ямъ поставленъ столбъ дубовой, а на немъ грани, а дорожкою ѣздить изъ деревни Ипской на пустошь Плуткино. А отъ тѣхъ ямъ и отъ столба прямо по межнику къ долинкѣ, а у долинки поставленъ столбъ сосновой, а на немъ грани, у столбаж> яма, а въ ней камня. А отъ столба и отъ дол на лѣво долинкою на лужокъ, а на лужку поставленъ столбъ сос>

новой на немъ грани, а у столба яма, а въ ямѣ каменя. А отъ столба и отъ ямы на право къ дорожкѣ, что ѣздить изъ деревни Ипской на пустошь Кунцово. А у дорожки поставлевъ столбъ осиновь на немъ грани подлѣ столба яма, а въ ямѣ камень; а отъ того столба и отъ ямы на столбъ же осиновь на немъ грани, у столба яма, а въ ямѣ* камень. А отъ стоѣба и отъ ямы межою на лѣво въ Поперешной врагъ, Кунцовской тожъ, а середь врагу въ водомойнѣ сто* ить столбъ кленовь на немъ грань. А отъ того столба Поперешнимъ врагомъ къ рѣчкѣ Хвилкѣ, а рѣчкою Хвилкою вверхъ до бочевины, а въ бочевивы въ водѣ камень; а у той же бочевины на берегу камень, а отъ бочевины и отъ камня черезъ рѣчку Хвилку на лѣво въ Бетенской врагъ, а Бетенскимъ врагомъ къ Звенигородцкой дорог* и черезъ Звенигородскую дорогу на столбъ осиновь, на немъ грани, а у столба яма, а въ ямѣ каменя да кости, а отъ Звенигородской дороги и отъ столба и отъ ямы лѣсомъ впрямъ водомоиною на столбъ же еловой, на немъ грани, у столба яма, а въ ямѣ каменя да кости, да у столба же и у ямы пенекъ дубовой, а дубокъ сѣчевъ. А по сказ* къ старожилцовъ на томъ дубу бывала грань. А отъ того столба и отъ ямы и отъ пенка дубоваго впрямъ къ новой Можайской дорогѣ подеѣ новочисной земли, а у дороги столбъ поставленъ осиновь, на нею грани, а подлѣ столба яма, а въ ямѣ каменя да кости. И до того столба по Можайскую дорогу отъ Москвы-рѣки отъ первые грани отъ столба и отъ ямы по межѣ и по гранемъ и по ямамъ на правѣ земля и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодыя вотчины б. И. Д. Милославскаго пустоши Кунцовы да пустоши Резанцовы, а на лѣвѣ земли и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодыя государевыхъ дворцовыхъ деревень, деревни Ипской да деревни Мазыловы да пустошей Шепелевы да Бетинской. А отъ столба и отъ ямы, что у Можайской дороги, отъ Москвы ѣючи по Можайской дорогѣ правою стороною на старую шу, а у ямы поставлевъ столбъ, а на немъ грани, а отъ столба и отъ ямы дорогою на старуюжъ яму, а у ямы поставленъ столбъ осиновь, а на немъ грани. А отъ того столба и отъ ямы дорогою жъ на долину, а въ долину у дороги по правую сторону отъ Москвы ѣдучи. поставленъ столбъ осиновь, а на немъ грани, а подлѣ столба яма новая, а въ ней каменя по тое грань и по яму по правую Можайскую дорогу земля и лѣсъ вотчины б. И. Д. Мил. пустоши Кунцовой да пустоши Резанцовой, а по лѣвую сторону Можайскіе дороги земл* ррзныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. А отъ столба и отъ ямы доли» пою отъ Можайской дороги в подлѣ долины дорогою вправо до річвд

Хвилки, а у рѣки Хвилки, недоѣхавъ немного, на горкѣ поставленъ столбъ, на немъ грани, подлѣ столба яма, а въ ямѣ камня; а отъ того столба и отъ ямы черезъ рѣчку Хвилку на лѣво черезъ старую Можайскую дорогу въ Т е м н о й врагъ, а темныи врагомъ къ Зве-нигородской дорогѣ, а у Звенигородской дороги поставленъ столбъ, а на немъ грани, подлѣ столба яма новая, а въ ней камня; а отъ того столба и отъ ямы по Звенигородской дорогѣ отъ Москвы ѣдучи во дѣвую сторону стоитъ дубъ, а на немъ грани, да надъ граньюжъ признака, высеченъ и в е р е н ь . А отъ того дуба Звенигородскоюжъ дорогою къ Нагорному полю, а у Нагорнаго поля подлѣ дороги на правой сторонѣ поставленъ столбъ, а на немъ грани, а подлѣ столба яма, а въ ямѣ камня; да у тогожъ столба и у ямы стоитъ березка; а отъ столба и отъ ямы и отъ березки вправо отъ Звенигородской дороги ■я дубовой горѣлой пѣнь, а отъ горѣлова пня на сосну, на ней грань, » отъ сосны воловою межею пустоши Плуткиной до дороги, а дорогою поворотитъ на лѣво, что ѣздить съ Москвы въ деревню Н а г о р - н у ю , а съ дороги поворотитъ на право подлѣ Нагорновской пашни и подлѣ Заразу къ церкви Покрову Пречистые Богородицы, что на Городищѣ; а возлѣ Городища подлѣ (На) горновской же пашни поворотитъ на лѣво врагомъ ручьемъ къ Москвѣ-рѣкѣ.

> И той межѣ обводной У т и н ь (грань рубежъ, отрѣзъ) по ручью Моснва-рѣкв. А съ повороту съ Можайскіе съ новые дороги по гранемъ И по ямамъ и по урочищамъ и до Москвы-рѣки на правѣ земля и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодыя б. И. Д. Мил. пустоши Резанцовы и іустошп Плуткиной и церковные земли Покрова Пречист. Б-цы, а на лѣпѣ земля и лѣсъ и сѣнные покосы и всякія угодыя деревни Нагорной и пустошей' Збоевскіе и Борисовой*. А Москвою-рѣкою отъ ручья берегомъ вниз до первой починной грани до столба и до ямы, что на берегу Москвы-рѣки, по Москвѣ-рѣкѣ правая сторона Москвы-рѣки и по под-эйразью сѣнные покосы и лѣсъ и всякія угодыя б. И. Д. Мил. вотчинныхъ пустошей пустоши Кунцовой дв пустоши Резанцовой да пустоши Плуткиной да церковный земли Покрова Прч. Б-цы что на Городи**.

Межа б. И. Д. Мил. отхожимъ сѣннымъ покосамъ церковные земли Покрова Прч. Б-цы, что подѣ селомъ Крылатцкимъ въ лугахъ, почая отъ Москвы-рѣки рѣчкою Меленкою вверхъ къ дорогѣ, что ѣздить съ Моснвы въ село Крылатцкое, а на дорогѣ черезъ рѣчку Меленку мостъ, а межъ рѣчки Меленки и Крылатцкой дороги на моску (такъ) отъ Мос-квы-рѣки по правую сторону рѣчкн Меленки поставленъ столбъ бере-

зовъ, а на немъ грань, а отъ того столба черезъ дорогу лугомъ на столбъ березовъ на немъ грани; а столбъ поставленъ возлѣ ивова куста, а отъ столба и отъ куста прямо на лужу на мочевище, а поко- нецъ мочевища поставленъ столбъ березовъ на немъ грани. А въ мо- чевищѣ противъ столба кустъ ивовъ; а отъ того столба отъ мочевищъ и отъ куста колѣномъ на право къ Москвѣ-рѣкѣ на столбъ сосновой на немъ грани, а отъ столба черезъ дорожку къ Москвѣ-рѣкѣ до воды по тѣмъ гранемъ отъ рѣки отъ Москвы и отъ рѣчки Меленки по Мо- скву жъ рѣку правая сторона лугъ сѣнные покосы б. И. Д. Милосл. церковные земли Покрова Прч. Б-цы, а лѣвая сторона сѣнные жъ покосы села Крылатцкаго церковные. А между отводилъ старожшецъ государевы дворцовые деревни Ъхоловы, Мневнины тожъ, крестьянинъ Те- решка Ортемьевъ.

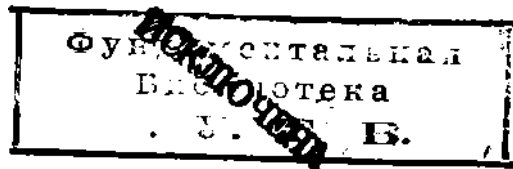
Межа б. И. Д. Мил. вотчинные пустоши Кунцовы отхожимъ сѣн- нымъ покосамъ, что подъ деревнею Гусаревымъ въ лугахъ по Москвѣ- рѣкѣ, почень отъ кустарнику и отъ болота къ Москвѣ-рѣкѣ, у болота въ лугу поставленъ столбъ осиновъ на немъ грань, а отъ того столба къ Москвѣ-рѣкѣ на столбъ же осиновъ на немъ грани; а про- межъ тѣхъ двухъ столбовъ въ длинникѣ на межѣ въ разныхъ мѣстахъ лежать въ землѣ камень старинное. А отъ того столба на лѣво по- перешникомъ къ деревнѣ Гусаревѣ межею промежъ переложные пашни и сѣшыхъ покосовъ на столбъ же осиновъ на немъ грани; а отъ того столба на лѣво жъ длинникомъ къ селу Хвилямъ на столбъ же осиновъ на немъ грани, а межъ столбовъ по межнику лежать камень; а отъ того столба на лѣво поперешиномъ къ первому столбу съ гранью, что стоитъ болотцо и у кустарнику правая сторона за гранми лугъ сѣнные покосы государевы дворцовые, села Хвилей съ деревнями, а лѣ- вая сторона въ граняхъ отхожіе сѣнные покосы б. И. Д. Милославскаго вотчинной пустоши Кунцова.

А на межеваньи были окольніе люди...

ПРИМЪЧАНІЕ.

Г. Васильчиковъ, въ своей статьѣ: „Родъ Нарышкиныхъ" (Русскій Архивъ, изд. г. Баргеновымъ, годъ 1871, стр. 1487 — 1519), свидѣтельствуеъ, что Кунцово продано „со всѣми Фамильными портретами, бумагами и памятниками". Однако наши поиски какихъ либо свѣдѣній объ исторіи Кунцова въ самомъ Кунцовѣ остались безуспѣшны и новый владѣлецъ дачи удостовѣрилъ насъ, что никакихъ бумагъ, и въ точномъ смыслѣ ни одной бумаги, съ пріобрѣтеніемъ Кунцова къ нему не перешло. Весьма желательная разработка мѣстою и Фамильной исторіи у насъ вообще очень затруднительна именно по не-пмвѣрной скудости источниковъ, которыхъ почти вовсе не находимъ или пока еще мало видимъ въ качествѣ Фамильныхъ хранилищъ и которые добываются съ немалымъ трудомъ лишь въ обшихъ казенныхъ архивахъ, доставляющихъ однако свѣдѣнія разрозненный и разсѣянный по крупицамъ и притомъ всегда оффиціально-сухія и голые, безъ венкой исторической одежды, то есть, безъ всякаго объясненія старобытныхъ отношеній, и безъ отвѣта на историческіе вопросы: какъ и почему что случилось?

Для раскрытія исторіи Кунцова и Овтунскаго Стана, кромѣ печатныхъ, весьма недостаточныхъ, а отчасти и невѣрныхъ свидѣтельствъ, мы исключительно пользовались хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи Писцовыми и Межевыми книгами и другими документами по городу Москвѣ, XVII и начала XVIII ст., изъ которыхъ заимствована и приведенная выше межевая опись Кунцовской дачи 1649 года. Подробный обзоръ этихъ источниковъ см. въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи“, Книга первая, Спб. 1869, подъ № 1294—1628.

**РАЗСТОЯНИЕ СЕЛЕНІЙ СЪТУНСКАГО СТАНА ОТЪ ДОРОГОМИЛОВСКОЙ
ЗАСТАВЫ.**

**По врзвую сторону отъ большой дорога,
между Москвою-рѣкой ш дорогою.**

	Версты.
Кладбище Дорогомилдовское .	1
Кутузовская изба	2
Поклонная гора.....	3
Покровское-Хвили (ц.) . . .	37а
(Паромъ на Шелепиху)	
Хвили деревня	4
Гусарево . . . "	Б7г
(Бродъ въ Мневники)	
Мазилово.....	5
Кунцово (ц).....	6
Кунцовское Городище . . .	7
Крылатское	Θ
(Бродъ подь Тереховы»)	
Татарово.....	10
(Мостъ въ Хорошово)	
Черепково	12
Екатериновка	13
Троицкое-Лыково-	
Бутурлино (паромъ).....	15
Строгино	17 ^{г/а}

**По лѣвум етороіу отъ Юльшой дорога,
во р. Сътуав в еврвтомму**

	Версты.
Дача Воспитательнаго дома .	2
Троицкое-Голеницево ...	4
(Воробьева).....	5
Каменная Плотина	5
Гладышево	Б
Матѣвская	№/а
Раменки	7 */*
Никольское	Θ
Никулина	Ц
Тропарево (ц.).....	- . . 12
Волынское (ц.).....	6
Давыдково.....	6
Жуковка	77i
Аминево	77а
Очаково (ц.)	10
Михалкове	117*
Вавулино	13
Говорово (ц.).....	13
Терешково.....	14
Румянцеве	16

Версты.		Версты.
Мекиняно 18	(Саларево)	16
(Паромъ въ Павшино)	(Истскъ р. Сѣтуни)	
Лугъ, Лухи 18	Сѣтувъ на б. дорогѣ. . . .	9
Рублево 16	Спасское-Манухино (ц.) . .	10
(Перевозъ въ Архангельское)	Троекурово-Хорошово . . .	11
Ромашково (ц.)..... 15	(Проспектъ въ Вавулино)	
Раздоры 16	Суково (ц.)j .	157з
Дубравка Поповка 18	Орлово (ц. и молитв, домъ) 17/a	
Лохина. 19	Картмазово	18
(Мостъ къ Ильинскому у Глу-	Марфутка на б. дорогѣ. . .	11
хова).	Новая на б. дорогѣ	12½
Куркиво (противъ Архангельска™)	Марѣина	12 VГ
(Архангельское)..... 18	Сколково.	13
Барвиха-Самынка 18	Нѣмчиново	14
(Перевозъ въ Ильинское)	Лукино (ц.)..... . . .	17
Шульгине 17	Ѳедосьино (ц.)	18
Подушкино-Рождествено (ц). 18	Мамоново на б. дорогѣ. . .	16
Пвдушкипское Городище. . 19	Одинцово на б. дорогѣ (ц.) 17 у ₂	
Акишево 19	Вырубово-Марково	19
Усово-Спасское 21	Измалково (ц.)	19
Ляйково-Мелтехино (д.) . . 23	Передѣлецъ	19
Рѣчка Медвенка 25	Глазынино	19
	Губкино	20
	20
	Внуково	22
	Окулово - Покровское - Само-	
	дуровка (ц.)	22

(ц.) означеть, что въ селевів находвтся церковь.

СОДЕРЖАНИЕ.

Страж. ■

Очеркъ исторіи чувства природы въ іревне-русскомъ обществ*	1
Путь въ Еувцову: Дорогомилowo	61
Сѣтунсіи Ставъ:	
Поклонная тора: сдача Мосівы Полякам»; сдача Москвы Франціямъ . . .	73
Историческое обозрѣіе сеіеяіН Сѣтунскаго Стана.	114
Кунцово н Хвили.	
Исторіи владѣльцевъ Кунцова:	
Бонрниъ Петръ Конотантнвоввчъ XIV—XV* ст	141
Кнзнь Мстнславскіе:.....	143
Кн. Ѳедоръ Миіайловнчъ	145
Кн. Иванъ Ѳедоровичъ.....	147
Кн. Ѳедоръ Ивановичъ.....*	151
Княжна Ирана Ивановна	158
Кунцово—дворцовая вотчина	161
Милославскій Илья Даниловнчъ.....	163
Въ Кунцовѣ царь Алексѣй Мніайлоіиивъ.....	107
Милославсіи Иванъ Михайловнчъ	172
Милославекая Ѳедосън Ивановна, кнвгннн Імеретинская	179
Кунцово—патріаршая вотчнна	180
Матвѣевъ Авдрей Артемоновнчъ.....	181
Нарышіны:	
Левъ Кнриловнчъ	181
Алексавдръ н Иванъ Львовичи	187
Левъ Александровичъ.....	184
Въ Кунцовѣ Екатерина II.....	206
Аіександръ Львовнчъ	206
Карамзинъ	207
Пребываніе Прусскаго Короля.....	214
Обворъ достопрнмѣчательностей	217
Кунцевское Городище, называемое Прокдатымъ мѣстомъ.....	224
Нежевая опись Кунцовской аеилі	250
Раастоявіе сеіеніі Сітуяскаго Стана отъ Дорогоміовскоі іаетавы	266

DB
30

3-12

2059
p. 121.